

32-5
488а

СССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ч

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ РККА им. ТОЛМАЧЕВА

~~Им 200
Д-943~~

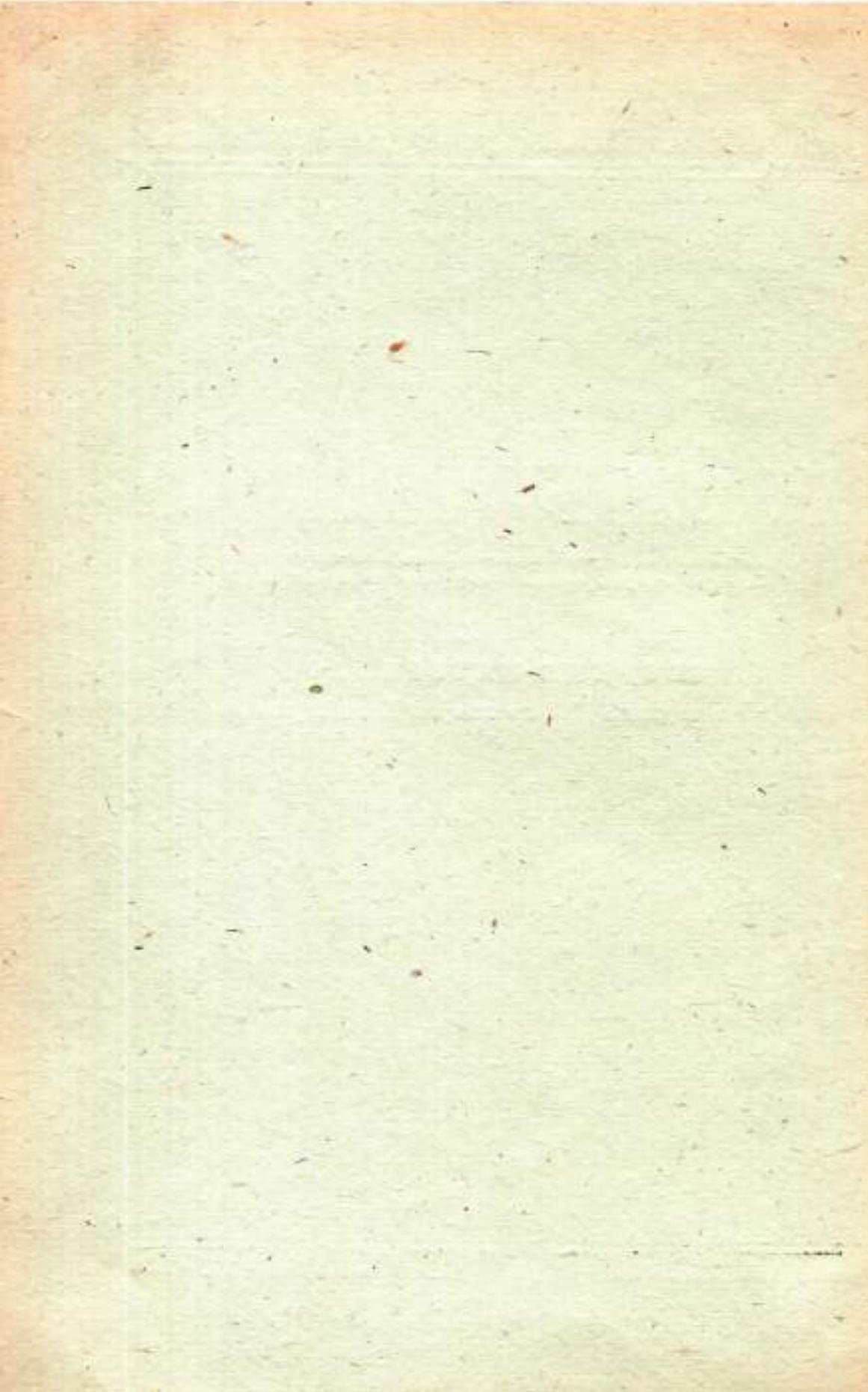
ЛЮКСЕМБУРГИАНСТВО

Извлечения из сборника подготовленного к печати кафедрой
Всеобщей истории, совместно с другими кафедрами ВНАТ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
к заданию № 1 по истории Коминтерна

ИЗДАНИЕ ВНАТ

ЛЕНИНГРАД — 1932

32-5-488

ХЛІІІ-1810

С С С Р

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ РККА им. ТОЛМАЧЕВА

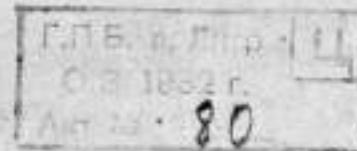

ЛЮКСЕМБУРГИАНСТВО

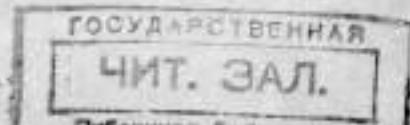
Сборник материалов

к заданию № I по истории Коминтерна

№ 1000000

Ленинград, 1932

Ответств.редактор М.С.Годес. Техн.редакт Л.Голубь.
Сдано в производство 4/III-1932 г.

Выпущено № 32

Станд.форм. 72х110 Количество печ.листов 9 4/16.
Общее число печатных знаков в 1 лиюте - 38.400.

Ленинград, Центр.Типогр.НКВМ, пл.Урицкого 10.1932г.

Заказ № 1391 Тираж 350 экз.
Ленгорлит № 35695.

I. КАК СОЦИАЛ-ФАШИСТЫ И РЕНЕГАТЫ ИСПОЛЬЗУЮТ ЗНАМЯ РОЗЫ ДЮКСЕМБУРГ.

ЭРНСТ БЕЗЕ (Гамбург).

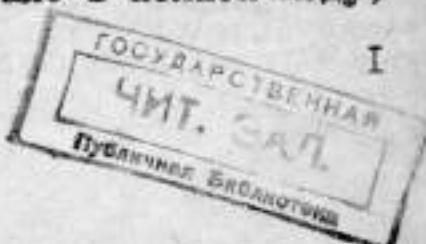
РОЗА ДЮКСЕМБУРГ И ЛЕНИНИЗМ.

Вот уже несколько лет, как не является тайной, что Роза Люксембург - руководящий теоретик крайне левого крыла в довоенное время и основательница германской коммунистической партии - в отношении основных вопросов пролетарской революции была антиленинисткой. Опубликованные Паулем Леви письменные высказывания Розы Люксембург о "русской революции" явили пролетарской общественности интересную картину ее умственных интересов незадолго до начала ноябрьской революции в Германии.

Тем самым была начата полемика между "ленинизмом" и "люксембургианством". Однако, германские коммунисты, не вникая глубоко в сущность выдвинутых проблем и ссылаясь преимущественно на то, что Роза Люксембург в ноябре 1918 г. боролась за диктатуру пролетариата, ограничились выводом, что Роза Люксембург будь она ныне жива - теоретически и практически стояла бы на почве ленинизма.

В ответ на изданную Леви посмертную брошюру, Клара Цеткин, правда, написала довольно об "эмистую книгу. Но даже она об "ясняла "меньшевистские заблуждения Розы Люксембург" затмением сознания, длившимся лишь 3 или 4 месяца. По ее мнению, одной недели самоуглубленного размышления было достаточно, чтобы заставить исключительный ум Розы ясно и твердо ответить на все вопросы, остро поставленные революцией. Характерен также взгляд Карла Радека, который в 1921 г. повествовал, будто бы Роза Люксембург, как теоретик "заблуждаясь", в течении короткого времени примкнула к меньшевикам. Однако, освобожденная революцией из тюрьмы, она, якобы, во всех вопросах, имеющих решающее значение, стояла на стороне большевиков. Это не помешало ему, однако, четыре года спустя, когда наступление большевизма против "полуменьшевистского люксембургианства" было в полном ходу,

Зак. № 40. Тир. 350 экз.

заявить в дискуссионной статье: "Роза Люксембург во многих отношениях стояла на полпути к мировой революции".

Коммунисты в течение многих лет боялись, как чорт ладана, открытого и недвусмысленного об "яснении относительно теорий Ленина и Розы Люксембург. Положение изменилось лишь тогда, когда, после так называемого октябряского поражения германской коммунистической партии в 1923 г., было устраниено существовавшее до того правое руководство (Брандлер), которое, по существу, было детищем крайне-левого движения довоенного времени. Новое, сверх-левое партруководство начало резкую, но поверхностную борьбу против "заблуждений" Розы Люксембург, при чем несостоятельность коммунистической партии и ее поражения при "обективно-благоприятных условиях" (!) обяснялись теоретической установкой Розы Люксембург.

Сверх-левое междуцарствие, тем временем, давно уже сменилось патентованным "большевистским" Центральным Комитетом, но ни от чьего внимания не могло ускользнуть, что Г.К.П., даже при нынешнем руководстве, воздвигала все большие и большие барьеры между собой и социалистическими рабочими массами и все явственнее становился разрыв с ее соц.-демократическим прошлым крайне-левого оттенка и самым и с Розой Люксембург. Ленинизм стал русским экспортным товаром, формально-гробокопательское истолкование Ленина спрятывает победу за победой. Тем самым досаялась мечта о синтезе между ленинизмом и люксембургианством, хотя это отнюдь не означает, что среди германских коммунистов совершенно вымерли люксембургианцы.

Однако, несмотря на это, Г.К.П. считает Р.Люксембург своей, ибо-как это обычно говорится в тоне, предназначенному для (широких) масс - она бы ныне стояла на точке зрения ленинизма, если бы не была убита исподтишка.

Мы не будем участвовать в гадании, в каком стане находилась бы ныне Роза Люксембург, а, напротив, ограничимся скромным изложением важнейших теоретических противоречий между Лениным и Розой Люксембург, поскольку это возможно в рамках настоящей статьи. И тут мы, действительно, приходим к выводу, что теоретическая и практическая установка Розы Люксембург не подходит под схему ленинизма. Нам кажется, что острые слова, сказанные Виктором Адлером после пребывания русского священника Гапона за границу, могли бы также быть сказанием Г.К.П. относительно ее отношения к Розе Люксембург: "Бывают люди, которых скорее

желаешь видеть мучениками, чем своими единомышленниками по партии".

П.

Иным рассуждениям о непримиримости Розы Люксембург в отношении Ленина до сих пор, однако, присущ был тот недостаток, что они преимущественно основывались на той критике, которую Роза проводила в своей посмертной брошюре, но оставляла без внимания самый источник всех этих разногласий, — теорию империализма и пролетарской революции. Между тем теория Розы об империализме и пролетарской революции является ключом для понимания всей ее теоретической и практической установки.

При изучении империализма Ленин пришел к закону о неравномерности политического и экономического развития капиталистических стран и из этого заключил, что победа социализма в одной стране, даже если эта страна капиталистически менее развита, вполне возможна и вероятна и при дальнейшем существовании капитализма в других странах, даже если эти страны капиталистически более развиты. Гениальное обоснование своего тезиса, что русская революция является социалистической и что строительство социализма в капиталистически отсталой, крестьянской России возможно, Ленин дает в своей теории империализма, с которой, полагаем, читатели знакомы.

Исходя из анализа империализма, Ленин развивает свою теорию пролетарской революции. Обострение революционного кризиса в капиталистических странах, накопление горючего материала в метрополиях, усиление кризиса в колониальных странах и, вместе с тем, растущее возмущение против капитализма на "колониальном фронте", неизбежность войны в эпоху империализма, коалиции пролетарской революции с колониальной революцией на Востоке — все эти факторы создают интернациональный фронт революций против империализма. Если раньше предпосылки для пролетарской революции анализировали с точки зрения экономической зрелости соответствующих стран, то ныне вопрос о пролетарской революции следует рассматривать с точки зрения экономических условий во всех странах, ибо империализм является мировой системой финансового порабощения и колониального угнетения гигантского большинства населения со стороны маленького числа высокоразвитых стран. "По этой причине статистическим данным о процентном отношении пролетариата в отдельных странах не следует придавать

того огромного значения, которое придавалось им стихиями "Интернационала" (Сталин).

Неравномерность и скачкообразность развития капиталистических стран, нарастание противоречий в системе мирового империализма и неизбежность военных столкновений приводят, однако, к тому, что прорыв империалистического фронта в отдаленных странах становится вероятным. Но этот прорыв, по мнению Ленина, может произойти лишь там, где империализм наиболее слабо fundamentирован. Поэтому победа социализма в одной - даже капиталистически отсталой - стране возможна и вероятна.

Роза Люксембург отнюдь не отрицает, что капиталистическое производство анархично и что капиталистическое общество есть классовое общество со все усиливающимися классовыми противоречиями, но она не усматривает еще в этом экономического обоснования наступающего заката капиталистического способа производства. Ответ на вопрос, почему победа пролетариата становится экономической необходимостью, дают, по мнению Розы Люксембург, только законы движения и развития капитализма. Роза Люксембург тщательно и подробно пытается доказать, что, поскольку дело идет о чисто капиталистическом обществе, состоящем только из капиталистов и наемных рабочих, ни реализация прибавочной стоимости ни расширенное воспроизводство с самого начала, а *при* ^{автоматически} невозможны. На внутреннем рынке капиталисты не находят покупателей для полу-чившегося, вследствие аккумуляции, прироста товаров. Напротив, покупатели могут быть найдены только вне сферы капиталистического хозяйства, в которую капитализм должен проникнуть.

В аккумуляции капитала заключается тайна как его развития, так и его экономической гибели. Аккумуляция готовит капитализму, который она же развила, могилу, ибо она все более и более суживает и, на конец, совершенно заставляет исчезнуть экономическую предпосылку его существования - некапиталистическую среду. Здесь мы наталкиваемся на экономический предел капитализма, как определенного исторически ограниченного способа производства. Рабочая революция проектирует себе пути.

Бросается в глаза, что теория Розы Люксембург несогласна с теоретическими взглядами Ленина. Соответственно этому совершенно различны также те выводы, которые обе теории делают на своих теориях.

Русский коммунист Бухарин в русском журнале "Под знаменем марксизма" беспощадно разделяет Розу Люксембург.

сембург и пытался доказать, что взгляды Розы Люксембург относительно крушения капитализма - антиленинские. Бухарин подробно рассматривает общую теорию рынка и приходит к выводу, что защищаемая Розой Люксембург теория аккумуляции капитала и крушения капитализма попросту ошибочна.

Бухарин ставит Розе Люксембург в упрек замену усиленной эксплоатации для получения сверхприбыли "короткой реализацией", результатом которой должен явиться мирный характер расширенного воспроизводства. Роза Люксембург предлагает нам теорию, благодаря которой, поскольку это касается теоретической сущности дела, смазывается и ослабляется именно капиталистическая действительность. Короче говоря, мы доказали, что замена Розой эксплоатации реализацией должна иметь результатом именно мирный характер процесса, сколь революционны ни были бы ее "выводы". Бухарин полагает, что из теории Розы может быть сделан вывод, что о крушении капитализма не может быть и речи.

"Если бы теория Розы Люксембург была хоть сколько-нибудь верна, то дело революции, право, обстояло бы весьма плохо. Тогда пришлось бы, наподобие Кунова, сказать: "В распоряжении капиталистической экспансии находится еще столь огромное поле деятельности, что только утописты могут еще серьезно говорить о каких-либо пролетарских революциях". Что Роза отвергла ход мыслей Кунова, только доказывает, по мнению Бухарина, ее логическую непоследовательность.

Поскольку один из логических постулатов Розы Люксембург гласит, что капитализм должен погибнуть от отсутствия третьих лиц, т.-е. некапиталистических хозяйственных областей, поскольку недостаток некапиталистических хозяйственных областей составляет объективную преграду для капитализма, перешагнуть через которую невозможно, поскольку картина крушения капитализма, разумеется, должна приобрести у Розы Люксембург иной характер, чем по теории Ленина. По этому поводу Бухарин пишет: "Если это так, то само собою понятно, что картина крушения капитализма приобретает гораздо более однообразный, бесцветный, гипертрофированно преувеличенный "промышленный" характер".

Однако и тактические взгляды должны, на основании теоретической концепции, данной Розой Люксембург, расходиться с ленинской теорией империализма и пролетарской революции и с вытекающими из нее тактическими выводами. Если картина крушения капитализма приобретает "преувеличенно промышленный характер", то из этого следует, что носителем социалистически-про-

дегарской революции может быть только промышленный пролетариат. Характерное отношение Розы Люксембург к русской революции, к политике союза пролетариата с крестьянством и к организационному вопросу, ее воинственная позиция против ленинизма становятся лишь тогда понятными, если их расшифровать, руководствуясь ее теорией империализма.

Скептическая оценка Розой Люксембург русской революции с ее отсталой средой всецело соответствует ее основной установке. Правда, она призывала русскую революцию как крупнейшее событие мировой войны, но все же вполне сознавала обективные границы, поставленные революции.

Из всего этого ясно, что Роза Люксембург должна была выступить против Ленина и по важнейшему методическому вопросу революции — по вопросу о движущих силах пролетарской революции.

III.

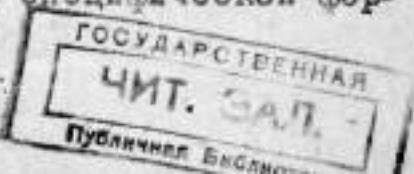
В своих сочинениях Роза Люксембург постоянно напоминает пролетариату, что завоевание рабочим классом государственной власти не может быть вызвано искусственным путем, а предполагает известную степень зрелости хозяйственно-политических условий. Капитализм погибнет в силу своей собственной экономической несостоятельности, но захват пролетариатом государственной власти возможен лишь в том случае, если внутренняя зрелость пролетариата, его классовое сознание будут идти в уровень с экономической зрелостью. Необходимым средством для завоевания государственной власти является демократия, "но она делает захват власти столь же необходимым сколь и единственно возможным".

В отличие от нынешней Г.К.П., которая всецело чувствует себя германским финалом русского большевизма, "Союз спартаковцев" никогда, даже в труднейшие для русской революции моменты, не отказывался от критики большевистской политики. Любопытные доказательства можно найти в огромном количестве в "Письмах Спартака". Эта критика большевизма со стороны "Союза спартаковцев" в Розы Люксембург не обясняется различной оценкой положения и, значит, не может быть расцениваема с чисто тактической точки зрения; напротив, она — результат принципиальной установки Розы Люксембург к империализму, этой наивысшей ступени развития капитализма, к вопросу о будущей судьбе освободительной борьбы пролетариата.

Роза Люксембург отрицает внутреннюю жизнеспособность русской революции, которая, будучи предоставлена самой себе, должна будет погибнуть. По мнению Розы Люксембург проводившими и завершившими пролетарской революции могут быть только прошедшие школу социализма индустриальные наемные рабочие, которые, будучи также всего лишь порождением капиталистического общества, однако, как по своей численности, так и по своим хозяйственным функциям и по своему пониманию законов социального развития, далеко превосходят все остальные классы. Этим обясняется также критика аграрной политики большевиков со стороны Розы Люксембург, критика, получившая наиболее яркое выражение в следующих словах: "Ленинская аграрная реформа создала в деревне новый могущественный слой врагов социализма, сопротивление которых будет гораздо опаснее и упорней, чем было сопротивление крупного дворянского землевладения". Критика Розы Люксембург относительно решения аграрного вопроса в России отнюдь не основана, как это часто утверждали, на недооценке роли, которую играет крестьянство в пролетарской революции. Ее критика относилась к той точке зрения голого насилия, которую занимают большевики в аграрном вопросе, и означает, в конечном итоге, отрицание мысли Ленина о создании пролетарской классовой борьбы с крестьянскими войнами в капиталистической отсталой стране, ибо тем самым лишь закладывается фундамент для создания мелкобуржуазной крестьянской демократии, как это еще в 1920 г. пытался доказать Отто Бауэр в своей небольшой брошюре "Большевизм или социал-демократия". Последний ход развития в Советской России лишь подтверждает это.

ІУ.

Денин для обоснования своей диктатуры террора специально ссылался на Маркса и Энгельса. Однако, Маркс и Энгельс никогда не учитывали возможности, что меньшинство пролетариата захватит политическую власть и будет проводить политику террора против рабочего класса. Маркс и Энгельс всегда имели в виду пролетариат в целом или, как говорится в "Коммунистическом манифесте": "До сих пор все движения были движениями меньшинства или в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства". В своей критике проекта Эрфуртской программы Энгельс заявляет, что специфической фор-

мой диктатуры пролетариата является демократическая республика. В своем предисловии к "Гражданской войне во Франции" Энгельс на вопрос, что следует понимать под диктатурой пролетариата, отвечает: "Немецкий филистер (обыватель) за последнее время испытывает весьма полезный для него ужас при слове: диктатура пролетариата. Ну, хорошо, господа, вы хотите знать, как выглядит эта диктатура? Взгляните на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата". С советской диктатурой террора Парижская Коммуна, однако, совершенно не имеет ничего общего. Так, например, в адресе Генерального Совета Международной рабочей ассоциации говорится: "Коммуна состоялась из городских советников, избранных в различных округах Парижа путем всеобщего голосования. Они были ответственны и в любое время могли быть сменены. Большинство их состояло, разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентским, а действительно рабочим органом - одновременно и исполнительным, и законодательным".

К этой формулировке Энгельса примыкала Роза Люксембург, требуя диктатуры пролетариата в рамках последовательно-демократического государственного строя, который не имеет ничего общего с террористической диктатурой партийного меньшинства пролетариата. Роза Люксембург подчеркивала, что вместе с удушением политической жизни, будет парализована также жизнь Советов и что единственным действенным элементом окажется бюрократия.

В программе "Союза спартаковцев" Роза Люксембург пишет: "Союз спартаковцев" не является партией, которая помимо рабочих масс и через рабочие массы хочет прийти к власти... "Союз спартаковцев" никогда не возьмет в свои руки правительенную власть иначе, чем в силу ясно, недвусмысленно выраженной воли значительного большинства пролетарских масс Германии, чем в силу их сознательного одобрения взглядов, целей и методов борьбы "Союза спартаковцев".

Вся политическая деятельность Розы Люксембург дышала духом демократического участия широчайших народных масс в судьбах пролетарского государственного аппарата. Ныне речь идет о том, чтобы создать предпосылки для диктатуры пролетариата и в этом смысле дух великой революционерки Розы Люксембург должен быть возрожден в сознании революционного, социалистического рабочего класса.

У.

Наиболее разко расхождение между Розой Люксембург и Лениным выявилось, однако, во время полемики между ними в 1904 г. ("Нейе Цайт", 1904). Исходя из положения, что пролетарская революция является элементарным, стихийным процессом, Роза Люксембург усматривает задачу пролетарской партии в том, чтобы, путем участия в революционной борьбе, указать пролетариату, в каком направлении развиваются события. Основной предпосылкой для создания пролетарской партии является широкодемократический характер ее, разный отказ от требуемой Лениным милитаризации пролетарской партии. Он, напротив,ставил партии задачу взять на себя роль руководителя пролетариата. Партия с точки зрения Ленина - есть организационно-политический рычаг, при помощи которого большинство рабочего класса и широкие слои крестьянства будут вовлечены в решающие бои за диктатуру пролетариата. Требование Ленина относительно строго конспиративной формы организации пролетарской партии есть только логический вывод из его теории пролетарской революции, и резкое отклонение его организационной структуры Розой Люксембург свидетельствует лишь, насколько близки были Розе Люксембург задачи западноевропейского пролетариата. Как передовой боец за великое дело социализма, она "на веки веков пребудет в великом сердце пролетариата". - даже, если она первою заблуждалась и глубоко разгневанной ушла от рабочего класса. Ее дух и помыслы жив в рабочих массах, ее подлинная революционность и впредь будет оплодотворять действовать повсюду, где пролетарий, за всяческими заботами о государстве, не забыли о великом завтра.

П. ЛЮКСЕМБУРГИАНСТВО.

I. РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ И РЕВИЗИОНИЗМ.

(Р.Люксембург.-Избр. произведения, т. I. Против реформизма, часть I).

Смысл полемики с Бернштейном.

... В полемике с Бернштейном и его сторонниками — это должен себе уяснить каждый член партии — речь идет не о том или ином методе борьбы, не о той или иной тактике, а о самом существовании социал-демократического движения.

(При поверхностном взгляде на бернштейновскую теорию это может показаться преувеличением. Разве Бернштейн не говорит на каждом шагу о социал-демократии и о ее целях, разве он сам не повторяет многочленно и ясно, что и он стремится к конечной цели социализма, только в другой форме, разве он усердно не подчеркивает, что почти всецело признает современную практику социал-демократии?

Все это, конечно, так. Но правда и то, что издавна в развитии теории и в политике каждое новое направление в своих зачатках опирается на старое, даже и тогда, когда оно по своей внутренней сущности ему прямо противоречит, приспособляется вначале к имеющимся уже формам, говорит языком, которым говорили до него. Лишь с течением времени из старой оболочки выступает новое зерно, и новое направление обретает собственные формы, собственный язык.

Ожидать от оппозиции против научного социализма, чтобы она с самого начала ясно и отчетливо высказала свою внутреннюю сущность вплоть до последних выводов, чтобы она открыто и бесповоротно отреклась от теоретических основ социал-демократии, — значило бы недооценивать мощь научного социализма. Тот, кто в наше время хочет считаться социалистом, но вместе с тем об"явить войну марксистскому учению, грандиознейшему продукту человеческого духа в нашем столетии, тот должен начать с бессознательного преклонения перед ним и, признав себя сначала сторонником этого учения, в нем самом искать точку опоры для борьбы с ним, выдавая эту борьбу за дальнейшее развитие учения. Поэтому, не поддаваясь обману этих внешних форм, следует вылупить самое зерно бернштейновской теории, и это прямо-таки настоятельно

необходимо для широких слоев промышленного пролетариата в нашей партии.

Грубейшее оскорблении, злойшая обида наносится рабочему классу утверждением, что теоретические споры - дело одних "академиков". Уже Лассаль когда-то сказал: "Только тогда, когда наука и рабочие, эти противоположные полюсы общества, об единятся, они сумеют сокрушить в своих железных обятиях все преграды, стоящие на пути культуры". Вся мощь современного рабочего движения зависит на теоретическом познании¹⁾.

Но в данном случае это познание имеет для рабочих сугубое значение, потому что речь идет как раз о них самих, об их влиянии на движение, об их судьбе. Оппортунистическое течение в партии, теоретически формулированное Бернштейном, есть не что иное, как бессознательное стремление обеспечить перевес перешедшим в партию мелкобуржуазным элементам и преобразовать в их духе тактику и цели партии.

Вопрос о социальной реформе и революции, о коначной цели и движении является другой стороной вопроса о мелкобуржуазном или пролетарском характере рабочего движения.

(Поэтому как раз интересы пролетарских масс партии требуют, чтобы нынешние теоретические споры с оппортунизмом встретили с их стороны живейшее и у глубленное внимание. Пока теоретическое познание составляет в партии привилегию горсти "академиков", до тех пор партии неизменно угрожает опасность сбиться с верного пути. Мелкобуржуазная накипь и все оппортунистические течения лишь тогда будут окончательно обессилены, когда широкие рабочие массы сами возьмут в руки острое, надежное оружие научного социализма. Тогда движение будет поставлено на прочное, твердое основание. "Массы это сделают").

Стр. 43-44

М и л и т а р и з м .

Если мы обратимся к истории, не в том виде, в каком она бы могла или должна была развернуться, а в том, в каком она фактически развернулась, то нам придется констатировать, что война являлась необходимым фактором капиталистического развития. Северо-

Американские Соединенные Штаты и Германия, Италия и Балканские государства, Россия и Польша, — для всех их войны создали условия или импульс к капиталистическому развитию, независимого от того, одерживали они победу или терпели поражение. Пока существовали страны, в которых нужно было преодолеть внутреннюю раздробленность или замкнутость натурального хозяйства, до тех пор милитаризм играл революционную в капиталистическом смысле роль. В настоящем времени и в этом отношении положение изменилось. (Милитаризму уже не приходится открывать для капитализма новые страны) I).

Если мировая политика сделалась ареной угрожающих конфликтов, то речь идет не столько о завоевании для капитализма новых стран, сколько о созревших европейских противоречиях, которые занесены в другие части света и там прорываются наружу. В настоящее время, с оружием в руках, выступают друг против друга, будь то в Европе или в других частях света, не капиталистические страны, с одной стороны, и натурально-хозяйственные — с другой, а государственность их высокого капиталистического развития. Правда, при этих условиях возникший конфликт не может не иметь рокового значения для самого этого развития, поскольку он влечет за собою глубочайшее потрясение и переворот в хозяйственной жизни всех капиталистических стран. Но иначе рисуется дело с точки зрения класса капиталистов. Для него в настоящее время милитаризм стал необходимым в трех отношениях: во-первых, как базовое средство конкурирующих "национальных" интересов против других национальных групп, во-вторых, как важнейший способ помещения как для финансового, так и для промышленного капитала, в-третьих, как орудие классового господства над тущающимся населением внутри страны, — все интересы, сами по себе не имеющие ничего общего с прогрессом капиталистического способа производства. Что ярче всего характеризует современный милитаризм, так это во-первых, всеобщий рост его во всех странах, которые стараются друг друга обогнать, как будто под действием собственной внутренней движущей силы, — явление, совершенно неизвестное еще несколько десятков лет тому назад; далее — неизбежность, фатальность близящегося взрыва, наряду с полной неопределенностью

I) Во 2-м издании опущено. Там, где дальше в тексте речь идет о мировой политике и об открытии других стран, там в 1-м издании говорилось только о Китае.

стью новода, которым он будет вызван, и неизвестность, каких государств он ближайшим образом коснется, что послужит предметом спора и т.д. Из движущей силы капиталистического развития милитаризм тоже превратился в капиталистическую болезнь...

Стр. 66-67.

Общий характер ревизионизма.

...Теория Бернштейна снимает социалистическую программу с материального основания и ставит ее на целистический фундамент. Это относится к теоретическому обоснованию.

Но какой вид будет иметь теория, если мы переведем ее на язык практических выводов? Внешним образом и формально она ничем не отличается от принятой до сих пор практики социал-демократической борьбы. Профсоюзы, борьба за социальные реформы и за демократизацию политических учреждений - это то самое, что составляет формальное содержание социал-демократической партийной деятельности; следовательно, различие заключено не в "что", а в "как". При современном положении вещей, профессиональная и парламентская борьба рассматриваются, как средство постепенно воспитать пролетариат и повести его к захвату политической власти. Согласно ревизионистскому пониманию, ввиду неосуществимости и бесцельности этого захвата, борьба должна вестись только во имя непосредственных результатов, т.-е. улучшения материального положения рабочих, постепенного ограничения капиталистической эксплоатации и расширения общественного контроля...

Социалистический характер профессиональной и парламентской борьбы заключается, таким образом, по мнению Бернштейна, в вере в ее постепенно социализирующее воздействие на капиталистическое хозяйство. Но фактически... такое воздействие - чистейшая утопия; капиталистические отношения собственности и государственные институты развиваются в противоположном направлении. Но тогда практическая повседневная борьба социал-демократии утрачивает в конечном счете всякое отношение к социализму. Великое социалистическое значение профессиональной и политической борьбы состоит в том, что она социализирует знание и сознание пролетариата и организует его как класс. Но когда мы рассматриваем эту борьбу как средство непосредственной социализации капиталистического хозяйства, то она не только не оправдывает

этого приписываемого ей влияния, но лишается и другого значения: она перестает быть средством подготавки рабочего класса к захвату власти пролетариатом...

Когда главной целью станут непосредственные практические успехи, тогда непримиримая суровая классовая точка зрения, смысл которой придает только стремление к завоеванию политической власти, будет все более обращаться в простой ториоз. Ближайшим шагом окажется "политика компенсаций", или, говоря попросту, политика барышничества и примирительская тактика государственной мудрости. Но движение не может надолго остановиться. Ведь если в капиталистическом мире социальная реформа всегда была и навсегда остается пустым орехом, какая бы ни применялась тактика, то ближайшим логическим последствием явится разочарование также и в социальной реформе, т.-е. тихая пристань, где бросили якорь профессор Шмидлер и Ко, которые ведь тоже из "ездили весь мир на социал-реформистских кораблях, чтобы под конец предоставить все на божью волю!".

ТУВ 1872 г. профессора Нагнер, Шмидлер, Брентано и другие организовали в Эйзенахе конгресс, на котором они с большим шумом и треском провозгласили свою целью введение социальных реформ для защиты рабочего класса. Сразу после конгресса эти господы, иронически прозванные либералом Оппенгеймом "катадер-социалистами", основали "союз социальной реформы". Но уже через несколько лет между обострилась борьба против социал-демократии, эти светочки "катадер-социализма" голосовали в качестве депутатов рейхстага за продление исключительного закона против социалистов. В остальном, вся деятельность союза сводится к ежегодным общим собраниям, на которых зачитываются несколько профессорских рефератов на различные темы; кроме того, союзом выпущено выше 100 пузатых томов по экономическим вопросам. Для социальных реформ эти профессора, которые кстати, стоят за покровительственные пошлины, милитаризм и т. д., ровно ничего не сделали. Под конец союз отказался даже от социальных реформ и занимается вопросами кризисов, картелей и т. п. (Этого примечания нет в I-м издании).

Таким образом, социализм отнюдь не вытекает сам собою и при всяких обстоятельствах из повседневной борьбы рабочего класса. Он вытекает только из все более обостряющихся противоречий капиталистического хозяйства и из признания рабочим классом невозможности его уничтожения путем социального переворота. Если отрицать первое и отказаться от второго, как это и делает ревизионизм, тогда все рабочее движение сразу сводится к простому профессионализму и социал-реформаторству и, силою вещей, ведет, в конечном счете, к отказу от классовой точки зрения...

Стр. 69-72.

Завоевание политической власти.

Судьбы демократии, как мы видели, связаны с судьбами рабочего движения. Но разве развитие демократии даже в лучшем случае делает излишней или невозможной пролетарскую революцию в смысле захвата государственной власти, завоевания политической власти?

Бернштейн разрешает этот вопрос путем тщательного взвешивания хороших и плохих сторон законодательной реформы и революции и делает это с добродушием, напоминающим взвешивание корицы и перца в потребительской лавке. В развитии законодательства он усматривает действие интеллекта, в революционном развитии - действия чувства; в реформах - медленный метод исторического прогресса, в революции - быстрый; в законодательстве - планомерную, в перевороте - стихийную силу (стр. 183)...

С Бернштейном, который гремит против захвата политической власти, как против бланкистской теории насилия, случалась беда: то, что веками стояло во главе угла и являлось движущей силой человеческого общества, он считает бланкистской ошибкой. С тех пор как существует классовое общество, и классовая борьба составляет главное содержание его в истории, завоевание политической власти было всегда как целью всех возникающих классов, так и исходной и конечной точкой каждого исторического периода. Мы видим это на примере длительной борьбы крестьянства с денежным капиталом и дворянством древнего Рима, борьбы патрициев с епископами и ремесленников с патрициями в средневековых городах, борьбы буржуазии с феодалами в новой истории.

Законодательная реформа и революция не предстают, таким образом, различных методов истори-

ческого прогресса, между которыми можно выбирать на прилавке истории, как между горячими и холодными соусами - а они являются различными моментами в развитии классового общества, которые обусловливают и дополняют, но вместе с тем и исключают друг друга, как, например, южный полюс и северный, буржуазия и пролетариат.

В каждый данный момент законная форма правления есть только продукт революции. Между тем как революция является политическим творческим актом истории классов, законодательство представляет политическое проявление общества. Работа законодательной реформы не обладает собственной, независимой от революции, двигательной силой: в каждый исторический период она движется по линии, указанной ей последним переворотом, или, выражаясь конкретнее, лишь в рамках общественных форм, порожденных последним переворотом. Это и есть сущность вопроса.

Безусловно должно и совершенно неисторично представлять себе работу законодательной реформы просто как растянутую во времени революцию, а революцию - как сжатую в комок законодательную реформу. Социальный переворот и законодательная реформа - это моменты, отличающиеся не по своей длительности, а по своей сущности. Весь секрет исторических переворотов, совершаемых при помощи политической власти, состоит как раз в переходе чисто количественных изменений в новое качество, или, выражаясь конкретно, в переходе одного исторического периода, одного общественного порядка - в другой.

Поэтому тот, кто высказывается за путь законодательных реформ вместо и в противоположность завоеванию политической власти и общественному перевороту, тот в действительности избирает не более спокойный, верный и медленный путь к той же цели, а избирает другую цель вместо создания нового общественного порядка - только насущенные изменения старого. Так Политические возарения реализизма приводят к тому же выводу, что и его экономические теории: они, в сущности, имеют целью не осуществление социалистического порядка, а реформирование капиталистического, не упразднение системы найма, а урегулирование эксплуатации, одним словом, устранение капиталистических уродливостей, а не самого капитализма.

Но, быть может, эти положения о функциях законодательной реформы и революции правильны только по отношению к происходившей до сих пор классовой борьбе? Быть может, отныне, благодаря развитию буржуа-

зной правовой системы, законодательная реформа в состоянии также перевести общество из одной исторической фазы в другую, и захват государственной власти пролетариатом "стал бессодержательной фразой" как говорит на 183-й странице своей книги Бернштейн?

Дело обстоит как раз наоборот...

Всякое существовавшее до сих пор общество покоялось на противоположности угнетающего и угнетаемого класса ("Коммунистический Манифест"). Но в предшествующих фазисах современного общества эта противоположность выражалась в определенных правовых отношениях и поэтому могла до известной степени дать изрождающимся отношениям место в рамках старых. "Крепостной, не выходя из крепостного состояния, возвысился до степени члена коммуны" ("Коммунистический Манифест"). Каким образом? Путем постепенного упразднения в пригородах всех тех различных позиностей (барчины, подушной подати, принудительного брака, дела наследства и т.д. и т.д.), которые, в совокупности, составляли крепостное право.

Точно так же "под игом феодального абсолютизма мелкий бюргер вырос до буржуа" ("Коммунистический Манифест"). Каким образом? Путем частичного формального упразднения или фактического ослабления цеховых уз, путем постепенного преобразования, в самых необходимых пределах, управления, системы финансов и обороны.

Если исследовать вопрос абстрактно, а не исторически, то при прежних классовых отношениях можно, по крайней мере, мыслить переход силою законодательной реформы от феодального общества к буржуазии. Но что же мы видим на деле? Что и там законодательные реформы служили не для того, чтобы сделать излишний захват политической власти буржуазией, а для того, чтобы, наоборот, его подготовить и осуществить. Как для упразднения крепостного права, так и для уничтожения феодализма был необходим настоящий социально-политический переворот.

Но еще совсем по-иному обстоит дело теперь. Не закон приуждает пролетариат впрягаться в ярмо капитала, а нужда, недостаток средств производства. Опять-ко, в рамках буржуазного общества никакой закон в мире не в силах предоставить ему эти средства, потому что отнял их у него не закон, а экономическое развитие.

Далее, эксплоатация в пределах системы найма точно так же основана не на законах, поскольку высота заработной платы определяется не в законодательном порядке, а силой экономических факторов. И

самый факт эксплоатации основан не на предписании закона, а на том чисто хозяйственном факте, что рабочая сила является товаром, который, между прочим, обладает приятным свойством производить стоимость, и большую стоимость, чем какую он сам поглощает в виде средств существования рабочего. Одним словом, все основные отношения капиталистического классового господства не могут быть преобразованы законодательными реформами на буржуазном базисе, потому что они вовсе не созданы буржуазными законами и не облечены в форму таких законов. Бернштейн этого не знает, когда он строит план "социалистической реформы", но хотя он этого не знает, он все же говорит на 16-й странице своей книги: "В наше время экономический мотив выступает самостоятельно, между тем как прежде он был замаскирован отношениями господства и всякого рода идеологиями".

Но есть еще одно обстоятельство.

Вторая особенность капиталистического порядка состоит в том, что в нем все элементы будущего общества в своем развитии сначала принимают форму, в которой они не приближаются к социализму, а от него отдаляются. В производстве все более выявляется общественный характер. Но в какой форме? В форме крупного предприятия, акционерного общества, картеля, в которых капиталистические противоречия, эксплуатация, порабощение рабочей силы доведены до крайнего предела.

В области военного дела развитие ведет к распространению всеобщей воинской повинности, к сокращению срока военной службы, следовательно, материально осуществляется приближение к народной армии. Но это в форме современного милитаризма, где господство милитаристического государства над народом крайне ярко обнаруживает классовый характер государства.

В политическом отношении развитие демократии, поскольку она находит благоприятную почву, ведет к участию в политической жизни всех слоев населения, следовательно, до некоторой степени, к "народному государству". Но это облекается в форму буржуазного парламентаризма, где классовые противоречия и классовое господство не упразднены, а, наоборот, раскрыты и обнажены. Поскольку, таким образом, все капиталистическое развитие основано на противоречиях, столкнувшись для того, чтобы освободить ядро социалистического общества от противоречий ему капиталистической скорлупы, надо и по этой причине прибегнуть к завоеванию политической власти пролетариатом и к полному уничтожению капиталистической системы...

Демократия необходима не потому, что она делает взлишним завоевание власти пролетариатом, а, наоборот, потому, что она делает этот захват власти настолько же необходимым, насколько и единственным. Когда Энгельс в своем предисловии к "Борьбе классов во Франции" подверг просмотру тактику современного рабочего движения и противопоставлял баррикадам законодательную борьбу, то он имел в виду не вопрос окончательного завоевания политической власти, - что ясно из каждой строки предисловия, - а вопрос современной повседневной борьбы, не тактику пролетариата по отношению к капиталистическому государству в момент захвата государственной власти, а его тактику в рамках капиталистического государства. Одним словом, Энгельс указывал путь поработенному пролетариату, а не победоносному.

А известное выражение Маркса о земельном вопросе в Англии, на которое Бернштейн тоже ссылается, - "вероятно, всего дешевле было бы выкупить лендлордов", - относится, как раз наоборот, к тактике пролетариата не до победы, а после победы. Ведь о "выкупе" господствующих классов речь может идти, очевидно, лишь тогда, когда у кормила стоит рабочий класс.

В качестве возможности Маркс предусматривал здесь мирное осуществление диктатуры пролетариата, а не замену диктатуры капиталистическими социальными реформами.

В самой необходимости захвата политической власти пролетариатом ни Маркс, ни Энгельс никогда не сомневались. Только Бернштейн додумался до того, чтобы считать курятник буржуазного парламентаризма тем самым органом, которому суждено осуществить грандиознейший, всемирно-исторический переворот: перевести общество от капиталистических форм к социалистическим.

Но ведь Бернштейн начал свою теорию с опасений и предупреждений, как бы пролетариат не взялся слишком рано за кормило правления! По мнению Бернштейна, в таком случае пролетариат, не изменив ничего в буржуазных порядках, потерпел бы ужасное поражение. Из этого опасения ясно, прежде всего, то, что теория Бернштейна дала бы лишь одно "практическое" указание пролетариату, в случае, если бы обстоятельства поставили его у кормила: лягь спать. Но этим теория Бернштейна произносит над собою бесповоротный приговор, как учение, осуждающее пролетариат в важнейших случаях борьбы на бездействие, следовательно, на пассивную измену своему собственному делу.

Действительно вся наша программа оказалась бы залтым клочком бумаги, если бы она не могла нам служить при всех перипетиях и во все моменты борьбы, и служить для действия, а не для бездействия. Если наша программа является формулировкой исторического развития общества от капитализма к социализму, то она очевидно, должна также формулировать и все переходные фазы этого развития и, следовательно, должна уметь в каждый момент указать пролетариату тактику, нужную для приближения к социализму. Из этого следует, что у пролетариата вообще не может быть такого момента, когда он был бы вынужден покинуть свою программу или мог быть покинутым ею.

Практически это обнаруживается в том, что не может быть такого момента, когда пролетариат, поставленный ходом событий у кормала, не был бы в состоянии и не был бы вместе с тем обязан предпринимать известные меры к осуществлению своей программы, известные переходные меры в духе социализма. Утверждение, что социалистическая программа могла бы в какой-нибудь момент политического господства пролетариата совершенно оказаться несостоятельной и не содержащей указаний для осуществления социализма, бесспорно предполагает, что социалистическая программа вообще и во все времена несуществима.

А если переходные меры преждевременны? Этот вопрос заключает в себе целый клубок недоразумений относительно действительного хода социальных переворотов.

Прежде всего, нельзя искусственно называть захват государственной власти пролетариатом, т.-е. большинством классом населения. Захват этот сам по себе предполагает определенную степень зрелости экономически-политических условий, если не иметь в виду тех случаев, как Парижская Коммуна, где господство досталось пролетариату не как плод целеустремленной борьбы, а в виде исключения, как всеми брошенное бесполезное имущество. Здесь заключается главное различие между бланкистскими государственными путшами "решительного меньшинства", которые всегда совершаются внезапно и потому всегда несвоевременно, и захватом государственной власти большой народной массой, исполненной классового сознания, которая сама может быть только продуктом начиナющегося крушения буржуазного общества, и потому в себе самой несет экономико-политическое оправдание своевременности своего появления.

Если, таким образом, завоевание политической власти рабочим классом с точки зрения общественных при-

посылок никак не может совериться слишком "рано", то с другой стороны, с точки зрения политического эффекта - сохранения власти - оно, по необходимости, должно совершиться "слишком рано". Преждевременная революция, не дающая Бернхейну спать, висит над ним, как дамоклов меч и тут не помогут ни опасения, ни предупреждения. На это есть две очень простые причины.

Во-первых, такой грандиозный переворот, как переход от капиталистического порядка к социалистическому совершенно немыслимо произвести одним ударом, одним победоносным маневром пролетариата. Предполомить такую возможность значило бы обнаружить бланкистский образ мышления. Социалистический переворот предполагает длительную и упорную борьбу, при которой пролетариат, по всей вероятности, будет не раз отброшен, так что в первый раз, с точки зрения конечного результата всей борьбы, его появление у кормила окажется безусловно "преждевременным".

Во-вторых, "преждевременный" захват государственной власти неизбежен еще и потому, что эти "преждевременные" нападения пролетариата сами являются фактором, и притом важным фактором, создающим политические условия окончательной победы, так как пролетариат лишь в процессе политического кризиса, сопровождающего захват власти, только в огне длительной и упорной борьбы может обрести нужную степень политической зрелости, которая даст ему возможность произвести окончательный великий переворот. Таким образом, и эти "преждевременные" нападения пролетариата на политическую государственную власть оказываются важными историческими моментами, которые помогают выявить и определить момент окончательной победы. С этой точки зрения представление "преждевременного" завоевания политической власти трудящимся народом является политической нелепостью, исходящей из механического понимания развития общества, предполагающего существование, вне самого классовой борьбы и независимо от нее, определенного момента для ее похода.

Но так как пролетариат не может завоевать государственную власть иначе, чем "преждевременно", или, иными словами, так как он необходимо должен раз или несколько раз завоевать ее "преждевременно", чтобы, под конец, завоевать ее навсегда, то оппозиция против "преждевременного" захвата власти не что иное, как оппозиция против стремления пролетариата к завоеванию политической власти вообще.

Так что и с этой стороны мы последовательно приходим к выводу (ведь все дороги ведут в Рим), что развиционистский совет отказаться от социалистической конечной цели сводится к другому совету - отречься от всего социалистического движения, (что его совет социал-демократии, в случае завоевания власти, "лечь спать", тождествен с другим советом: уже теперь и окончательно лечь спать, т.-е. отказаться от классовой борьбы!).

Стр. 94-102.

Оппортунизм в теории и на практике.

Книга Бернштейна имела большое историческое значение для немецкого и для интернационального рабочего движения: это была первая попытка подвести теоретическое основание под оппортунистические течения.

Оппортунистические течения в нашем движении обнаруживаются с давних пор, если принять во внимание спорадическое их выявление, как, например, в известном вопросе о субсидировании пароходных обществ. Однако, ясно выраженное об"единенное стремление" в этом направлении выявилось лишь в начале девяностых годов, во время издания закона о социалистах и обратного отвоевания легального положения. Государственный социализм Рольмара, базарское голосование бюджета, южно-германский аграрный социализм, политика компенсации Гейне, точка зрения Киппеля в вопросах о пошлинах и о милиции, - вот вехи в развитии практики оппортунизма.

Что характеризует ее внешним образом? Браждебис отношение к "теории"; и это вполне понятно, так как наша "теория", т.-е. принципы научного социализма, ставит очень определенные рамки практической деятельности как в отношении преследуемой цели, так и в отношении к применяемым средствам борьбы и наконец, даже в отношении к способу борьбы. Поэтому у людей, стремящихся только к практическим успехам, обнаруживается естественное стремление развязать себе руки, т.-е. отделить нашу практику от "теории" и сделать ее независимой от теории.

Но при каждой практической попытке эта теория разбивала их на голову: государственный социализм, аграрный социализм, политика компенсации, вопрос о милиции - все это сплошные поражения для оппортунизма. Совершенно ясно, что это течение, чтобы про-

т) Во 2-м издании опущено.

тавопоставить себя нашим принципам, должно было неизбежно само взяться за теорию, за принципы и вместо того, чтобы их игнорировать, попытаться их поколебать и состряпать собственную теорию. Попыткой в этом направлении явилась теория Бернштейна, и потому, как мы видели, на партийном съезде в Штутгарте все оппортунистические элементы сразу же сгруппировались вокруг знамени Бернштейна. Если считать, с одной стороны, оппортунистические течения на практике совершенно естественным явлением, об "ясняемых условиях нашей борьбы и ее ростом", то, с другой стороны, бернштейновская теория является не менее естественной попыткой об единить эти течения в общем теоретическом выражении, обнаружить их собственные теоретические предпосылки и покончить с научным социализмом. Поэтому бернштейновская теория была с самого начала для оппортунизма теоретическим пробным камнем, его первой научной прозверкой.

Как же сошло это испытание? Это мы видели. Оппортунизм не в состоянии выставить положительную теорию, которая хоть сколько-нибудь выдерживала бы критику. Вот все, что он может сначала борьбой о различными отдельными принципами марксового учения, а затем, так как это учение представляет собою прочное сооружение, разрушить сверху донизу всю систему. Этим доказывается, что по своей сущности оппортунистическая практика в основе несовместима с системой Маркса.

Но далее этим доказывается также и то, что оппортунизм несовместим и с социализмом вообще, что внутренняя его тенденция клонится к тому, чтобы перевести рабочее движение на буржуазные рельсы, т.е. совершенно парализовать пролетарскую классовую борьбу. Правда, с исторической точки зрения пролетарская классовая борьба не тождественна с марковской системой. И до Маркса, и независимо от него, существовало рабочее движение и различные социалистические системы, из которых каждая в своем роде являлась соответствующим условиям времени теоретическим выражением стремления рабочего класса к освобождению. Обоснование социализма моральными понятиями справедливости, борьба против способа распределения, а не против способа производства, понимание классовых противоречий, как противоречия бедности и богатства, стремление внедрить "кооперативность" в капиталистическое хозяйство, все то, что мы находим в бернштейновской системе, уже существовало и до него, и в свое время эти теории, при всей их неудовлетворительности, были настоящи-

ми теориями пролетарской классовой борьбы. Они были теми детскими башмаками величана, в которых пролетариат учился ходить на исторической арене.

Но после того как развитие самой классовой борьбы и ее общественных предпосылок повело к отказу от этих теорий и к созданию принципов научного социализма, не может быть, по крайней мере в Германии, иного социализма, кроме марксистского, и не может быть социалистической классовой борьбы вне социал-демократии. Отныне социализм и марксизм, пролетарская борьба за освобождение и социал-демократия — тождественны. Поэтому в наше время возврат к до-марксовым теориям социализма означает даже не возврат к гигантским детским башмакам пролетариата, нет, — это возврат к карликовым растоптанным домашним туфлям буржуазии.

Теория Бернштейна была первой, но вместе с тем и последней попыткой подвести под оппортунизм теоретическое обоснование. Мы говорим, последней, потому что в бернштейновской системе как в смысле отрицания научного социализма, так и в смысле нагромождения всевозможных теоретических абсурдов, попытка эта пошла так далеко, что ему больше ничего не остается сделать. Книгой Бернштейна оппортунизм закончил свое развитие в теории (как на практике — позицией, занятой Пинкелем по вопросу о милитаризме^Г), он сделал свои крайние выводы...

Так, а не иначе, должно протекать великое пролетарское движение, и моменты колебаний, нерешительности не только не являются сюрпризом для марксистской теории, но, наоборот, давно предусмотрены и предугаданы Марксом. "Буржуазные революции", — писал Маркс полвека тому назад в "Восемнадцатом брюмере", — как, например, революция XIX в., быстрые стремятся от успеха к успеху, их драматические эффекты импозантнее, люди и события как бы сгорены бенгальским огнем, экстаз является господствующим настроением каждого дня, но они быстротечны, скоро достигают своего высшего пункта, и продолжительное настроение похмелья охватывает общество, прежде чем оно успевает тщечно усвоить себе результаты периода бури и натиска. Напротив, пролетарские революции, каковы революции XIX века, непрерывно критируют самих себя, то и дело прерывают свой ход, возвращаются назад и заново начинают то, что, по-видимому, уже совершено, с беспощадной суровостью

^Г) В 2-м издании опущено.

осмеивают половинчатость, слабость, недостатки своих первых попыток, низвергают противника, как будто бы только для того, чтобы он набрался новых сил и встал перед ними еще более могучим, все снова и снова отступают назад, пугаясь неопределенной колоссальности своих собственных задач, пока, наконец, не будут созданы условия, исключающие возможность всякого отступления, пока сама жизнь не заявит властно: "Ниче *Rodos*, ни *Delta*!" (Здесь Родос, здесь прыгай!).

Это осталось в силе и после того, как было построено учение научного социализма. Благодаря этому пролетарское движение еще не стало, конечно, даже и в Германии, социал-демократическим, оно становится социал-демократическим с каждым днем, оно становится таковым, непрерывно преодолевая крайние уклоны в сторону анархизма и оппортунизма, которые являются лишь моментами движения социал-демократии, понимаемой как процесс.

В виду этого, поразительно не возникновение, а, наоборот, слабость оппортунистического течения. Пока оно обнаруживалось лишь в отдельных случаях партийной практики, можно еще было предполагать за ним якое-либо серьезное теоретическое обоснование. Но теперь, когда оно нашло полное выражение в книге Бернштейна, всякий вынужден с изумлением воскликнуть: "Как, это все, что вы имели сказать? Ни намека на свежую мысль! Ни одной мысли, которая бы не была спрекинута марксизмом, растоптана, высмеяна, обращена в ничто!".

Достаточно было оппортунизму заговорить, чтобы обнаружить, что сказать ему нечего. И в этом-то и заключается истинное значение книги Бернштейна для истории партии.

И, отрекшись от способа мышления революционного пролетариата, от диалектики и материалистического понимания истории, Бернштейн все же может еще быть им благодарен за те смягчающие обстоятельства, в свете которых они рассматривают его превращение. Поэтому что только диалектика и материалистическое понимание истории великодушно позволяют ему сойти за подходящее, но бессознательное орудие, в котором устремляющийся вперед пролетариат выразил свою минутную нерешительность, чтобы, оглянувшись при свете дня, с насмешкой ее далеко отбросить.

(Мы сказали: движение становится социал-демократическим, преодолевая уклон в сторону анархизма и оппортунизма, с необходимостью вытекающее из его собственного роста. Но преодолевать не значит спокойно предоставить на божью волю. Преодолеть ны-

нашнее оппортунистическое течение значит его отбросить.

Бернштейн заканчивает свою книгу советом партии иметь мужество казаться тем, что она есть: демократически-социалистической партией реформы. Партия, ее высший орган, партийный съезд, должна была бы, по нашему мнению, реваншироваться за этот совет, предложив Бернштейну, со своей стороны, также формально предстать тем, что он есть: мелкобуржуазно-демократическим прогрессистом¹⁾.

Стр. 105-110

Речи по вопросам тактики на партийном съезде
1898 г. в Штутгарте.

I.

Речи Гейне и других доказали, что в нашей партии затемненным оказался вопрос чрезвычайной важности - понимание отношения между нашей конечной целью и повседневной борьбой. Говорят так: конечная цель это очень эффектный момент нашей программы, о котором, конечно, не следует забывать, но он не стоит ни в какой непосредственной связи с нашей практической борьбой. Быть может, ряд товарищей мыслит так: спекуляция по поводу конечной цели, в сущности, вопрос академический. Я, напротив, утверждаю, что для нас, как партии революционной и пролетарской, не существует более практического вопроса, чем вопрос о конечной цели. Подумайте сами: в чем, в сущности, состоит социалистический характер нашего движения? Подлинная практическая борьба распадается на три момента: профессиональная борьба рабочих, борьба за социальные реформы и борьба за демократизацию капиталистического государства. Представляют ли, в сущности, эти три формы нашей борьбы социализм? Отнюдь нет. Прежде всего, профдвижение! Обратитесь к Англии, где это движение не только не социалистично, но является отчасти препятствием к социализму. Социальную реформу провозглашают катехер-социалисты, националисты-социалисты и тому подобный люд. Но демократизация - это нечто специфически буржуазное. Буржуазия раньше нашего выставила на своем знамени лозунг демократизма. Что же в нашей повседневной борьбе делает нас социаль-

1) Во 2-м издании опущено.

стической партией? Только отношение этих трех форм практической борьбы к конечной цели. Только конечная цель составляет смысл и содержание нашей социалистической борьбы и делает ее классовой борьбой. Но под конечной целью мы не должны мыслить, как это говорил Гейне, то или иное представление о государстве будущего, а то, что должно предшествовать обществу будущего, — завоевание политической власти (крики: "значит, мы согласны").

Это понимание нашей задачи стоит в теснейшей связи с нашим пониманием капиталистического общества и с нашим непоколебимым убеждением в том, что капиталистическое общество запуталось в неразрешимых противоречиях, которые в конечном счете сделают неизбежным взрыв, крушение, при котором мы будем играть роль стряпчего, ликвидирующего дела обанкротившегося общества. Но если мы считаем, что мы в состоянии вполне осуществить интересы пролетариата (только путем революции)¹⁾, тогда должны быть невозможны такие предположения, какие за последнее время высказал Гейне, будто мы можем идти на уступки в вопросе империализма. Затем заявления Конрада Шинда в центральном органе о социалистическом большинстве в буржуазном парламенте, а в частности, утверждения, подобные бернштейновскому, что, и встав у Корнила, мы все же не в состоянии будем обойтись без капитализма.

Когда я это прочла, я сказала себе: какое счастье, что в 1871 г. социалистические рабочие во Франции не были столь умудрены, потому что иначе они бы сказали: "ребята, ложитесь спать, наш час еще не прошел; производство еще не достигло той степени концентрации, при которой мы бы могли удержаться у корнила". Но тогда, вместо великолепного зрелища героической борьбы, мы увидели бы другое зрелище, а рабочие показали бы себя не героями, а просто бабами. Я думаю, что исследование того, сможем ли мы, овладев властью, сделать производство общественным созрело ли оно для этого, — это вопрос академический. Для нас никогда не должно быть сомнения в том, что нам следует стремиться к завоеванию политической власти. Социалистическая партия всегда должна быть на высоте положения, она никогда не должна в страхе отступать перед собственными задачами. Поэтому мы должны до конца выяснить свои взгляды на конечную цель. Мы осуществим ее, несмотря на вихри бурю и погоду! (Одобрение).

1) Дополнено издателем в виду очевидной неполноты протокола.

На эту речь Георг фон-Фольмар ответил следующее:

"Госпожа Люксембург вооружилась доспехами марксизма и потому создает впечатление научности. Но, взглянувшись внимательнее, всякий вскоре убеждается, что ее выводы по большей части ложны. Например, она утверждает, что охрана труда дается рабочим лишь потому, что в ней заинтересован сам капитализм. Франко, я вспоминаю, что не совсем безызвестный Маркс однажды указал, что возрождение английского рабочего класса ведет свое начало от момента издания фабричных законов. (Оживленное одобрение!). Затем, нам говорят, будто третий-юнионны реакционны и враждебны социализму. И опять-таки не кто иной, как Маркс, называл английские профсоюзы чемпионами европейского пролетариата. (Одобрение!). И еще вопрос, где практические больше достигнуто для улучшения судьбы рабочих, и где больше сделано в направлении демократизации и социализации, — в Англии или у нас? Под конец госпожа Люксембург апеллировала к революционной совести, говоря: "Если бы французские рабочие 1871 г. были бы так же умны и просвещены, как мы в наше время, то они, наверное, не ввязлись бы за борьбу, а просто пошли бы сдать". Однако, все эти мудрствования задним числом о том, что было бы лучше сделать, не имеют цены, так как исторические события обычно происходят со стихийной силой. Но французские рабочие не куха бы посодействовали своему делу, если бы "проспали" то время (Горячее одобрение!). Во всяком случае несомненно, что признание Коммуны коммунистической-демократическим как нельзя более не исторично. Правда, это тесно связано со всеми остальными взглядами госпожи Люксембург, так как она, повидимому, считает, что насилиственные действия всегда имеют социалистический характер. (Возражения со стороны Люксембург). Но ведь иначе совсем нельзя попытать утверждения, что мы живем в такое время, когда в каждый момент может случиться что-нибудь неожиданное, и когда социал-демократия может оказаться внезапно у корытца власти и, следовательно, должна быть подготовлена к пользованию властью. Однако, это не теория немецкой социал-демократии, а бланкизм (энергичное одобрение), который считает возможным в любой момент, не считаясь с экономическим и политическим развитием, а через голову народа, насилиственным переворотом завоевать власть. Если среди немецкой социал-демократии кое-кто и стоял на этой точке зрения, то, к счастью времени это давно миновало. И нам следует идти в своем развитии не назад, с вперед. В противоположность госпоже Люксембург,

я говорю: для немецкой социал-демократии было бы величайшим несчастью, если бы ей случилось преждевременно овладеть политической властью, потому что мы не были бы в состоянии ни плодотворно ею пользоваться, ни ее удержать. Мы хотим завоевать власть из искусственными средствами, а в силу внутренней необходимости, которая может обеспечить несокрушимый и верный успех только тогда, когда имеются налицо экономические предпосылки...".

П.

Фольмар меня горько упрекает в том, что я, юный рекрут движения, пытаюсь поучать старых ветеранов. Но это не так. Это было бы совершенно излишне, так как я твердо убеждена, что ветераны стоят на той же точке зрения, что и я. Вообще, дело не в том, чтобы кого-либо поучать, а в том, чтобы дать ясное и недвусмысленное выражение определенной тактики. Я отлично знаю, что должна еще заслужить офицерские нашивки в немецком движении. Но я ведаю заслуженных в левом крыле, где хотят бороться с врагом, а не в правом крыле, где хотят вступать с ним в соглашение (возражения). Однако, когда против моих указаний по существу Фольмар приводит аргумент: "желторотый птенец, ведь я гонусь тебе в дедушки!", то ли меня это только слушит доказательством, что по части логических доводов дело у него обстоит неблагополучно (смех!). Действительно в своих речах он высказал ряд положений, которые в устах ветерана звучат, по меньшей мере, странно. Против сокрушительной выщерки из Маркса об охране труда я могу привести другие слова Маркса, что введение охраны труда явилось в Англии прямо-таки спасением для буржуазного общества. Далее, Фольмар утверждал, будто неправильно считать профессиональное движение не социалистическим, и ссылался на трэд-юнионы. Но разве Фольмар ничего не слышал о различии между старыми и новыми трэд-юнионами? Разве он не знает, что старые трэд-юнионисты всецело стоят на закоснелой буржуазной точке зрения? Разве он не знает, что из-за иной, как Энгельс выразил надежду, что теперь социалистическое движение в Англии будет прогрессировать, потому что Англия потеряла преобладание на мировом рынке, и в связи с этим движению трэд-юнионов придется вступить на новый путь?

Фольмар в виде пугала выставил бланкизм. Разве он не знает различия между бланкизмом и социал-демократией? Разве он не знает, что у бланкистов за-

воевать политическую власть должна горсть эмиссаров именем рабочего класса, а у социалистов - сам рабочий класс? Это такое различие, какого не должен забывать ветеран социал-демократического движения.

Затем Фольмар меня попрекнул тем, что я мечтаю насильственных мерах. Для этого я не дала ни малейшего повода ни моими речами, ни моими статьями против Бернштейна в *"Служил Бернштейну"*. Я стою как раз на противоположной точке зрения и утверждаю, что единственная насильственная мера, которая поведет нас к победе, - это социалистическое воспитание рабочих в повседневной борьбе ('.-Ред.)...

Некоторые товарищи не стоят на точке зрения ко-
нечной цели нашего движения. И потому важно дать ясное и недвусмысленное выражение, и если это было когда-либо необходимо, то именно теперь. Удары реакции сыплются на нас градом. Надо ответить на по-
следнюю речь императора. Ясно и четко, подобно древ-
нему Катону, должны мы сказать: "Во всяком случае,
я полагаю, что это государство должно быть разрушено!". Завоевание политической власти остается ко-
нечной целью, а конечная цель - духом борьбы. Рабо-
чий класс не должен становиться на декадентскую точ-
ку зрения философа: "Конечная цель для меня - ничто;
само движение для меня - все". Нет, наоборот: дви-
жение, как таковое, безотносительно к конечной це-
ли, движение, как самоцель, для меня ничто; конеч-
ная цель для нас - все! (Одобрение).

Стр.133-136.

2. О БИЕПАРЛАМЕНТСКОЙ ВОРЬБЕ И ВСЕОБЩЕЙ СТАЧКЕ.

(Р.Люксембург.-Всеобщая забастовка и немец-
кая социал-демократия, изд. Е.П.Горской).

Массовая стачка - стихия.

Достигши классового сознания германские рабочие давно поняли всю смехотворность полицейской теории, по которой все современное рабочее движение не более, как искусственный произвольный продукт кучки потерявших совесть "бунтовщиков и подстрекателей".

И однако, наши добрые товарищи обнаруживают тот же самый взгляд, когда они группируются в отряд добровольцев для опеки над германскими рабочими, которых они предостерегают от опасных провокаций некоторых "революционных романтиков" и их "пропаганды ме-

совой стачки"; тем же грешат однако, когда, с другой стороны, те, которые думают, что их обошли какими-то "конфиденциальными" сделками между центральным комитетом партии и всеобщей комиссией професиональных союзов относительно об"явления массовой стачки в Германии и инсценируют кампанию слезливого горя. Если бы дело сводилось к зажигательной "пропаганде" революционных романтиков, или к конфиденциальным или публичным постановлениям центральных учреждений партии, то в России до сих пор не было бы ни одной серьезной массовой стачки. Как я уже указывала в марте 1905 г. в "*Deutsche Arbeiterzeitung*" - ни в одной стране не думали меньше, чем в России о том, чтобы "пропагандировать" или даже подвергать "дискуссии" идею массовой стачки. И в тех отдельных случаях, когда российский центральный комитет принимал решения и вступал в соглашения, которыми массовая забастовка должна была действительно об"являться произвольно, как, напр., при последней июльской попытке, после распущения Думы, получается почти полная неудача. Итак, если русская революция нас чему-нибудь учит, то прежде всего тому, что массовую забастовку нельзя искусственно "давать", что ее нельзя "постановлять" на ветер или "пропагандировать" а что она историческое явление, которое в известный момент с исторической неизбежностью вытекает из общественных отношений...

Стр.9-10.

Массовая стачка и революция.

...Российские события показывают нам, что массовую стачку нельзя отделить от революции. История русской массовой стачки - это история русской революции. Правда, когда представители нашего немецкого оппортунизма слышат о "революции", то они немедленно представляют себе кровопролитие, уличные битвы, порох и свинец. Поэтому они приходят к следующему выводу: массовая стачка неизбежно ведет к революции, следовательно мы не должны к ней прибегать. И, действительно, мы видим в России, что почти каждая массовая стачка в конечном счете приводит к столкновению с вооруженными охранителями существующего порядка. В этом отношении так называемые политические стачки решительно не отличаются от более крупных экономических скандалов. Однако, революция нечто другое и нечто более сложное, чем кровопролитие. По полицейскому пониманию революция рассматривается как то

читально с точки зрения уличных волнений и стачек, другими словами с точки зрения "беспорядка". Напротив, научный социализм видит в революции глубокий внутренний переворот в социальных классовых отношениях. И с этой точки зрения между революцией и массовой стачкой в России существует не только та, замечаемая при поверхностном наблюдении, связь, что массовая стачка кончается обыкновенно кровопролитием.

Выше мы рассмотрели внутренний механизм русской массовой стачки, который покоятся на безостановочном взаимодействии политической и экономической борьбы. Но именно это взаимодействие обуславливает революционным периодом. Действительно, только в насыщенной электричеством атмосфере революционного периода каждый маленький частичный конфликт между рабочими и капиталом принимает способность разрастаться до размеров всеобщего взрыва. В Германии ежегодно и ежедневно происходят самые сильные, самые жестокие столкновения между рабочими и предпринимателями, но борьба не выходит за пределы данной отдельной отрасли, отдельного города или даже отдельной фабрики. Меры, принимаемые против организованных рабочих, как в Петербурге, безработица, как в Баку, конфликты на почве заработной платы, как в Одессе, борьба за пенсионную кассу, как в Москве, — все это в Германии в порядке дня. И однажды, ни один из этих случаев не превращается во всеобщее классовое выступление. Если даже отдельные из этих конфликтов разрастаются до единичных массовых стачек, несомненно имеющих политическую окраску, то и тогда еще они не вызывают всеобщей громы. Наглядным примером этого может служить всеобщая стачка голландских железнодорожников, несмотря на глубокие симпатии, окончившаяся неудачей, среди полной неподвижности пролетариата.

И, наоборот, только в революционный период, когда социальные основания и стены классового общества разбиваются и постоянно передвигаются, только тогда каждое классовое действие пролетариата может в несколько часов вырвать из косности целые незатронутые ранее слои рабочего класса. А их пробуждение немедленно выражается, разумеется, бурной экономической борьбой. Рабочий, внезапно оторванный от сна громой политического выступления, прежде всего направляет свои силы на то, что ему ближе — на борьбу со своим рабским положением в области экономических отношений. Бурное движение политич-

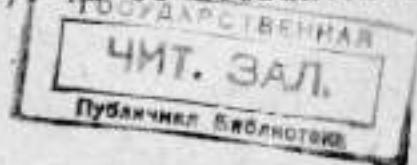
ской борьбы заставляет его неожиданно с невероятной бодротой почувствовать тяжесть и гнет его экономических цепей. В Германии, напр., самая горячая политическая борьба, будь то предвыборная борьба или борьба в парламенте из-за таможенного тарифа, едва ли заметным образом непосредственно влияет на ход и напряженность одновременно происходящих в стране экономических конфликтов. В России, между тем, каждое политическое действие пролетариата немедленно выражается в расширении и углублении экономической борьбы.

Таким образом только революция создает те социальные условия, при которых делается возможным происходящий при массовой стачке непосредственный переход экономической борьбы в политическую и политическую в экономическую. Вульгарная схема видит связь между массовой стачкой и революцией только в кровавых уличных схватках, завершающих массовую стачку. Но более глубокий взгляд на российские события показывает нам совершенно обратную зависимость: в действительности не массовая стачка вызывает революцию, а революция — массовую стачку.

Стр. 50-52.

Массовая стачка и партия.

Достаточно сопоставить все, что было сказано выше, чтобы разобраться также в вопросе о создательном руководстве и инициативе массовой стачки. Если массовая стачка является не единичным актом, а целим периодом классовой борьбы, и если этот период совпадает с революционным периодом, то ясно, что массовая стачка не может быть произвольно вызвана, даже если на то последует постановление высшей инстанции самой могучей социал-демократической партии. Поскольку социал-демократия не обладает возможностью по собственному усмотрению устраивать или отменять революции, поскольку недостаточно и величайшего возодушевления и нетерпения организованных социал-демократических сил для того, чтобы вызвать действительный период массовой стачки, как могучего механизма народного движения. Основываясь на решимости руководящих органов и на партийной дисциплине социал-демократических рабочих, можно, конечно, организовать единичную, непродолжительную демонстрацию, вроде шведской массовой стачки, или недавних австрийских стачек, или, например, гамбургской массовой стачки 17 января (н.ст.). Но от истинного по-

риода революционных массовых стачек эти демонстрации отличаются также, как отличаются от морской войны пресловутые морские демонстрации, устраиваемые при натянутых дипломатических отношениях в чужих гаванях. Массовая стачка, созданная исключительно на почве дисциплины и под эмблема духа, в лучшем случае окажется эпизодом, симптомом бывшего настроения рабочих. Затем попросту вернутся тихие будни. Правда, и в революционные периоды массовые стачки не просто падают с неба. Они так или иначе должны делаться рабочими. При этом, конечно, играет роль решимость и решение рабочих, и, разумеется, как инициатива, так и дальнейшее руководство выпадает здесь на долю организованного и наиболее сознательного социал-демократического ядра пролетариата. Однако, поле действия этой инициативы и этого руководства ограничивается обычно областью отдельных актов, отдельных стачек, при наступлении уже революционного периода и даже, большую частью, в пределах одного города. Так, напр., мы видели, что социал-демократия неоднократно с успехом давала непосредственный сигнал к массовой стачке в Баку, Варшаве, Лодзи и один раз в Петербурге. Результат этот достигается гораздо меньше по отношению к общим выступлениям всего пролетариата. Кроме того, здесь инициатива и сознательному руководству поставлены совершенно определенные границы. Именно во время революции какому-нибудь руководящему органу пролетарского движения крайне трудно предвидеть и предопределить, какие поводы и какие моменты могут привести к взрыву, и какие нет. И здесь инициатива и руководство выражаются не в произвольном командовании, а в возможно более удачном применении к обстоятельствам и возможно более тесном соприкосновении с настроением массы. Как мы уже видели, в России элемент стихийности играет во всех без исключения массовых стачках выдающуюся роль, то как побудающее, то как тормозящее начало. Но это происходит не оттого, что в России социал-демократия еще молода и слаба. Это обясняется скорее тем, что в каждом отдельном акте борьбы одновременно действует столько необозримых экономических, политических и социальных, всевозможных и местных, материальных и психологических моментов, что ни один акт не может быть определен и развит, как математическая задача. Даже если пролетариат с социал-демократией во главе и играет руководящую роль в революции, она все же не может быть уподоблена каким-нибудь маневрам рабочего класса в открытом поле, она

скорее сражение среди непрекращающегося треска, разрушения, перемещения всех социальных оснований. Короче говоря, в России элемент стихийности играет такую преобладающую роль в массовых стачках не потому что российский пролетариат "не воспитан", а потому что революции не поддается воспитанию.

Итак в России революция крайне затрудняет социал-демократии дело управления массовой стачкой; она ежеминутно то капризно вырывает из ее рук дирижерскую палочку, то снова насилием вкладывает ей ее в руку. С другой стороны, мы видим, что та же революция сама разрешает все те трудные вопросы массовой стачки, которые в теоретической схеме германских споров являются главными заботами "руководства": вопросы о "снабжении жизненными припасами", о "покрытии расходов" и о "жертвах". Правда, здесь эти вопросы решаются совсем не так, как при обсуждении с карандашом в руках на спокойной, уютной конференции между высшими руководящими инстанциями рабочего движения. "Решение" всех этих вопросов сводится к тому, что революция выбрасывает на сцену такие огромные народные массы, что всякая попытка вычислить и нормировать расходы этого движения подобно тому, как заранее определяют расходы по ведению какого-нибудь гражданского иска, является совершение безнадежным предприятием. Правда, и в России руководящие организации стараются по мере сил оказывать поддержку и посредственным жертвам борьбы. Так, напр., товарищев, мужественно пострадавших во время колоссального ло-каута, бывшего ответом на кампанию за восьмичасовой рабочий день, поддерживали в течение недель. Однако в огромном балансе революций все эти меры не более, как капля в море. С той минуты, как начинается настоящий, серьезный период массовой стачки, все "вычисления расходов" становятся попыткой вычерпать всю воду из океана чайным стаканом. Ведь всякая революция дается пролетариату ценой безграничных жестоких страданий и лишений. Революционный период выходит из этого, как будто непреодолимо трудного, положения, раздавая в массах такое огромное количество идеализма, что они перестают ощущать самые острые страдания. Ни революция, ни массовая стачка не делаются с психологией члена профессионального союза, который не согласится на первомайскую забастовку, пока ему заранее не обеспечат определенное пособие в случае увольнения. Но в том то и дело, что в вихре революционного периода пролетарий превращается из требующего поддержки заботливого отца семейства в

"революционного романтика", для которого высшее благо - жизнь, не говоря уже о материальном благополучии, теряет всякую цену по сравнению с идеалами борьбы.

Но если момент возникновения массовой стачки и вычисление и покрытие ее расходов зависят от революционного периода, которому в этом смысле принадлежит руководство ею, то на долю социал-демократии и ее высших органов выпадает руководящая роль в совершенно другом смысле. Вместо того, чтобы ломать себе голову над технической стороной дела, над механизмом массовой стачки, социал-демократия призвана быть политической руководительницей и в разгар революционного периода. Давать пароль, направление борьбе, приспособлять тактику политической борьбы так, чтобы в каждый фазис, в каждый момент борьбы реализовалась вся сумма наличной, свободной, активной мощи пролетариата, чтобы она выражалась в боевой позиции партии; следить за тем, чтобы тактика социал-демократии по своей решимости и определенности никогда не стояла ниже действительного соотношения сил, а, наоборот, всегда стояла впереди, вот самая важная задача "руководства" в период массовой стачки. А это руководство, до некоторого рода, само собой, переходит в техническое. Последовательная, решительная, стремящаяся вперед тактика социал-демократии вызывает в массе ощущение уверенности, самоудовлетворенности иажду борьбы, наоборот, тактика колеблющаяся, слабая, основанная на недостаточной оценке пролетариата тормозит и смущает.

В первом случае массовые стачки всыхивают "сами собой" и всегда "своевременно"; во втором, прямые призывы руководящих органов к массовой стачке остаются подчас беспуспешными. Как для того, так и для другого русская революция дает нам красноречивые примеры.

Стр. 52-57.

Характер и уроки русской революции.

Ближайшей задачей русской революции является замена теперешнего правительенного режима современным буржуазно-парламентским правовым государством. Формально - это та же задача, которая стояла в Германии перед мартовской революцией и во Франции перед Великой революцией конца XVIII столетия. Однако, условия, историческая среда, в которой произошли эти формально аналогичные революции, коренным образом

отличаются от условий современной России. Решающим является здесь то обстоятельство, что между этими буржуазными революциями Запада и теперешней буржуазной революцией Востока лежит весь цикл капиталистического развития. И это развитие охватило не только западно-европейские страны, но также и самодержавную Россию. Крупная промышленность, со всеми своими контрастами, с современным классовым делением, резкими социальными последствиями, с современными большими городами и с современным пролетариатом, стала в России господствующей, т.-е. решавшей в смысле социального развития, производственной формой. Этим, однако, создалось то парадоксальное, полное противоречий, историческое положение, что буржуазная по своим формальным задачам революция проявляется прежде всего современным, обладающим классовым сознанием пролетариатом и происходит в международной среде, стоящей под знаком распадения буржуазной демократии. Буржуазия не является уже передовым революционным элементом, каким она была в прежние революции Запада, когда пролетарская масса, слившаяся с мещанством, поставляла только солдат в предводительствующую буржуазию армию. Теперь, наоборот, руководящим и призывающим к борьбе элементом является пролетариат, между тем как крупно-буржуазные слои либо прямо контр-революционны, либо слабо-либеральны, и только деревенская мелкая буржуазия с мелкобуржуазной городской интеллигенцией настроены решительно оппозиционно, даже революционно. А русский пролетариат, на долю которого выпадает, таким образом, первенствующая роль в буржуазной революции, вступает в бой при резко обостренном противоречии между капиталом и трудом, без всяких иллюзий насчет буржуазной демократии, но зато с сильно развитым сознанием своих собственных специфически классовых интересов. Это полное противоречий положение проявляется в том, что в этой формально-буржуазной революции противоречие между пролетариатом и буржуазным обществом господствует над противоречием между буржуазным обществом и самодержавием, в том, что удары пролетариата с одинаковой силой направлены против устаревшей политической формы и капиталистической эксплуатации, что программа революционной борьбы одновременно напирает на необходимость политической свободы и на завоевание 8-ми часового рабочего дня и соответствующего человеческому достоинству материального существования для пролетариата. Этот двойственный характер русской революции выражается в

той тесной зависимости, в том взаимодействии между экономической и политической борьбой, с которыми мы познакомились, изучая российские события, в которых именно в массовой стачке находит соответствующее выражение.

В прежние буржуазные революции, где, с одной стороны, о политическом воспитании революционной массы и руководстве ею заботились буржуазные партии, и где, с другой стороны, дело сводилось к простому свержению старой правительственной формы, — непродолжительная баррикадная битва была подходящей формой революционной борьбы. Ещё когда рабочий класс должен во время революционной борьбы сам себя разывать, сам себя собирать и сам собой руководить, когда революция так же направлена против старой государственной власти, как и против капиталистической эксплуатации, массовая стачка является естественным средством в самом действии разрушать, революционизировать и организовать самые широкие слои пролетариата. Она в одно и то же время расшатывает и фронтитывает старую государственную власть и ставит пределы капиталистической эксплуатации. Душой революции является теперь в России городской промышленный пролетариат.

Но чтобы произвести какое-нибудь непосредственное массовое политическое действие, пролетариат должен раньше собраться в massaу. Для этого он должен прежде всего выйти из фабрик и мастерских, из шахт и хижин. Он должен преодолеть свою разобщенность, свою разбросанность по отдельным мастерским, на которую он обречен повседневным ягом капитала. Массовая стачка является поэтому первой естественной формой, в которой выливается всенародное крупное революционное действие пролетариата; и по мере того, как промышленность становится преобладающей формой общественного хозяйства, по мере того, как растет роль пролетариата в революции, по мере того, наконец, как развивается противоречия между трудом и капиталом, массовые стачки должны становиться все могучее и решительнее. Преобладающая форма прежних буржуазных революций — баррикадная борьба, открытое столкновение с вооруженной силой государства, — составляет в современной революции только крайний пункт, только отдельный момент в общем процессе пролетарской массовой борьбы.

Этим достигается в новой форме революции и та культурность, то смягчение классовой борьбы, которые пророчески предсказывались оппортунистами германской социал-демократии, Барнштейнами, Давидами и проч. Правда этим господам рисовалась желанная полу-

турность и смягчение классовой борьбы, в образе мелкобуржуазно демократических элисий. Они видели ее в ограничении классовой борьбы исключительно областью парламентаризма и абсолютном исчезновении уличных революций. История решила этот вопрос не сколько более глубоким и тонким образом: возникновением революционной массовой стачки. Конечно, этот революционный прием отнюдь не заменяет напосредственных уличных схваток и не делает их излишними. Но он делает их лишь отдельными моментами долгого периода политической борьбы и в то же время связывает с этим революционным периодом огромную культурную работу в буквальнейшем смысле этого слова. Барбарские формы капиталистической эксплуатации становятся более "культурными", и, таким образом, достигается материальный и умственный подъем всего рабочего класса.

Таким образом, массовая стачка оказывается не специфически русским продуктом, вызванным политическими условиями России. Она, напротив, общая форма пролетарской классовой борьбы, вытекающей из современного уровня капиталистического развития, из современных классовых отношений. Три буржуазных революции: великая французская революция, мартовская революция в Германии и теперешняя революция в России образуют с этой точки зрения неразрывную цепь последовательного развития и отражают в себе расцвет и гибель капиталистического века. В великой французской революции проявляются в долгом периоде ужасной борьбы еще совсем не развитые внутренние противоречия буржуазного общества. Только в разгаре революции зарождающиеся и зреющие противоречия разрешаются беспрепятственно, совершенно свободно с незнающим уступок радикализмом. Через полстолетия на пути капиталистического развития всыхивает революция германской буржуазии. Не достигнув своей полноты, она обрывается благодаря противоречию интересов и равновесию сил капитала и труда. Он гибнет, задушенная буржуазно-феодальным компромиссом, сведенная до размеров короткого, плачевного умолкнувшего на полуслове эпизода. Еще полстолетий современная русская революция стоит на поворотном пункте исторического пути, находящемся уже по ту сторону горы, за пределами капиталистического общества. Буржуазная революция не может быть уже задушена противоречием между буржуазией и пролетарием. Наоборот, она переходит в новый долгий период огромнейшей социальной борьбы, в которой сведение старого света с правящим ветхим режимом является

пустяком по сравнению с целым рядом нозных счетов, предявляемых во время самой революции. В специальных политических условиях России русская революция реализует таким образом общие результаты международного капиталистического развития и является скорее первым предвестником новой серии пролетарских революций Запада, чем последним отзвуком прежних буржуазных революций. Самая отсталая страна, именно потому, что она так непростительно запоздала со своей буржуазной революцией, указывает пути и методы дальнейшей классовой борьбы пролетариату Германии и самых передовых капиталистических стран.

Поэтому и с этой стороны совершенно ошибочно задали смотреть на русскую революцию, как на красивое зрелище, как на нечто специфически "русское", удивляясь только геройству борцов, т.-е. внешним аксессуарам. Гораздо важнее, чтобы немецкие рабочие привыкли смотреть на русскую революцию, как на свое собственное дело не только в смысле международной классовой солидарности с русским пролетариатом, но чтобы они видели в ней прежде всего главу своей собственной социальной и политической истории. Те руководители профессиональных союзов, те представители парламентской борьбы, которые считают германский пролетариат "слишком слабым", а германские условия недостаточно зрелыми для революционной массовой борьбы, очевидно и не подозревают, что мерило зрелости классовых отношений и мощи пролетариата в Германии кроется не в цифровых данных германских профессиональных союзов или избирательной статистики, а - в событиях русской революции. Точно также, как зрелость французских классовых противоречий во время имп. монархии и парижских июньских дней отразилась на мартовской революции в Германии, на ее развитии и ее фиаско, точно также ныне зрелость германских классовых противоречий отражается на событиях, на мозги русской революции. А бюрократы германского рабочего движения, роющиеся по ящики своих контор, чтобы найти в них доказательства его силы и зрелости, не видят, что то, что они ищут, находится перед их глазами в виде крупного исторического откровения. Ибо в смысле историческом русская революция является рефлексом международного, а, стало быть, прежде всего германского рабочего движения.

Результат русской революции был бы поэтому слишком плачевен и до смешного ничтожен, если бы гер-

манский пролетариат, как хотят Фроме, Эльм и проч., воспользовался ею только для того, чтобы ухватиться за одну ее внешнюю форму борьбы, массовую стачку, и сделать из нее запасную пушку на случай отмены всеобщего избирательного права, сведя ее, другими словами, до жалких размеров парламентской оборонительной борьбы...

Стр. 76-82.

Партия и профсоюзы.

Главнейшим требованием грядущего периода раньше или позже предстоящей германскому рабочему классу великой борьбы является, наряду с непоколебимой решительностью и последовательностью тактики, возможно большая дееспособность, т.-е. возможно большее обединение руководящей социал-демократической части пролетарской массы. Между тем уже первые слабые попытки к подготовке более значительного массового действия немедленно же обнаружили в этом отношении крупный недостаток: полную разобщенность и независимость обеих организаций рабочего движения, социал-демократии и профессиональных союзов.

Ближайшее рассмотрение массовых стачек в России и германских обстоятельствах показывает нам, что, если какое-нибудь более крупное массовое действие не должно ограничиться какой-нибудь единичной демонстрацией, если оно должно сделаться настоящим боевым выступлением, то его ни в коем случае нельзя представить себе в виде так называемой политически массовой стачки. В Германии профессиональные союзы участовали бы в таком выступлении ровно столько же, сколько социал-демократия. И произойдет это не потому, что социал-демократия со своими менее значительными организациями будет считаться с содействием членов профессиональных союзов и, как воображают себе их руководители, ничего не сможет сделать "без них". Причина этого явления кроется глубже. Мы находим ее в том обстоятельстве, что всякое непосредственное массовое действие, всякий период открытой классовой борьбы охватит одновременно область политическую и экономическую. Если в Германии по какому-нибудь поводу, в какой-нибудь момент, дело дойдет по крупной политической борьбы до массовых стачек, то тем же самым одновременно откроется эра колоссальных профессиональных конфликтов. При этом события меньше всего будут спрашивать с тем, получило ли движение благословение

вение руководителей профессиональных союзов или нет. Если они будут стоять в стороне от движения и даже попытаются противиться ему, то это приведет только к тому, что события пройдут рядом с ними и что в своей экономической и политической борьбе массы будут биться без них.

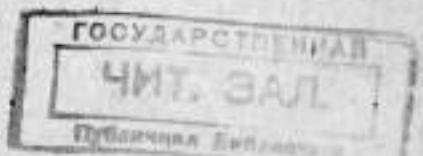
В самом деле, разобщенность между политической и экономической борьбой и их независимость друг от друга не более как искусственный, хотя и исторически необходимый продукт парламентского периода. С одной стороны, при этом спокойном, "нормальном" развитии буржуазного общества экономическая борьба раскалывается, распадается на множество отдельных конфликтов в каждом предприятии, в каждой отрасли промышленности. С другой же стороны, политическая борьба ведется не непосредственным действием самой массы; она приспособляется, напротив, к формам буржуазного государства и ведется представительным путем, давлением на законодательные органы. Как только наступает период революционной борьбы, другими словами, как только на поле битвы появляется сама масса, немедленно исчезает как разбросанность экономической борьбы, так и косвенная, парламентская форма борьбы политической. В революционном массовом действии политическая и экономическая борьба сливаются в одно целое и искусственная перегородка между профессиональным союзом и социал-демократией, как между двумя отдельными, совершенно независимыми формами рабочего движения, попросту исчезает. Но то, что наглядно проявляется во время революционного массового движения, фактически существует и во время парламентского периода. Экономическая и политическая борьба не являются двумя совершенно различными видами классовой борьбы пролетариата, существует только одна классовая борьба. Одновременно направленная к сужению капиталистической эксплуатации внутри буржуазного строя и к уничтожению эксплуатации вместе с буржуазным обществом.

Если во время парламентского периода эти две стороны классовой борьбы отделяются друг от друга на основании технических соображений, то они все-таки не представляют собой двух параллельных действий, а только два фазиса, две ступени борьбы рабочего класса за свою эманципацию. Профессиональная борьба охватывает интересы настоящего момента рабочего движения, политическая борьба интересы будущего. Коммунисты, говорит Коммунистический Ма-

нифест, в противоположность различным групповым (национальным, местным) интересам пролетариев, предстают общие интересы пролетариата в его целом, а на различных ступенях классовой борьбы они являются выражителями интересов всего движения, т.-е., конечных целей освобождения пролетариата. Профессиональные союзы являются представителями групповых интересов и одной определенной ступени развития рабочего движения. Социал-демократия представляет рабочий класс и его освободительные интересы в целом. Профессиональные союзы относятся таким образом к социал-демократии, как часть к целому. Если же руководители профессиональных союзов с такой симпатией относятся к теории о "равноправии" профессиональных союзов и социал-демократии, то это происходит вследствие глубокого непонимания самой сущности профессиональных союзов и их роли в общей освободительной борьбе рабочего класса.

Однако, эта теория о параллельном действии социал-демократии и профессиональных союзов и об их "равноправии" не просто висит в воздухе, а имеет свои исторические основания. Она поконится на созданной мирным, "нормальным" периодом буржуазного общества иллюзии, будто политическая борьба социал-демократии поглощается парламентской борьбой. На самом же деле, парламентская борьба, дополняющая профessionальную борьбу и служащая ей противовесом, также является борьбой исключительно на почве буржуазно-общественного строя. По своей природе она занимается политическими реформами, как профессиональные союзы занимаются реформами в области экономической. Она представляет собой политическую работу текущего момента в то время, как профессиональные союзы представляют его экономическую работу. И она тоже является лишь отдельным фазисом, отдельной ступенью развития в общей картине пролетарской классовой борьбы, конечные цели которой в одинаковой степени выходят за пределы парламентской и профессиональной борьбы. Как профессиональная работа, так и парламентская борьба относятся, значит, к социал-демократической политике, как часть к целому. Социал-демократия же в себе является именно сочетанием парламентской и профессиональной деятельности в одной, направленной к уничтожению буржуазного строя, классовой борьбе.

Теория "равноправия" профессиональных союзов и социал-демократии не является таким образом простым теоретическим недоразумением, простым смешением. В ней находит себе выражение известная тенденция то-

го оппортунистического крыла социал-демократии, который, действительно, хочет свести политическую борьбу рабочего класса к узакам рамкам парламентской борьбы и превратить социал-демократию из революционно-пролетарской партии в партию мелкобуржуазных реформ¹). Если б социал-демократия приняла теорию "рав-

Г) Существование подобной тенденции в среде германской социал-демократии обнновлено отрицается. Нам надо поэтому приветствовать ту откровенность, с которой оппортунистическое течение недавно формулировало свои истинные цели и желания. В Майнце, на партийном собрании 10-го сентября т.г. по предложению Давида была принята следующая резолюция:

"Принимая во внимание, что социал-демократическая партия понимает "революцию" не в смысле насилия и переворота, а в мирном смысле развития, т.-е. постепенного проведения нового хозяйственного принципа, публичное партийное собрание в Майнце отвергает всякую "революционную романтику".

"Собрание видит в завоевании политической власти не что иное, как привлечение большинства народа на сторону идей и требований социал-демократии. Это привлечение может быть достигнуто не насилием и средствами, а только революционизированiem умов путем идейной пропаганды и практического проведения реформ во всех областях политической, экономической и общественной жизни.

"Исходя из убеждения, что социал-демократия гораздо лучше развивается при помощи законных, чем незаконных приемов и принципа насилия и переворота, собрание отвергает "прямое воздействие масс", как тактический принцип, и выражает свою приверженность принципу парламентской реформаторской деятельности. Оно выражает, другими словами, пожелание, чтобы партия по прежнему стремилась к постепенному достижению наших целей путем законодательства и органического развития.

"Основная предпосылка этого реформаторского базового метода кроется, разумеется, в том, чтобы участие немущих народных масс в законодательстве германской империи и отдельных германских государств не сокращалось, а расширялось до достижения полного равноправия. На этом основании собрание признает неоспоримым правом всего рабочего класса бороться с покушениями на свои законные права и за завоевание дальнейшего расширения своих прав прекращением труда на более или менее продолжитель-

"направия" профессиональных союзов, то тем самым она косвенным образом молча, согласилась бы на преобразование, к которому давно стремятся представители оппортунистического направления.

Однако, в Германии подобное изменение отношений внутри рабочего движения еще менее возможно, чем в какой бы то ни было другой стране. Теоретическое отношение, в силу которого профессиональные союзы являются лишь частью социал-демократии, именно в Германии, классически иллюстрируется фактами живой действительности. Это выражается по трем различным направлениям. Во-первых, профессиональные союзы Германии являются напосредственным продуктом социал-демократии. Их положено первое начало профессионального движения, и оно варочено, она и поныне дает ему ее руководителей и самых энергичных деятелей его организации. Во-вторых, германские профессиональные союзы являются продуктом социал-демократии и в том смысле, что социал-демократическое учение составляет душу профессиональной практики и что профессиональные союзы обязаны своим превосходством над всеми буржуазными и религиозными союзами идеи классовой борьбы. Их практические успехи, их мощь являются результатом того обстоятельства, что они в своей практике руководятся теорией научного социализма, которая возвышает их над низменностью эгоистического эмпиризма. Сила "практической политики" немецких профессиональных союзов лежит в их понимании глубоких социальных и экономических отношений капиталистического строя; этим же пониманием они обязаны не чему иному, как теории научного социализма, на которую они опираются.

Если прочие средства окажутся бессильными.

"Но так как политическая массовая стачка может только тогда привести к победе рабочих, когда снедается в строго законных рамках, и когда стачечники не дают законного повода для вмешательства вооруженной силы, то собрание усматривает единственную необходимую и действительную подготовку к употреблению этого боевого средства в дальнейшем развитии политической, профессиональной и ремесленной организации. Ибо только таким образом в широких народных массах могут быть созданы те условия, предварительное существование которых гарантирует успешный ход массовой стачки."

ся в своей практике. Поэтому всякое стремление профессиональных союзов к освобождению от социал-демократической теории, стремление их создать в противовес социал-демократии свою "теорию профессионального движения" даже с точки зрения самих союзов является не чем иным, как попыткой на самоубийство. Разрыв между профессиональной практикой и теорией научного социализма был бы равносителен для немецких профессиональных союзов немедленной потере всего их превосходства над всеми видами буржуазных союзов и падению их с той высоты, на которой они до сих пор стояли, до уровня плоской чисто эмпирической политики безудержного блужданья ощупью.

Наконец, в-третьих, — и это мало по малу позабытое прошлое профессиональных союзов, их численное превосходство создано исключительно социал-демократическим движением и социал-демократической агитацией. Вожди профессиональных союзов имеют обыкновение с известным чувством триумфа и с некоторым злорадством смотреть сверху вниз с гордой высоты своих миллиона с четвертью членов на жалкие еще на полные полмиллиона организованных членов социал-демократии и вспоминать о тех временах, лет 10-12 тому назад, когда в рядах социал-демократии смотрели еще пессимистически на перспективы развития профессиональных союзов. Они совершенно не замечают того, что эти два факта: высокая цифра членов профессиональных союзов и низкая цифра организованных социал-демократов, в сильной степени, находятся в прямой причинной зависимости. Тысячи, многие тысячи рабочих не входят в партию именно потому, что они состоят членами профессиональных союзов. По теории, все рабочие должны быть двояко организованы: должны ходить в двойного рода собрания, уплачивать двойные взносы, читать двух родов рабочую прессу и т. д. Но чтобы поступать так, необходима уже высокая степень интеллигентности и тот идеализм, который из чистого чувства долга перед рабочим движением не пугает ежедневных жертв и временем и деньгами; необходим также и тот страстный интерес к чисто внутренней партийной жизни, который может быть удовлетворен лишь принадлежностью к партийной организации. И то, и другое имеется у наиболее просвещенного и интеллигентного меньшинства социал-демократических рабочих больших городов, где партийная жизнь богата содержанием и притягательна, где уровень жизни рабочих более высок. Среди же более широких слоев рабочих масс больших городов, а также в провинции,

в заходустьях всякого рода, где местная политическая жизнь носит несамостоятельный характер, где она является простым отражением событий в крупных центрах, где вследствие этого партийная жизнь бедна и монотона, где, наконец, экономический уровень рабочего большей частью весьма жалок, там двойная организация осуществляется с большим трудом.

Для социал-демократически настроенного рабочего из массы вопрос решается тогда сам собой в смысле вступления именно в свою профессиональную организацию. Он не может удовлетворить непосредственных интересов своей экономической борьбы иначе как путем вступления в профессиональный союз, это вытекает из самой природы этой борьбы. Взнос, который он здесь платит, зачастую принося существенные жертвы в области своего бюджета, оказывает ему непосредственную, ощущимую пользу. Свои же социал-демократические убеждения он может проводить в жизнь, и не принадлежа к специальной партийной организации: он подает голос на парламентских выборах, посещает социал-демократические народные собрания, следит за отчетами о речах социал-демократов в представительных учреждениях, читает партийную прессу, — пусть читатель сравнил, например, число социал-демократических избирателей, а также число подписчиков "Volksblatt" с числом организованных членов партии в Берлине. А самое главное это то, что социал-демократически настроенный средний массовый рабочий, которому в его простоте душевной не доступна сложная и тонкая теория воцдней профессиональных союзов о "двойственности души" рабочего, чувствует себя в профессиональном союзе организованным социал-демократически. Пусть союзы и не носят официальной партийной вывески, но во главе их, в каждом городе, в каждом городишке массовой рабочий видит в качестве наиболее деятельных их руководителей тех коллег, которых он знает, как товарищей, как социал-демократов в общественной жизни: это — или социал-демократические представители в рейхстаге, ландтаге, органах самоуправления, или доверенные лица социал-демократических организаций, члены правления избирательных ференсов, редакторы партийных газет, секретари, или, наконец, просто спикеры и агитаторы. Далее, в агитации в своем союзе он слышит большую часть та же, ставшая ему дорогими и понятными, мысли о капиталистической эксплуатации, о классовых отношениях, которые он знает из социал-демократической агитации; да ведь большинство ораторов на собраниях союзов и притом наиболее лю-

бимые из них, которые одни только "вносят жизнь" в организацию и являются притягательной силой обычно сонных и плохо посещаемых профессиональных собраний, это как раз известные социал-демократы.

Таким образом, все складывается так, что у сознательного среднего рабочего возникает представление, что, будучи организован профессионально он тем самым принадлежит к партии, является организованным социал-демократически. Это-то именно, и составляет полиптическую притягательную силу немецких профессиональных союзов. Но в силу своей фиктивной нейтральности, а в силу действительной социал-демократичности своей природы профессиональные союзы могли достигнуть современной своей силы. Эта функция никого в настоящее время в Германии не может ввести в заблуждение. Это сделалось невоизможным просто вследствие того самого факта одновременного существования различных буржуазно-партийных союзов: католических, Гирш-Дункеровских и др., на который как раз и ссылаются, пытаясь обосновать эту минимую "нейтральность". Если немецкий рабочий, имея полную возможность примкнуть к христианскому, католическому, евангелическому или свободомыслящему союзу, останавливает свой выбор не на каком-либо из них, а на "свободном профессиональном союзе", или даже переходит в него оттуда, то он делает это лишь потому, что он смотрит на Германскую, как на организации с ясно выраженным характером классовой борьбы, или что в Германии одно и то же, как на социал-демократические профессиональные союзы. Коротко говоря, иллюзия "нейтральности", существующая для вождей профессиональных союзов, не существует для массы профессионально организованных рабочих. И в этом - счастье Германской. Если бы минимая нейтральность, отчуждение и обособление профессиональных союзов от социал-демократии осуществлялись когда-нибудь на самом деле, стали действительностью именно в глазах пролетарской массы, тогда профессиональные союзы тотчас потеряли бы все свое преимущество перед конкурирующими между собой буржуазными союзами, а вместе с тем лишились бы и своей притягательной силы, утеряли бы тот огонь, который дает им жизнь. Всем известные факты самым решительным образом подтверждают сказанное. Иллюзия партийно-политической "нейтральности" профессиональных союзов могла сослужить выдающуюся службу в качестве притягательной силы именно в той стране, в которой социал-демократия не пользуется у массы никаким до-

верием, где ее влияние по мнению рабочей массы скорее вредит, чем помогает рабочей организации, одним словом, там, где профессиональные союзы сами должны еще рекрутировать свои войска из среды совершенно носознательной массы, пропитанной буржуазными взглядами.

Образцом такой страны на протяжении всего прошлого столетия была Англия, такой же она является в сильной степени еще и теперь. Но в Германии партийные отношения совершенно иные. В стране, где социал-демократия является могучей политической партией, где ее вербующая сила представлена армией свыше трех миллионов пролетариев, там смешно говорить об отягивающем влиянии социал-демократии и о необходимости боевой организации рабочих под лицемерным покровом политического нейтралитета. Достаточно простого сопоставления числа социал-демократических избирателей с числом профессионально организованных в Германии, чтобы даже всякому младенцу сделалось ясно, что немецкие профессиональные союзы набирают свою армию не из непросвещенной еще в классовом отношении, буржуазно настроенной массы, как в Англии, а среди массы пролетариев, уже разбуженных социал-демократией и уже усвоивших себе идею классовой борьбы - из массы социал-демократических избирателей. Вожди профессиональных союзов - это дань "теории нейтралитета" - с возмущением отвергают ту мысль, согласно которой нужно рассматривать профессиональные союзы, как школу для рекрутования соц.-демократов. На самом же деле это представляющееся им столь оскорбительным, а в действительности в высшей степени лестное предположение, для Германии является, к сожалению, лишь созданием фантазии, так как отношения сложились здесь как раз наоборот: именно социал-демократия служит рекрутской школой для профессиональных союзов. Если организационная работа в союзах по большей части еще и трудна и утомительна настолько, что у руководителей их возбуждается и поддерживается иллюзия, будто они именно проводят первую борозду по невозделанному пролетарскому полю и бросают туда первое семя, то ведь, на самом деле, поле это не только уже обработано социал-демократическим плугом, но и самое семя профессиональной борьбы и, наконец, сами сеятели должны быть еще "красными" социал-демократическими, чтобы удалась жатва. И если мы таким образом будем сравнивать число профессионально организованных рабочих с числом членов социал-демократических организаций, а что является единственно правильным, с чис-

ленностью социал-демократической массы избирателей, то мы приедем к выводу, который значительно разнится от представления торжествующих победу вождей профессионального движения. Именно обнаруживается, что "свободные союзы" на самом деле представляют в настоящее время еще меньшинство сознательных в классовом отношении рабочих Германии, что они со своим миллионом организованных членов все-таки не исчерпали еще и половины подготовленной для них социал-демократией, приобретенной для классовой борьбы массы.

Важнейший вывод из приведенных фактов состоит в следующем: безусловно необходимое для предстоящей в Германии массовой борьбы единство профессионального и социал-демократического рабочего движения на самом деле имеется налицо, именно, оно воплощено в той широкой массе, которая служит общим базисом и социал-демократии, и профессиональных союзов, и в сознании которой обе стороны движения слиты в одно духовное целое. Каждый антагонизм между социал-демократией и профессиональными союзами сводится при таком положении вещей к антагонизму между социал-демократией и верхним слоем чиновников профессиональных союзов, а этот антагонизм является в тоже время антагонизмом внутри профессиональных союзов между вождями их и профессионально организованной пролетарской массой.

Сильный рост профессионального движения в Германии за последние 15 лет, особенно же в период высокой экономической конъюнктуры 1895-1900 годов, вызвал сам по себе сильный рост самостоятельности профессиональных союзов, специализацию методов их борьбы, их руководительства и, наконец, появление настоящего чиновничества профессиональных союзов. Все эти явления составляют вполне об"яснимый естественный исторический результат экономического благосостояния и политического затишья в Германии. Все это, особенно же чиновничество в недрах профессиональных союзов, составляет исторически необходимое зло. Но диалектика развития ведет именно к тому, что эти необходимые средства прогресса и роста профессионального движения при известной высоте организации и при известной степени зрелости отношений обращаются в свою противоположность, в препятствия для дальнейшего роста.

Специализация деятельности руководителей профессионального движения в особую профессию, равно как и естественная ограниченность кругозора, свя-

занная в спокойный период с раздробленностью экономической борьбы на отдельные схватки, совершенно неизбежно приводят чиновничество профессиональных союзов к бюрократизму и к ограниченности общего понимания (всего движения в целом). И то, и другое находит себе выражение в целом ряде тенденций, которые могут стать весьма роковыми для будущности самих профессиональных союзов. Сюда относится, прежде всего, переоценка организации, мало по миру превращающейся из средства для цели в самостоятельную цель, в высшее благо, которому многообразно подчиняются интересы борьбы. Отсюда об "ясняется" и та открыто-признанная потребность в спокойствии, из-за которой пугливо отступают перед крупным риском, перед предполагаемыми опасностями для существования профессиональных союзов, перед неизвестностью широких массовых выступлений; отсюда далее и переоценка профессиональной борьбы, ее перспектив и ее успехов. Вожди профессионального движения, постоянно засасываемые мелкой экономической войной, ставящие себе задачу винить рабочим массам высокую ценность каждого, хотя бы и незначительного, экономического завоевания, каждого повышения заработной платы или сокращения рабочего дня, приходят мало, по миру к тому, что сами теряют сознание более важных взаимоотношений и понимания общего положения вещей. Только этим и можно об "яснять", напр., то, что вожди немецких профессиональных союзов с таким большим удовлетворением указывают на завоевания последних 15 лет и на миллионы повышения заработной платы, вместо того, чтобы, наоборот, усиленно указывать на другую сторону медали: на одновременно происходившее благодаря хлебным ростовщикам, всей податной и таможенной политике, земельному ростовщичеству, взвинтившему квартирные цены на такую неслыханную высоту, из обычайное понижение уровня жизни пролетариата, — коротко говоря, на все те об "активные" тенденции буржуазной политики, которые снова превращают в ничто почти все завоевания 15-летней профессиональной борьбы. Из всей целостной социал-демократической истины, которая, наряду с подчеркиванием работы сегодняшнего дня и ее абсолютной необходимости переносит центр тяжести на критику, на установление границ этой работы, выкристаллизовывается особая истина профессионального движения, половинчатая истина, отмечавшая лишь положительную сторону этой каждодневной борьбы. И, наконец, это замалчивание об "активных" гравиц, поставленных профессиональной борьбе буржуа —

зным общественным строем, превращается в прямо-таки враждебное отношение ко всякой теоретической критике, которая указывает на эти границы в связи с ко- нечными целями рабочего движения. Безусловно-хвалебное отношение, безграничный оптимизм вменяются в обязанность всякому "другу профессионального движения". А так как социал-демократическая позиция как раз и состоит в борьбе с некритическим оптимизмом по отно- шению к профессиональному движению, совершенно так же, как и в борьбе против некритического парламен- тарского оптимизма, то, в конце концов, происходит поворот от социал-демократической теории чиновники профессиональных союзов ищут ощупью "новую теорию", которая соответствовала бы их потребностям и их взглядам, именно такую, которая в противоположность социал-демократической открывала бы профессиональ- ной борьбе совершенно неограниченные перспективы эко- номического процветания в рамках капиталистического строя. Такая теория, конечно, существует и уже не мало времени: это теория проф. Зомбарта, выставивше- го ее с явно выраженным намерением вогнать клин ме- жду профессиональными союзами и социал-демократией в Германии и переманить союзы на буржуазную почву.

В тесной связи с этим теоретическим поворотом в рядах вождей профессионального движения находится — и это вполне согласуется с теорией Зомбарта — пово- рот в отношении вождей к массе. Место коллегиальной, безвозмездной агитации комиссиями из местных товари- щей, агитации, ведущейся из побуждений чистого идеа- лизма, заступает профессиональное, бюрократически урегулированное ведение дел при помощи, по большей части присылаемых со стороны чиновников. Благодари сосредоточению всех нитей движения в их руках, и са- мая способность понимания вопросов этого движения делается их профессиональной специальностью. Масса товарищей низводится до состояния массы, неспособ- ной иметь свое собственное суждение, массы, которой вменяется в обязанность главным образом добродетель "дисциплины", т.-е. пассивное послушание. В противо- положность социал-демократии, в которой, вопреки тенденциозной сказке о "Бебелевской диктатуре", гос- подствует на самом деле высший демократизм, вслед- ствие того, что ведение дел основано на началах вы- борности и коллегиальности, так что правление пар- тии является в действительности лишь органом управ- ления, — в профессиональных союзах, в гораздо более высокой степени отношение к подчиненной ему массе носит характер субординации. Процветание этих отно- шений — вот та аргументация, при помощи которой за-

гораживаются от социал-демократической критики дальнейших перспектив и возможностей профессионального движения, так как эта критика представляет якобы опасность для надлежащего настроения массы по отношению к союзам. При этом исходным пунктом является тот взгляд, что рабочая масса лишь при детской слепой вере в спасительность профессиональной борьбы может быть вовлечена и удержана в организациях. В противоположность социал-демократии, которая основывает свое влияние как раз на понимании массой противоречий существующего строя, на понимании всякой сложной природы его развития, на критическом отношении массы ко всем моментам ее собственной классовой борьбы, влияние и могущество профессиональных союзов опираются - согласно этой теории - на неспособность массы к критике и к самостоятельности суждений. "В народе должна быть сохранена вера" - вот основное положение, исходя из которого чиновники союзов клеймят всякую критику об "активной недостаточности профессионального движения", как покушение на самое движение. Наконец, результатом этой специализации и этого бюрократизма чиновников союзов является также и сильное обособление и "нейтралитет" союзов по отношению к социал-демократии. Внешняя самостоятельность профессиональных организаций оказалась с ростом их необходимым условием, которое вырастает, так сказать, на почве технического разделения труда между политической и экономической формами борьбы. "Нейтральность" немецких профсоюзных союзов явилась в свою очередь продуктом реакционного законодательства о союзах прусско-немецкого полицейского государства. С течением времени и то, и другое отношение изменило свое содержание. На основе полицейски вымученного состояния политической "нейтральности" профессиональных союзов сооздалась после теория добровольной нейтральности, как необходимости, коренящейся, якобы, в самой природе профессиональной борьбы. Техническая же самостоятельность союзов, которая должна была бы опираться на практическое разделение труда в недрах единой социал-демократической классовой борьбы, превратилась в независимость профессиональных союзов от социал-демократии, в независимость и от взглядов ее, и от ее руководства, в так называемое "управление в правах" с социал-демократией.

Эта иллюзия независимости и равноправности с социал-демократией воплощается главным образом в чиновниках союзов, находит себе пищу в аппарате управления профессиональных организаций. С внешней

стороны существование целого штаба чиновников профессионального дела, совершенно независимых центральных учреждений, многочисленной профессиональной прессы и, наконец, конгрессов профессиональных союзов создало иллюзию полной параллельности по отношению к организационному аппарату социал-демократии, правлению партии, партийной прессе и партейтагам. Эта иллюзия параллельности между социал-демократией и союзами повела между прочим к тому чудовищному явлению, что на партейтагах и на конгрессах союзов рассматриваются в известной части совершенно аналогичные вопросы, и по одному и тому же вопросу выносятся различные, и даже прямо противоположные постановления. Из разделения труда между партейтагом, представителем всеобщих интересов и задач рабочего движения, и конференциями профессиональных союзов, обсуждающих специальные вопросы более узкой области интересов повседневной экономической борьбы, была конструктирована якобы двойственность профессионального и социал-демократического мировоззрения по отношению к одним и тем же общим вопросам и интересам рабочего движения. А раз со-здалось уже такое ненормальное положение вещей, то оно имеет в себе естественную тенденцию все более и более расширяться и обостряться. Теперь, после того, как сооздался ненормальный обычай параллельных порядков дня на конгрессах профессиональных союзов и партейтагах, самое существование этих конгрессов представляет из себя естественный фактор, побуждающий ко все более и более сильному ограничению и отдалению от социал-демократии. Чтобы доказать себе в другим собственную "самостоятельность", чтобы простым повторением постановлений партейтагов не показать собственной излишности или подчиненности, конгрессы — как известно, представляющие главным образом конгрессы чиновников — должны постоянно инстинктивно стремиться к подчеркиванию разделяющих моментов, всего "специального профессионального". Равным образом самое существование параллельной в независимой центральной организации профессиональных союзов ведет психологически к тому, чтобы на каждом шагу давать чувствовать свою независимость по отношению к руководящим органам социал-демократии, чтобы рассматривать всякое соприкосновение с партией прежде всего с точки зрения "границ компетенции".

Таким образом сложилось своеобразное положение вещей, при котором то же самое профессиональное дви-

жение, которое в своих низах, среди широкой пролетарской массы находится в полном единстве с социал-демократией, наверху, в организационной надстройке резко отделяется от социал-демократии и утверждает себя рядом с нею, как вторая независимая великая держава. Немецкое профессиональное движение получает вследствие этого своеобразную форму двойной пирамиды, основание и тело которой состоят из одного куска, вершина же которого далеко расходится друг от друга.

На основания изложенного ясно, каков тот единственный путь, на котором единственным и успешным образом может быть создано компактное единство немецкого рабочего движения, единство безусловно необходимое как для грядущей политической классовой борьбы, так и в собственных интересах дальнейшего развития профессионального движения. Нет более неправильного и безнадежного пути, как добиваться установления желаемого единства при помощи случайных или периодических переговоров относительно отдельных вопросов рабочего движения между социал-демократическими центральными организациями и центральной организацией профессиональных союзов. Как раз самые вершины обеих форм рабочего движения и воплощают в себе, как мы видели, их разделение и обособление, являясь в то же время — это относится именно к руководящему органу союзов — носителям и опорой иллюзии "равноправия" и параллельности существования социал-демократии и профессиональных союзов. Стремиться к созданию единства их при помощи установления связи между правлением партий и Генеральной комиссией значило бы строить мост там, где расстояние всего дальше, а переход этого труднее. Если бы такое обединение партий и союзов, переговоры по каждому случаю обеих великих держав, превратились в систему, то это было бы не чем иным, как освящением того самого федеративного отношения между целим пролетарским классовым движением и частным проявлением этого движения, которое, как иенормальность, и должно быть устранено. Дипломатически федеративное отношение между высшими инстанциями, социал-демократической и профессиональной, может вести лишь ко все большему отчуждению и охлаждению отношений, может сделаться источником постоянно новых и новых трений. Это в природе вещей. Именно самая форма подобных отношений обуславливает то, что великий вопрос гармонического соединения экономической и политической стороны пролетарской освободительной

борьбы превращается в мелочной вопрос о "дружеских соседских отношениях" между "инстанциями" в *Хайденштрассе* и на *Бюргергассе*, и великие вопросы рабочего движения закрываются мелочным местничеством и личными счетами. Первая проба дипломатического метода сношений между инстанциями, переговоры правления партии с генеральной комиссией по делу всеобщей стачки, дала уже достаточный материал в пользу безнадежности этого метода. И, если генеральная комиссия недавно об"явила, что как с ее стороны, так и со стороны правления партии уже многократно искали случая для переговоров по различным поводам, и что переговоры эти имели место, то с точки зрения взаимного этикета это уверение может иметь весьма успокоительное и ободряющее воздействие: но немецкое рабочее движение, которое в виду предстоящей серебряной эпохи должно рассматривать все проблемы своей борьбы несколько глубже, имеет все основания откинуть в сторону все эти китайские церемонии и попытать решения задачи там, где оно указывается самим положением вещей. Не наверху, в вершинах руководящих организаций, и в их федеративном союзе, а внизу в организованной пролетарской массе находится оплот действительного единства рабочего движения. В сознании миллиона членов профессиональных союзов партия и союзы действительно составляют один целоз, именно различные формы социал-демократической освободительной борьбы пролетариата. И отсюда сама собою вытекает необходимость устраниить то отчуждение и те трения, которые создались между партией и союзами, приспособить их взаимные отношения к сознанию пролетарской массы, т.-е. вновь связать профессиональные союзы с социал-демократией. Таким путем найдет себе выражение лишь синтез фактического развития, развития, которое от первоначального единства привело к отломанию профессиональных союзов от социал-демократии, чтобы затем через период сильного роста, как союзов, так и социал-демократии, подготовить наступающий период великой пролетарской борьбы и тем самым сделать необходимость вторичное об"единение союзов и социал-демократии.

Дело идет при этом, само собой разумеется, не о поглощении партией всей организационной надстройки союзов, а о том, чтобы установить то естественное отношение между руководящими органами социал-демократии и союзов, между партийтагами и конгрессами союзов, которое соответствует действительному отношению между всем рабочим движением в целом и его

частичным проявлением в профессиональном движении. Такой поворот дела, как иначе и быть не может, вызовет ощущенную оппозицию чиновников союзов. Но пора же рабочей социал-демократической массе научиться проявлять свою способность к суждениям и к действиям, и тем самым показать свою зрелость для той эпохи великой борьбы и великих задач, когда масса должна быть действующим хором, а руководители лишь "персонажами с речами", истолкователями массовой воли. Профессиональное движение представляет из себя не то, что отражается во вполне понятных, но ошибочных иллюзиях четырех-пяти дюжин вождей движения а то, что живет в сознании широкой массы вступивших в классовую борьбу пролетариев. В этом сознании профессиональное движение есть часть социал-демократического. "И пусть оно имеет мужество казаться тем, чем оно является на деле".

Стр. 86-108.

3. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИИ 1917 И 1918 Г.Г. И РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ.

Р.ЛЮКСЕМБУРГ. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.
(Э.Дран и С.Леонард. -Подпольная литература революционной Германии за время мировой войны, 1924 г., стр.18-21).

Официальная теория, которая приспособила марксизм для домашних надобностей партийных верхов, и органом которой является "Леих", пытается об"яснить пустяковое противоречие между нынешней деятельностью рабочей партии и ее вчерашними словами тем, что интернациональный социализм, хотя много занимался вопросом, что делать против об"явления войны, но ничего не говорил о том, что делать после об"явления войны. В качестве проституированной женщины, привыкшей отдаваться всем, эта теория уверяет нас, что между сегодняшней практической социализма и его прошлым царит совершенная гармония; что ни одна социалистическая партия не может упрекнуть себя в чем-либо, что поставило бы под вопрос ее принадлежность к Интернационалу. В то же время, однако, у этой гибкой и податливой теории припасено на всякий случай достаточное обяснение противоречия между сегодняшней позицией международной социал-демократии и ее прошлым,

ведь, слишком уже бросается в глаза это противоречие. Интернационал обсуждал, якобы, только вопрос о предотвращении войны. Теперь же "война налицо", — как гласит формула. — и вот оказалось, что для социалиста после об"явления войны имеют силу совершенно иные правила поведения, чем до войны. С точки зрения этой теории после того, как война разразилась, перед пролетариатом остался только вопрос: победа или поражение, или, как другой "австро-марксист" Фр. Адлер еще совершенно-научно и философски об"ясняет, нация, как всякий организм, должна утверждать свое бытие. На любом немецком языке это значит: для пролетариата существует не одно жизненное правило, как до сих пор об"явили научный социализм, а два: одно — для мира, другое — для войны. Во время мира это правило гласит: внутри страны — классовая борьба, во вне — международная солидарность. Во время войны: внутри — классовая солидарность, во вне — борьба рабочих разных стран между собой. Исторический клич "Коммунистического Манифеста" получает существенное дополнение и гласит, согласно поправке Каутского: "пролетарии всех стран, соединяйтесь во время мира и режьте друг другу глотки во время войны". Сегодня: "пуля русскому, пинок французу", а завтра, после заключения мира: "обнимитесь, миллионы, поцелуй всему миру". Ведь, Интернационал есть "по существу инструмент мира, который не действует во время войны".

Эта услужливая теория не только открывает заманчивые перспективы для социал-демократической практики, возводя неустойчивость фракции вместе с Иезуитизмом Центрального Комитета на степень основной догмы социалистического Интернационала, она горже-
ственно об"являет, кроме того, "ревизию" исторического материализма, — "ревизию" по сравнению с которой все прежние попытки Бернштейна покажутся детской игрой. Тактика пролетариата до возникновения войны после этого возникновения должна, оказывается, следовать по совершенно различным, даже прямо противоположным, направлениям. А это предполагает, что общественные условия, основы нашей тактики, в корне различны во время мира и во время войны. Согласно историческому материализму, как его обосновал Маркс, вся до сих пор написанная история есть история классовой борьбы. По материализму, исправленному Каутским, к этому нужно прибавить: за исключением военных эпох.

Развитие общества, вот уже в течение тысяче-
тий, периодически прерываемое войнами, протекает по

следующей схеме, период классовой борьбы; затем пауза, в течение которой единение классов и национальная борьба; потом опять период классовой борьбы, опять пауза и единение классов, и так дальше, и так дальше: просто и легко. Каждый раз основы общественной жизни ставятся войной на голову, а условия военного периода вновь начисто уничтожаются в день за ключения мира. Как видите, это уже не теория общественного развития "путем катастроф", которую Каутскому пришлось некогда защищать вместе с другими ортодоксальными марксистами, — это теория общественного развития "кувырком". Общество движется здесь подобно несущейся в весеннем потоке ледяной горе: как только подтаст ее основание в теплой воде, она падает на голову, а там сначала.

Однако этому исправленному историческому материализму резко противоречат все известные факты истории, обнаруживая вместо на-спах предуманного противоположения войны и классовой борьбы постоленныйialectический переход войны в борьбу классов и борьбы классов в войны и раскрывая, таким образом, их внутреннее единство. Так обстояло дело с войнами средневековых городов, с войнами реформации, с освободительной борьбой Нидерландов, с войнами великой французской революции, с гражданской войной в Америке, с восстанием Парижской Коммуны, с великой русской революцией 1905 года. С чисто-абстрактно-теоретической точки зрения теория Каутского не оставляет камня на камне от марксизма, как это ясно может показать самое короткое размышление. Если, как это признает Маркс, классовая борьба и войны не падают с неба, а имеют свои глубокие социально-экономические причины, то они не могут периодически исчезать, если причины их не уничтожены. Классовая борьба пролетариата есть только неизбежное следствие отношений наемного труда и капитала и политического классового господства буржуазии. Но во время войны эти отношения не исчезают, — наоборот, их давление еще возрастает, благодаря спекуляции и грюндерству, которые расцветают пышными цветами на плодоносной почве военной промышленности, а также благодаря гнету военной диктатуры. Так же мало прекращается политическое классовое господство буржуазии, — наоборот, приостановлением гражданских свобод оно возводится на степень прямой неприкрытой классовой диктатуры. Если, таким образом, экономические и политические источники классовой борьбы бывают во время войны в десять раз сильнее, чем во время мира, — как может исчезнуть их неизбежное по-

следствие, борьба классов? Войны современной эпохи возникают из конкуренции интересов отдельных капиталистических групп и из потребности капитала в расширении областей своего применения. Обе эти причины действуют не только тогда, когда гремят пушки, но и в мирное время, подготовляя и неизбежно разжигая военные пожары. Ведь, война, как любит цитировать из Клаузевица Каутский, есть не что иное, как "продолжение политики, только другими средствами". Как-раз империалистическая фаза капитализма своей системой вооруженного мира превратила этот самый мир в пустую иллюзию, об"явив по существу диктатуру милитаризма, перманентную войну.

Отсюда перед исправленным историческим материализмом встает следующая дилемма: или классовая борьба остается и во время войны всесильным законом для пролетариата, - тогда об"явление партийными верхами классовой гармонии вместо этой борьбы на время войны есть преступление против жизненных интересов пролетариата, - или классовая борьба есть и во время мира преступление против "национальных интересов" и "безопасности родины". Одно из двух: или борьба классов, или гармония классов должна быть основным фактором общественной жизни как во время войны, так и во время мира. Практически эта альтернатива еще яснее. социал-демократия должна или покаяться, как это и делают некоторые ханки в наших рядах, бывшие когда-то молодыми смельчаками, - прочесть свою покаянную молитву перед отечественной буржуазией и пересмотреть такие свою мирную тактику и свои основные положения, для того, чтобы приспособить их к своей теперешней социал-империалистической позиции, или же ей придется покаяться перед международным пролетариатом и приспособить свое поведение во время войны к своим принципам мирного времени. Все, что относится к германскому, относится, само собой разумеется, и к французскому рабочему движению.

Или Интернационал останется и после войны грудой развалин, или воскресение его начнется на основе классовой борьбы из которой он получает свои жизненные силы. Он не омынет оттого, что после войны вытащит из-под слуда старую шарманку, на которой начнут весело и бодро, как будто ничего не случилось, наигрывать старые песенки, очаровывавшие мир до 4 августа 1914 г. Только "после сурового, полного осуждения собственной половинчатости и слабости", собственного морального падения, только после ликвидации всей тактики начиняя с 4-го августа, может начаться восстановление Интернационала. И пер-

вым шагом в этом направлении должно быть выступление в пользу скорейшего окончания войны и заключения мира, соответствующего общим интересам международного пролетариата.

Р.ЛЮКСЕМБУРГ.-ТЕЗИСЫ О ЗАДАЧАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

(Р.Люксембург.-Кризис социал-демократии, изд. 1924 г., стр. 106-110).

Большое число товарищей из всех частей Германии приняло следующие тезисы, представляющие собой применение Эрфуртской программы к настоящим задачам международного социализма.

1. Мировая война уничтожила результаты сорока-летней работы европейского социализма, уничтожив значение революционного рабочего класса, как могучей политической силы и морального предвестника социализма; она вызвала распадение пролетарского Интернационала; привела секции его к братоубийственной междуусобной войне и приковала желания и надежды народных масс важнейших капиталистически-развитых стран к кораблю империализма.

2. Своим вотированием военных кредитов и провозглашением гражданского мира официальные вожди социал-демократических партий в Германии, Франции и Англии (за исключением независимой рабочей партии) усилили тыл империализма, пренудили массы терпеливо переносить нужду и ужасы войны и, таким образом, содействовали необузданному проявлению империалистического неистовства, удлинению кровавой борьбы и увеличению числа ее жертв, взяв на себя ответственность за войну и ее последствия.

3. Эта тактика руководящих партийных инстанций в воюющих странах, особенно же в Германии, бывшей до сих пор передовой страной Интернационала, является предательством элементарнейших принципов международного пролетариата, насущных интересов рабочего класса и демократических интересов всего народа. Благодаря этому социалистическая политика осуждена на бездействие также и в тех странах, где партийные вожди остались верны своему долгу: в России, Сербии, Италии - с некоторыми исключениями, Болгарию.

4. Пожертвовав ради войны классовой борьбой и приостановив ее на время войны, официальная социал-демократия руководящих стран дала передышку всем

господствующим классам во всех странах и чудовищно укрепила их позиции за счет пролетариата в хозяйственном, политическом и моральном отношении.

5. Мировая война не служит ни интересам самозащиты, ни хозяйственным или политическим интересам какого-нибудь народа, она является лишь порождением империалистического соперничества между капиталистическими классами различных стран за мировое господство и за монополию эксплоатации и угнетения свободных еще от капиталистического господства областей. В период господства этого разнузданного империализма не может уже более происходить национальных войн. Национальные интересы лишь средство обмана, чтобы заставить трудовые рабочие массы служить смертельному своему врагу — империализму.

6. Политикой империалистических государств и империалистической войны не может быть достигнута и независимость ни для одной угнетенной нации. Малые национальности, господствующие классы которых являются игрушкой и помощниками своих классовых товарищей в больших государствах, представляют из себя лишь шахматные фигуры в империалистической игре великих держав, и так же, как рабочие массы, употребляются, как орудие во время войны для того, чтобы после войны быть пожертвованными капиталистическим интересам.

7. Настоящая мировая война означает при этих условиях при всех возможных победах и при всех возможных поражениях — поражение социализма и демократии. Каков бы ни был ее исход, она неизбежно приведет — если только не произойдет революционного вмешательства международного пролетариата, — к укреплению милитаризма и международных противоречий, к соперничеству за мировое хозяйство. Она усиливает капиталистическую эксплуатацию и внутреннюю политическую реакцию, ослабляет общественный контроль и низводит парламенты на роль послушного орудия милитаризма. Настоящая мировая война подготавливает, таким образом, все предпосылки для новой войны.

8. Война не может быть предотвращена никакими утопическими или реакционными в своей основе планами — как, например, международные третейские суды капиталистических дипломатов, дипломатические сделки о "разоружении", о "свободе морей", уничтожении права использования морей" и "европейские союзы государств", "средне-европейские таможенные союзы", национальные карманные государства и пр. Империализм, милитаризм и война не могут быть устранины или сдержаны, пока капиталистические классы безнаказан-

но пользуются своим классовым господством. Единственное средство оказать им успешное сопротивление и единственное обеспечение для всеобщего мира - способность к политическому действию и революционная воля международного пролетариата бросить свою силу на противоположную чашу весов (противопоставить империализму свою силу).

9. Империализм как последняя фаза существования и высшая ступень развития политического господства капитализма является общим смертельным врагом пролетариата всех стран. Но он разделяет общую судьбу со всеми предыдущими fazами капитализма - способность увеличивать своих смертельных врагов в таком же размере, в каком он увеличивается сам; он ускоряет концентрацию капитала, расслоение среднего сословия, увеличение пролетариата, пробуждает все возрастающее сопротивление масс и приводит к интенсивному обширению классовых противоречий. Как в мирное, так и в военное время классовая борьба пролетариата должна быть направлена прежде всего против империализма. Борьба против него для международного пролетариата есть одновременно и борьба за свою политическую власть в государстве, решительное размежевание капитализма и социализма. Конечная цель социализма будет осуществлена международным пролетариатом лишь тогда, когда он создаст по всей линии фронт против империализма и, собрав все свои силы и все самоотвержение, выкинет, как руководящую нить своей практической политики, лозунг "война - войне".

10. В этих целях главная задача социализма направлена сейчас на то, чтобы собрать пролетариат всех стран в живую революционную силу, при помощи сильной международной организации - имеющей единные интересы и задачи, единую тактику и готовность к политическим действиям как во время войны, так и во время мира - превратить его в решающий фактор политической жизни, к чему он призван историческим развитием.

II. Второй Интернационал распался вследствие войны. Его негодность проявилась в его неспособности создать действительное препятствие для национального расщепления в войне и провести для всего пролетариата во всех странах общность тактики и общность действий.

12. Перед лицом предательства целей и интересов рабочего класса официальными представителями социалистических партий руководящих стран, перед лицом их эволюции из лагеря пролетарского Интернационала в лагерь буржуазно-империалистических политиков, жизненной необходимостью для социализма является созда-

Зак. № 40. Тир. 350 экз.

ие нового рабочего Интернационала, который взял бы в свои руки об единение и руководство об единенной революционной классовой борьбой против империализма во всех странах.

Чтобы выполнить свои исторические задачи, он должен покончиться на следующих основаниях.

1. Классовая борьба внутри буржуазного государства против господствующих классов и международная солидарность пролетариев всех стран - две неотделимые друг от друга основные задачи рабочего класса в мировой истории его освободительной борьбы. Не может быть социализма вне международной солидарности пролетариата, социалистический пролетариат ни в войне, ни в мире не может отказываться от классовой борьбы и международной солидарности, не осуждая себя на самоубийство.

2. Классовое действие пролетариата всех стран, как во время мира, так и во время войны, должно быть направлено на борьбу с империализмом, на парламентскую работу, так же как - и, главным образом, - на организованное сопротивление войне. Партии рабочего движения должны быть подчинены цели - противопоставить пролетариат каждой страны самым решительным образом свою национальной буржуазии, шаг за шагом углубляя политическое и идеологическое противоречия между нами, одновременно организуя и выдвигая на первый план сплоченность пролетариев всех стран.

3. В Интернационале лежит центр тяжести классовой организации пролетариата. Интернационал определяет в мирное время тактику национальных секций в вопросах милитаризма, колониальной политики, торговой политики празднования первого мая, в дальнейшем, общую тактику в войне.

4. Обязанность исполнения постановлений Интернационала стоит впереди всех других организационных обязанностей. Национальные секции, не выполняющие постановлений Интернационала, ставят себя вне Интернационала.

5. В борьбе против империализма и против войны решительную силу представляют собой лишь компактные массы пролетариата всех стран. Главной задачей тактики национальных секций, следовательно, является воспитание в широких массах способности к политическому действию, к твердой инициативе, обеспечение международной сплоченности массовым действием, создание таких политических и профессиональных организаций, средством которых было бы возможно в любой момент вызвать быстрое и мощное общее выступление всех секций и преториатов, таким образом, волю Интернационала в дело широчайших рабочих масс всех стран.

6. Ближайшей задачей социализма является духовное раскрепощение пролетариата от опекуна буржуазии, которое выражается в господстве националистической идеологии. Национальные секции должны направить свою агитацию в парламенте и в прессе на разоблачение притворной фразеологии национализма, как средства господства буржуазии. Единственный путь защиты всякой истинно-национальной свободы - это революционная классовая борьба против империализма. Отечеством для пролетария отечеством, для защиты которого он должен пожертвовать всем - является социалистический Интернационал.

К РАДЕКУ. - ЗАДАЧИ ЛЕВО-РАДИКАЛЬНОГО КРУГА.

(Из кн Радека. - Германская революция. Т. I, стр. 331-336.)

Лево-радикальное направление возникло в германской социал-демократии за последние пять лет перед войной, в борьбе против минимого радикализма большинства партии. Пустота этого радикализма обнаружилась при усилении реакции во всех областях внутренней политики и при усилении военной опасности когда эти "радикалы" ответили отказом на все предложения агитировать за массовые выступления против рабочих и империализма. Левые радикалы с самого начала увидели что дело здесь, конечно, не в разногласиях по некоторым пунктам, а в непригодности всего направления в той новой ситуации, в которой находилось рабочее движение с самого начала XX столетия. Новая ситуация состояла в том, что концентрация капитала и его обединение под началом финансового капитала, с одной стороны, и усиление рабочего движения - с другой, страшно обострили классовые противоречия, вследствие чего реальное разрешение этих противоречий парламентским путем стало совершенно невозможным. Центр тяжести был перенесен на собственно-классовую борьбу.

Эти изменения в структуре капитализма дали ему необходимую силу для ведения империалистической политики и обострили противоречия между капиталистическими кругами разных стран. Парламент снова оказался бессильным против империализма и центр тяжести борьбы, опять-таки оказался в массах. Исторической задачей старого радикализма - как во времена закона против социалистов, так и после отмены его, - являлась подготовка пролетариата к пониманию им сво-

его классового положения к пониманию им всей невозможности сократить тяжелый путь классовой борьбы путем анархистских путчей или ревизионистских присков. Этот старый радикализм не смог приспособиться к новой ситуации, хотя в работах Каутского он и схватил ее существо. Вдобавок, организаторы и парламентарии, шедшие за крупными вождями старого радикализма настолько ушли в мелкую работу и так хорошо себя в ней чувствовали, что всякое массовое выступление казалось им авантюрой.

Таким образом, в своей борьбе против старого радикализма левые радикалы в первую голову должны былиставить рабочих в известность относительно тех изменений в условиях классовой борьбы, которые характеризуют эпоху империализма: Лево-радикальное движение нашло в рабочем классе сильную поддержку. Стремление к массовым демонстрациям по поводу закона о прусском избирательном праве доказывает, что лево-радикальное направление с самого начала не ограничивалось кучкой идеологов, а было выразителем настроений тех широких рабочих масс, которые не могли удовлетвориться "старой испытанной тактикой". Но самостоятельность даже этих передовых слоев была слишком мала, а авторитет партийных вождей и тормозящая сяла партийной бюрократии слишком велики, чтобы можно было тогда же перевести партию на новые рельсы. Август Бебель, представитель старо-радикальной тактики, в своем предисловии к новому изданию "Классовой борьбы во Франции" Маркса (1911 г.) указал на возможность появления в ближайшем будущем "таких всемирно-исторических моментов, которые не считаясь с злой господствующих классов, направят развитие многочисленного и культурного германского народа по совсем новому пути" но он тут же оговаривается: "Путь социал-демократии намечен. Что бы ни произошло, она не сойдет со своей премней позиции, не позволит улечь себя на сомнительную дорогу, у нее нет никаких оснований выступать против своих врагов с изолательными для них необдуманными и насильтственными действиями". Бебель позабыл только об одном: кто недвигается вперед, тот пятится назад. И он не видит, что об "единение с либералами в 1912 году, что поддерживание в рабочих иллюзий о возможности разоружения есть не что иное как отступление от старых позиций. Вместо того, чтобы перейти к более высоким средствам борьбы, партия вернулась к политике, уже прежде осужденной историей: она хотела двигать вперед рабочий класс, пользуясь помощью части буржуазии.

То, что было до известной степени возможно во времена борьбы между феодальным юнкерством и прогрессивной буржуазией, стало теперь когда юнкерство может сохраняться только в качестве защитника капиталистической реакции, полнейшей утопией. Когда же пассивность рабочего класса привела к тому, к чему она и должна была привести - к мировой войне, - тогда оказалось, что большинство радикалов убоялось новых путей из чистого оппортунизма, и что поэтому о том, чтобы оставаться на старой позиции, не может быть и речи отказалось вести рабочий класс вперед, партия оказалась отброшенной на древнюю позицию солидарности классов. Ревизионисты, постоянно проявлявшие тенденции к такой политике, естественно захватили управление партией в свои руки. И теперь расколовшаяся, исторически опозоренная партия носится по волнам истории без руля и без ветрил.

Лево-радикальное крыло начало борьбу еще в исторические дни падения "старой испытанный тактики". Не Ледебур, не Гаазе и не Каутский подняли знамя Мятежа, а левые радикалы. Но позднее, когда зашевелившаяся массы принудили лавую часть центристов к протесту против новой политики социал-имperialизма во имя тактики, часть левых радикалов хотела увлечь этих фронтirующих центристов в дальнейшее движение, если они пойдут на обединение с ними.

Знаменитый "протест тысячи" имевший место в июле 1915 г., был плодом совместной работы лево-радикального крыла с левым крылом центра. Пришлось дождаться даже до того, что на Циммервальдской конференции часть левых радикалов, представителей группы, издавшей в марте 1915 г. первый номер "Интернационала", голосовала вместе с Ледебуром (и оказалась в большинстве) против русских, польских, шведских и голландских левых радикалов и оставшихся твердыми членами немецкого лево-радикального крыла. Последствием этого было образование партии германских социалистов-интернационалистов (Г.С.И.), - организации, отмежевавшейся от центра и сражавшейся за самостоятельную тактику левых радикалов. Она была мала и влияние ее было невелико. Но малое посвечение левых центристов в декабре 1915 г. вынудило большинство левых радикалов, сгруппировавшихся вокруг органа "Интернационал", отмежеваться от них. Это и было сделано в "письмах Спартака" и в "руководящих положениях" группы интернационалистов. Тогда-то и произошел раскол с последователями Ледебура. Если некоторые вожди группы интернационалистов еще пытают иллюзию, что раскол этот не окончен, если некоторые другие из стра-

ха перед "вечно-вчерашним" боятся оставаться в одиночестве, то ближайшие же месяцы покажут им, что они неправы. Политика центристского "делового сотрудничества" показывает что из картона старых вождей не скучешь мечта для пролетарской массовой борьбы. С другой стороны, всюду, где левые радикалы обращались непосредственно к массам и систематически проводили свою агитационную работу, - сбились плотное ядро рабочих, которым удалось выбиться из умственного тумана и хаоса. По нашему мнению (мы говорим только от своего имени) в настоящий момент большая часть противоречий приведших к образованию *Z.S.* (партии германских социалистов-интернационалистов) и заставивших бременских левых радикалов отказаться от входления в группу интернационалистов, - большая часть этих противоречий уже изжита. Неутомимая борьба против социал-патриотизма, бесстрашные выступления, огромные жертвы, принесенные во имя пролетарского дела - все это создало товарищам из группы интернационалистов славу передового отряда нового Интернационала. Мало того призывом к отказу от приема взносов, агитацией за применение высших средств борьбы, всеми своими принципами эта группа доказала, что она видит задачу лево-радикального крыла не в возвращении к старому, не в пассивных протестах, а в настоящей борьбе, - в борьбе за активное выступление рабочего класса, в борьбе за новый Интернационал.

Правда эта группа ошибается недостаточно твердо высказывалась за раскол, некоторые из ее лучших вождей в каком-то изумительном припадке слабости советуют официальной прессе не вести активной агитации за раскол даже в том случае, если сами редакторы считают его неизбежным. Правда "руководящие положения" проявляют некоторую половинчатость, а статьи некоторых членов группы выражают не совсем ясное понимание исторического положения пролетариата. Правда, на международной арене они довольно подозрительно спекулируют с центристами, прославляют нацистски-настороженную "независимую рабочую партию", посыпают телеграммы думскому представителю русского партийного центра Чхеидзе совершенно не борющимся с социал-патриотизмом. Нам конечно придется дружески критиковать их, но мы всегда будем считать их в рядах основного ядра немецкого левого радикализма. Наша критика группы интернационалистов вытекает не из боязни конкуренции, а из того соображения, что при теперешнем глубоком кризисе и необходимости новой ориентации последняя может быть создана только путем откровенных высказываний и свободного обмена мнений.

Но, в виду мужественной деятельности группы интернационалистов, этот свободный отмен мнений не должен приводить нас к борьбе с нею. Напротив, по нашему мнению, он должен заставить наших друзей решительно поддерживать группу интернационалистов в ее борьбе против социал-патриотов и центристов. Чем круче их потери тем больше у нас оснований группироваться вокруг них и вместе с ними работать над достижением целей стоящих перед левыми радикалами.

Сейчас эти цели состоят внутри партии - в борьбе за сознательных рабочих, а вне ее - в возможном использовании своей силы. По достижении этих целей будет можно и нужно воздвигнуть особое здание для пролетарского социализма, создать социалистическую партию, которая проводила бы лево-радикальную политику.

Эта партия не будет sectой как шутят наши противники. Во время бурь воззвавших тучами собравшимися на историческом горизонте, она, благодаря своей ясной ориентации в путях и целях классовой борьбы, благодаря своему мужеству и решительности станет вождем рабочих масс. Она уже выдержала первое испытание, мужественно подняв свое знамя в дни величайшего разрыва. В настоящий момент она переживает самый трудный период.

Еще не освободившись от социал-патриотов, не имея собственных организационных кадров, погруженная в хаос, вызванный развалом старой социал-демократии, посреди пережитков того отмирающего времени, когда против каждого ее усилия восставала вся огромная машина старой партии, - эта партия подобно Геркулесу должна сражаться со змеями еще в колыбели.

Но она выйдет из этой борьбы победительницей, ибо рабочие массы обединяющиеся в ее рядах и умудренные горьким опытом годов позора и разрыва напрягут все свои силы в самостоятельной умственной работе и пробираясь через заросли истории без руководителей, своим умом будут усиливаться со дня на день.

Раскол партии и борьба с центром кажется прекраснодушным тюфяком, сплошным хаосом и неразберихой. Но на самом деле это - потуги при родах новой партии, в которой пролетариат обретет сознание своих задач в период империализма. Чем значительнее эти задачи, чем серьезнее препятствия, чем тяжелее гнет - тем напряженнее должны быть наши усилия, тем тверже должно быть вызванное нами оружие.

РЕЧЬ КЕТЭ ДУНКЕР НА ВСЕГЕРМАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

(Э.Дран и С.Леонард.-Подпольная литература
революционной Германии за время миро-
вой войны стр.78-82)

Товарищи! Если группа "Интернационал" поручила мне выступить здесь, то это потому, что мы не только стоим в резком противоречии к политике большинства, но относимся отрицательно в существующих пунктах и к группе "Альбен-штадт". Наше разногласие прежде всего касается вопроса об Интернационале и о защите отечества "Альбен-штадт" и ее сторонники, поскольку по крайней мере, их политика не исчерпывается отклонением военных кредитов, стараются вернуть партию к тем позициям, которые она занимала до 4-го августа, восстановить таким образом, прежнее состояние Интернационала и воскресить нашу до-военную, так называемую "давно испытанную" и "победносную" тактику. Хотя именно день 4-го августа яснее всего доказал, что эта тактика не оправдала себя, что она привела нас не к победе, а прямо-таки к унижающему поражению как-раз тогда, когда она должна была выдержать испытание. С нашей точки зрения П Интернационал непоправимо разрушен 4-го августа 1914 года. Он не мог не развалиться, потому что был, несмотря на все красивые речи и постановления, не органичным целым, но маткой постройкой, без внутренней точки спора. Национальные партии были автономны в особенности германская партия никогда не позволяла связать свободу своих действий твердыми международными соглашениями. На отказе германской делегации от предложенного крушения все попытки сделать Интернационал действительной силой. Интернационал к которому мы стремимся, должен стоять над всеми национальными партиями. Он должен быть основой и целью пролетарской классовой организации. Он должен решать все вопросы, выходящие по своему значению за границы одной страны - например, вопросы о милитаризме и морском вооружении, о колониальной политике и, прежде всего о тактике партии в случае войны. Мы хотим построить после войны Интернационал на прочной основе и сделать его могучим фактором. Для этого необходимо, прежде всего чтобы идея Интернационала, наряду с идеей классовой борьбы сделалась альбомом и омегой нашей просветительной и воспитательной работы в стране, чтобы последний товарищ из партии в последней

деревне чувствовал и знал, что пролетарии по ту сторону наших границ - наши братья, наши классовые товарищи, что они ближе нам, и мы несем больше обязанностей по отношению к ним, чем к господствующим национальным в собственной стране. Мы противопоставляем идеологию интернационализма идеологии национализма, перед которой партия капитулировала 4-го августа. Организацию Интернационала мы тоже мыслим себе, не как шаткое соединение автономных партий, с каким-нибудь бюро в Брюсселе или Гааге во главе, куда могли бы съезжаться товарищи для свободного, не связывающего никого из них обсуждения международных вопросов. Мы мыслим его не так, как нас упрекает в том печать

"Академия наук", как какой-то командующий генеральный штаб, который парит над облаками и оттуда распоряжается толпами международного пролетариата. Мы представляем себе организационную связь гораздо теснее, как постоянную организацию, обладающую решительными средствами воздействия и власти. она может быть таковой потому что поконится на интернациональном сознании масс во всех странах, и ее решения поэтому обязательны для всех социал-демократических партий. В известном смысле можно сказать, что мы требуем чтобы союз государств был превращен в союз государств. Из этого взгляда на Интернационал и из нашего убеждения в империалистическом характере войны вытекает наша позиция по вопросу о защите отечества. Как известно, начало всякой войны сопровождается кличем, "отечество в опасности". Дело в том, что это прекрасное средство одурачивать несознательные массы. Если и в прежних войнах лозунг об обороне отечества был в большинстве случаев сознательным обманом, то насколько больше лжи в нем теперь, в эпоху империализма, где дело идет об отношениях больших империалистических государств. Между большими империалистическими государствами вообще не бывает больше оборонительных войн, и утверждение, что война ведется только для защиты границ страны и ее национальной независимости, в наши дни сплошной обман. Когда пиратский корабль нападает на другого пирата, чтобы отнять у него его добычу, то мы едва ли можем говорить о справедливой обороне. Империалистические государства стремятся к расширению и грабежу. Их войны, прежде всего, грабеж. Здесь не играет никакой роли вопрос, на чьей территории происходят сражения. Если ведется война, то она должна вестись где-нибудь. Где именно будут драться - это дело военного счастья; но это не может служить основанием нашего

отношения к войне. Мое чувство человека и социалиста возмущено одинаково убийством французских, бельгийских и русских пролетариев, как и убийством германских. "Народ в несчастье, - здесь убивают братьев, - это слово имеет для интернационального социалиста одинаковую силу, где бы ни происходила война. Поэтому мы не можем наше отношение к войне и одобрение военных кредитов ставить в зависимость от данного военного положения как это делают "Альбенгеймеры" в своем заявлении от 21 декабря и многие влиятельные товарищи в некоторых своих докладах. Если бы мы находились сейчас в положении Франции, если бы целые части германской территории были заняты неприятельскими войсками, кто знает, имели бы мы тогда вообще социал-демократическую "Альбенгеймерскую"? Я повторю, мы не ставим наше отношение к войне в зависимость от имеющегося налицо военного положения.

Исходя из такой точки зрения, вообще было бы невозможно добиться общего выступления международного пролетариата против войны. В каждой войне социал-демократы разных стран должны были бы вести прямо-противоположную политику, смотря по тому, каково будет военное счастье данной страны. Это означало бы банкротство всякой международной политики пролетариата вообще. Один из членов "Альбенгеймера" считал возможным употребить против нас выражение "оборонительный нигилизм". Это выражение в высшей степени неправильно. Мы стоим на почве штутгартской революции, которая вменяет нам в обязанность всеми не защиту отечества, в случае, если нам не удалось воспрепятствовать войне, а стремление всеми мерами к скорейшему прекращению войны и использование вызванного войны исторического и хозяйственного кризиса в целях усмирения падения капиталистического строя. Поскольку социалисты завоюют власть в одной какой-либо стране, они, конечно, должны будут защищать ее и против нападающих извне врагов, как в свое время французские революционеры защищали свою свободу от всей феодальной Европы, как коммунары 1871 года защищали свою коммуну от прусских армий.

Я не буду останавливаться здесь на дальнейших пунктах разногласий между нами и "Альбенгеймером". Так, мы расходимся в налоговом вопросе, в вопросе о подводной войне, в вопросе о пятиции, о мире комитета партий. Что касается налогового вопроса, скажу только то, что мы отвергаем средства на войну, - безразлично, берутся ли они косвенным путем из толстого кошелька широких масс, или непосредственно из карманов богачей, - и в том, и в другом случае они сред-

ства на войну. Если мы здесь вкратце проводим грань, разделяющие нас от группы "Революционеров", то это не для того, чтобы углубляться в полемику, а только для того, чтобы показать насколько необходимо наше особое выступление с целью уничтожить легенду будто имеется какая-то единая оппозиция. Мы выступаем раздельно, но общих врагов будем бить сообща, а сейчас нам важнее всего эта совместная борьба.

Нам нужно также вести счеты с партийным комитетом с так называемым большинством - не с социал-империалистами. Мы не об"ясняемся с Кольбом, Леншем, Когеном, Гейне Гельманом и т.д. а также с людьми, которые поют рабочую марсальезу на мотив "Германия, Германия превыше всего" как Конрад Гениш - так как всем товарищам совершенно ясно что эти люди не стоят больше на почве партийной программы и постановлений партийных с"ездов. Это ясно им самим. Для того чтобы сохранить их в партии, нужно в корне переделать всю партийную программу. Мы могли бы ити более коротким путем и просто-напросто принять национал-либеральную программу снабдив ее социалистическим украшением. До тех пор, пока сохраняется наша теперешняя программа, эти социал-империалисты и их приспешники стоят вне партии. Между ними и нами нет ничего общего. Они давно уже принадлежат буржуазному лагерю они непрошенные гости в доме социализма. И когда придет день сведения счетов тот, кто стоит на почве партийной программы, партийной традиции и постановлений партийных с"ездов, воспользуется своим правом хозяина. Эти люди - святотатцы в храме социалистических идей, социалистического мировоззрения. Мы же хотим посчитаться с теми товарищами, которые утверждая что стоят всецело на почве программы и устава, копирают ногами эту программу и этот устав - с теми, кто злоупотребляет словами "интернационализм", "единство партий" и "партийная дисциплина", сознательно вводя в заблуждение партийные массы. Товарищи из комитета и официальной фракции, лицом к лицу с недвусмысленным империалистическим характером войны все же проповедующие "продерзаться во что бы то ни стало" и одобряющие военные кредиты, поддерживающие и защищающие, несмотря на открытые аннексионистские заявления правительства, это самое правительство, не имеют права говорить о том что они стремятся к восстановлению связей и работают на дело мира. Первым условием для восстановления международных связей являются на упреки по адресу партий других стран, а чистка у самих себя отказ от политики 4-го августа. Проповедывать войну до конца и одобрять военные кредиты и одновременно

подписывать петиции о мире значит пускать только пыль в глаза народным массам. Это может иметь только одну цель — пустой видимостью действия удержать массы от настоящего действия. Те, кто поступает так, не имеют также права изливаться в жалобах на то, что цвет молодежи и лучшие силы пролетариата продолжают там на фронте сходить в братские могилы или кататься на всю жизнь потому что сами они несут ответственность за продолжение войны. Центральный партийный комитет и его приверженцы много говорили захватывающих речей об единстве партии и необходимости охранять ее. Конечно, единство партии ценное благо, но оно не может быть достигнуто, как единство стада, слепым повиновением какой-либо диктаторской власти, будь то власть партийного комитета или фракции рейхстага. Единство партии покоятся на единстве принципов. Основой же наших принципов является идея Интернационала и идея классовой борьбы. Если партийный комитет и фракция рейхстага своей военной политикой и политикой гражданского мира подрывают эту основу, то вся организация должна разрушиться и распуститься. Нас упрекают в том, что мы раскалываем и расшатываем партию. Товарищи, партийный комитет сам так основательно позаботился об этом, что нам почти нечего больше делать.

Комитет и фракция выступают, далее, рьяными защитниками партийной дисциплины. Спрашивается как можно лучше, которые, начиная с 4-го августа, каждый день и каждый час вопище нарушают партийную программу и постановления с "ездов" еще говорить о дисциплине и звать к ней? Разве дисциплина заключается только в форме, а не в содержании, в слове, а не в духе? По отношению к людям, которые предают дух интернационального социализма, которые отрекаются от прошлого партии, которые нарушают ее постановления — по отношению к таким людям восстание есть первая обязанность, а дисциплина — преступление. Мы предлагаем всем, кто стоит на почве классовой борьбы и интернационального социализма, не пугаться криков этих охранителей скриний о нарушении партийного единства и дисциплины, а беречь единство принципов, сохранять дисциплину в отношении нашего миросозерцания. Но это значит в то же время открыто отказаться следовать за политической половинчатости и рассеять иллюзию, будто чисто-парламентский вопрос об одобрении или отклонении кредитов является альбомом и сменой всего. Это значит звать массы на смертный бой против империализма и против войны. Согласимся же в одном, если война кончится, как началась без воздействия пролетариата, если мир

придет, как дар свыше, как результат дипломатических переговоров, то такой мир будет означать закрепление на долгие годы того поражения, которое понес в этой войне социализм. Совсем иное дело, если мир будет завоеван применением всех сил и средств пролетариата. Такой мир подготовит победу социализма и превратит Интернационал в могучую силу, которая сделает невозможным повторение ужасной человеческой бойни.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ ИЛИ ПРОЛЕТАРСКАЯ КЛАССОВАЯ БОРЬБА?

(Э.Дран и С.Леонард. -Подпольная литература революционной Германии за время мировой войны стр. 85-89).

Пока я дышу и могу писать и говорить, иначе не будет. Я останусь смертельным врагом этого буржуазного общества и государственного порядка, чтобы подкапываться под их жизненные основы и устранить их, если смогу.
БЕБЕЛЬ.

Должна ли социал-демократическая партия оставаться на своей позиции классовой борьбы? Это означает безоговорочную борьбу против капиталистического общества и его орудия, классового государства господствующих и вымущих, вплоть до преодоления его и замены властью пролетариата. Это означает далее, приспособление средств и методов борьбы к этой цели.

Или

Политика социал-демократической партии, по мере того, как классовая борьба будет утихать и конечная цель отодвигаться в туманную даль, должна будет постепенно свестись к примирению с буржуазно-капиталистическим обществом и милитаристским классовым государством.

Это значило бы затушевать существующее основное противоречие классов, перекинуть мостик через бездну и приспособить социал-демократическую политику к беспричинной мелочной политике буржуазных партий.

Так а не иначе стоит вопрос

Мы хотим на примере одного спорного вопроса слу-
жащего сейчас предметом партийной дискуссии - поскольку
таковая вообще возможна в наше время гражданского
мира и "духовного" насилия партийных верхов - по-
казать что здесь поставлено на карту и куда мы
идем

Для этой цели остановимся на попытках склонить со-
циалистических рабочих к империалистической полити-
ке и теоретически доказать что политика капитали-
стической буржуазии и социалистическая политика клас-
совой борьбы могут итии по общей линии поскольку де-
ло идет об общих интересах капитала и труда. На этом
примере покажем какая бездна лежит между этой новой
ориентацией и социал-демократической политикой ка-
кое коренное и существенное отличие между ней и тем
что счигалось до сих пор ядром социалистической тео-
рии и практики. Если мы попробуем вынуть из тео-
рии социализма это ядро, то мы получим прежде всего
идею классовой борьбы как основной силы историче-
ского развития, -развития которое только путем кла-
ссовой борьбы выведет нас из теперешнего частно-ка-
питалистического хозяйственного строя. Так как с ка-
пitalистической системой неразрывно связан факт эко-
номической эксплуатации трудящихся собственниками
средств производства то отсюда следует.

Во-первых непроходимая бездна между собственно-
стью и трудом, и во-вторых как следствие этого не-
примиримого противоречия классовая борьба эксплоа-
тируемых за уничтожение эксплуатации. Но условием ее
победы является свержение политической власти ныне
господствующих классов и функционирующего в качестве
представителя их интересов классового государства
борьбы.

Свержение политического классового господства и
тем самым политического гнета и передача средств про-
изводства в общую собственность.

Из сознания того что империалистический капитали-
зм в своих делах и намерениях является смертель-
ным врагом всего мирового пролетариата, витают
убеждения

Что пролетарская классовая борьба должна всю свою
силу и решимость направить прежде всего против им-
периализма

Что далее борьба за свладение политической
властью и решительная борьба за свержение капитализ-
ма и торжество социализма должна вестись под лозун-

ром борьбы против империализма, и что, наконец, тао-
ное единство в борьбе пролетариата всех стран, как
важнейшая к тому предпосылка, должно стать живой
действительностью.

Разразилась мировая война и в шуме первой бури
господствующим классам удалось запутать в сети своей
националистической идеологии посредством лжи и об-
мана насчет причин намерений и целей войны значи-
тельную часть рабочего класса и затуманить ее клас-
совое сознание. Им удалось это отчасти вследствие
недостатка в социалистическом принципиальном осве-
щении вопроса об империализме а также вследствие
давно усвоенной партийными верхами тактики усыпле-
ния революционной воли и вследствие поведения ру-
ководящих союзов в начале войны.

И вот во время войны мы видим целый ряд наших то-
варищей занятых устной и письменной проповедью эко-
номической необходимости империализма, гармонии ин-
тересов труда и капитала в преследовании империали-
стических целей - даже больше они связывают победу
социализма с торжеством одной какой-либо националь-
ной системы капитализма пренебрежительно отодвигая
в сторону положение о смертельной вражде социализ-
ма и империализма, учение о необходимости классовой
борьбы, необходимости единого фронта международно-
го пролетариата. При этом безразлично, делается ли
это под прикрытием марксистской социалистической
маски с помощью которой хотят убедить рабочих как
раз в противоположном тому, что считалось необхо-
димым прежде или же это делается с откровенным об-
наружением цели преследовавшейся и раньше с по-
мощью оппортунистической теории и практики превра-
тить социалистическую партию в радикальную партию
реформ в рамках буржуазного классового государства.

То и другое сводится к тому, чтобы искашая боевую
волю масс и откладывая классовую борьбу превра-
тить социалистическое движение в неудобный может
быть но зато и не опасный привесок существующего
хозяйственного строя на пользу капитализма и во-
вред рабочему движению.

Признавать исторической необходимостью империа-
лизм, но не признавать таковой враждебную ему силу
социалистической классовой борьбы предлагают рабо-
чим поддерживать империалистическую политику - это
значит не что иное как

Содействовать утверждению классового государ-
ства с его классовыми противоречиями отказываясь
от классовой борьбы и конечной цели социализма.

Зато не замажь никакими фразами в этом весь корень вопроса. Спор об отношении к империализму показывает что на ~~уходу~~ ~~из~~ ~~империализма~~ по-
могает ~~что на~~ карту поставлено все.

Ибо отношением к империализму определяется и отношение к освободительной борьбе и к конечной цели социализма.

Нельзя в качестве империалистического социалиста помогать делу укрепления и упрочения капиталистической системы и в то же время серьезно пропагандировать социализм. Нельзя, будучи приверженцем империализма, одобрением кредитов содействовать усилению военной опасности и в то же время бороться всеми силами с этой опасностью.

Нельзя признавать империалистическое классовое государство, ведя положительную политику в его рамках, и в то же время содействовать преодолению классовых противоречий в капиталистической эксплуатации.

Нельзя разделять националистическую идеологию и участвовать в политике империализма с ее травлей притесненных народов и одновременно искренно стремиться к активному обединению международного пролетариата.

Нельзя быть защитником империализма и стоять за скрытые под видом обеспечения военных границ и экономических сфер влияния аннексии и в то же время считать братство народов путеводной звездой внешней политики социализма.

И, наконец, нельзя стоять за политику "выдержать во что бы то ни стало" и одновременно серьезно бороться за мир.

Все это - непримиримые противоречия соединение которых означает политику слабости, бесцельности и прежде всего, политику предательства интересов пролетариата. Это - политика предательства уже потому что плодом настоящей войны, каков бы ни был ее исход, будет эпоха еще большего всеобщего вооружения и после короткой передышки еще большей воинской опасности, если у рабочего класса недостанет воли и силы положить предел империалистическому хозяйственнику.

Но к такому делу непригодна рабочая партия, вышедшая по национально-империалистическому фарватеру. На это способен только пролетариат проникнутый волей к классовой борьбе, сознающий свою миссию преодоления классового государства и международно-объединенный для выполнения этих задач.

Сама рабочая а не воинская должна будет избрать направление будущей социал-демократической политики. Мировая война со всеми ее последствиями, наряду с более обстоятельным выяснением сущности империализма, облегчит выбор.

Основной линией грядущей социал-демократической политики будет не самосожжение пролетариата на службе у империалистического капитализма.

Н.С.

сознательная борьба, руководимая революционной боевой волей международного пролетариата, против империализма, этого последнего и самого опасного для рабочего класса слова государственной и экономической политики капиталистической части эксплоататоров и действующего по их указке классового государства.

ЛЮКСЕМБУРГ Р - РУССКАЯ ТРАГЕДИЯ

(Э. Дран и С. Леонард - Подпольная литература революционной Германии за время мировой войны, стр. 125-127).

Большевики, конечно, совершили много ошибок в своей политике и совершают их, может быть и теперь. Пусть назовут нас революцией, которая не совершила бы ошибок! Представление о безошибочной революционной политике, да еще в такой беспримерно тяжелой обстановке, настолько нелепо, что достойно разве немецкого школьного учителя. Если так называемые вожди германской социал-демократии теряют голову от простого голосования в рейхстаге при необычайной обстановке, и душа у них уходит в пятки даже там, где простая азбука социализма ясно указывает путь, так что они забывают сразу, как плохо вызубренный урск, весь свой социализм то как можно требовать чтобы партия стремящаяся проложить миру совершило новые пути, не совершила ошибок в действительно бурной неслыханной исторической обстановке!

Роковое положение, в котором находится большевики, является только следствием принципиальной неразрешимости проблемы, перед которой они поставлены Международным, и в первую голову германским пролетариатом. Повести пролетарскую диктатуру и социалистический переворот в одной отдельной стране окруженней империалистическими странами в которых господствует тупая реакция, и обураваемой кровопролитнейшей мировой войной - это задача квадратуры круга. Всякая социалистическая партия потерпела бы крушение на такой задаче и погибла бы независимо от того, что избрала бы она путеводной звездой своим политики волю к победе и веру в интернациональный

социализм или отказ от самой себя.

Хотели бы мы посмотреть этих мягкотелых нытиков, всех этих Аксельродов, Данов и всех остальных, кричащих сейчас "караул" с пеной у рта от злости на большевиков и плачущихся за границей на свою горькую судьбу на груди таких сострадательных героев (кто бы мог подумать!), как Штребель, Бернштейн, Каутский. Хотели бы мы посмотреть их и их немецких друзей на месте большевиков! Все их всеизнанство вылилось бы конечно, в тесном союзе с Миллюковым внутри и с Антантом во вне, при чем к этому присоединился бы сознательный отказ от всех социалистических реформ и даже слабых шагов к ним; их мудрость евнухов сводится к тому, что Россия, мол, страна аграрная и капиталистический незрелая. Дело в том, что такова логика ложной обективной ситуации: каждая социалистическая партия, которая взяла бы сейчас в России власть, должна была бы держаться ложной тактики потому что она только часть международной армии пролетариата, а главные силы этой армии бросили ее на произвол судьбы.

Ответственность за ошибки большевиков лежит в последнем счете на международном пролетариате, и прежде всего в них виновна беспримерная, упорная низость германской социал-демократии,-партии, которая утверждала во время мира, что идет во главе мирового пролетариата претендовала вести и учить весь мир, партия, которая насчитывает не менее десяти миллионов приверженцев обоего пола в своей собственной стране, а теперь вот уже четыре года, подобно продажному ландскнехту средних веков, по приказу господствующих классов, распинает социализм двадцать четыре раза в сутки. Вести, приходящие из России, и все положение большевиков являются потрясающим призывом к последней искре чувства чести германских рабочих и солдатских масс. Они хладнокровно позволили разрывать на куски, окружать, брать измором русскую революцию. Пусть они, по крайней мере, спасут ее в последнюю минуту.

Есть только один выход из трагических сетей, в которых запутана Россия: революция в тылу германского империализма, восстание германского народа, как сигнал к международному революционному выступлению в войну. Спасение русской революции в этот роковой час есть в то же время спасение части германского пролетариата и международного социализма.

К. РАДЕК.-ГАРАНТИИ.

(К.Радек.-Германская революция, т. I, стр. 458-461).

Антанта распространяет в России слухи о грозящем наступлении немцев на Петроград а новые русские правители помогают широкому распространению этих слухов. Не нужно создавать себе на этот счет никаких иллюзий: широкие круги мелкой буржуазии и часть рабочих верят им. Русским правителям эти слухи нужны для контр-революционных империалистических целей. Угроза германского нашествия летом 1915 года была восприемником русского социал-патриотизма. Из боязни контрибуций и препятствий экономическому развитию России часть рабочих пошла за социал-патриотами, которые говорили с русским самодержавием мы в свое время справимся, но если остановится наше экономическое развитие, то будут подорваны и революционные силы. Итак, давайте защищать страну, несмотря на самодержавие. Такое настроение позволило буржуазии завлечь часть рабочих и использовать их сотрудничество в военно-промышленных комитетах. Теперь, когда революция сокрушила самодержавие, когда буржуазия приходится стараться спасти что можно от старого режима, а развитие революции ставит на очередь борьбу за грядущий мир, - теперь германская опасность является единственным средством, которое могло бы парализовать революционные силы пролетариата. Ясно, на чем играют русские империалисты. Лозунгом "отечество в опасности" они хотят поддержать в рабочих воинственное настроение и использовать их ненависть к национальному угнетению для своих империалистических целей.

Однако, то, что для империалистов является только контр-революционной уловкой, для русских народных масс есть горькая действительность. Они проливали кровь за демократию, свергли самодержавие, борются за республику, от которой в опьянении первой победы ожидают спасения от всех зол. И вот им говорят: в 1871 году германское правительство, чтобы разгромить Парижскую Коммуну, предоставило французским дворянам французских солдат, находившихся в германском плену. Им говорят Германия помогала царю преследовать русских революционеров: они пользовались полной свободой в Англии и во Франции, но в Германии за ними охотились, как за дичью. Наконец, им говорят Германия - монархия, граничащая на за-

паде с республикой: будет ли она терпеть еще одну республику на своих восточных границах? Германия хочет использовать революцию в России, чтобы на востоке нанести сокрушительный удар Антанте. Когда Россия будет сломлена, то Германия поможет Романовым возвратиться на престол, и за это они сделают ей ряд уступок во внешней политике. Итак смыкайте ряды вокруг Гучкова и Миллюкова! Вы защищаете революцию, вы защищаете все телерешные и будущие заседания революции!

Повторяю не поддемит сомнению, что эта агитация имеет большой успех в некоторой части русского рабочего класса, не говоря уже о мелкой буржуазии. Она представляет опасность для позиции наших единомышленников, большевиков видящих лучшее средство для мобилизации русских и иностранных защитников революции в неуклонной борьбе против войны и российских империалистов.

Германские социал-патриоты ничего не ищут кроме против того чтобы революция в России привела к миру, чрезвычайно возмущены подозрениями по поводу намерений германского империализма. Они бомбардируют господина Бетман-Гольвега требованиями декларации о том, что германское правительство таких намерений не питает. И 29-го марта господин Бетман-Гольвег заявил в рейхстаге, что Германия никогда не вмешивалась в русские дела и впредь не намерена вмешиваться: если Россия желает почетного мира она может получить его. Весьма сомнительно, чтобы это заявление господина Бетман-Гольвега устроило опасения русского народа. Народ этот подумает: государственный деятель вовсе не обязан говорить врагам правду, а если действия на востоке могут решить исход войны, получившей на западе затяжной характер то германское правительство не станет раскрывать своих действительных планов. Возможно ли такое разрешение войны на востоке - решат военные специалисты. Можно сожалеть что Штейдманн не удалось внушить русским рабочим слепой веры в декларации германского правительства но, насомненно, что такой веры русские рабочие не питают.

Однако господин Носке ясно сказал "Я заявляю, что мы будем всеми силами бороться против всяческих стремлений использовать положение дел в России для завоевательных целей". Правда господин Носке - моргущественный человек. Но вот господин Носке столь же решительно требует реформы прусского избирательного права, а германское правительство пока-что весьма решительно это требование отклоня-

ет, и мы не знаем, как отвратит оно и на этот новый категорический протест господина Носке Русская империалистическая пресса, несомненно, разяснит это русскому народу и для иллюстрации "решительности" Носке и К-б. процитирует быть может одно место из "*Forward*" а от 18-го марта где говорится "Мы не хотим внутренней борьбы во время войны. Политически социальное население Германии понимает что в том положении, в котором мы находимся, мы не можем позволить себе такой роскоши поэтому оно выносит тягчайшие испытания, выпавшие на его долю, с таким мужеством, которое заставляет рейхсканцлера изумляться". Если социал-патриоты не могут позволить себе роскоши внутренней борьбы, то как же они могут гарантировать русскому народу что-либо, чего в данных обстоятельствах без внутренней борьбы достичнуть нельзя?"

Так скажут себе русские народные массы, в которых крушение Интернационала убило веру в силу народного противодействия правительственной политике. Интернационал и пролетариат переживают первый решительный поворотный момент со времени начала войны. Героический пролетариат России свергнул самодержавие. Но если он будет предоставлен самому себе, то он не сможет добиться мира. Мир может быть осуществлен только совместными усилиями международного пролетариата. Пусть самая решительная часть русских рабочих отдаст последнюю свою каплю крови и подобно Винкельриду всадит в свою грудь все вражеские копья чтобы очистить путь социализму и мира. Она только истечет кровью если ее героям не развязют международных сил если международный пролетариат не покажет русским рабочим и русскому народу, что их революция не грозит опасность. А сделать это международный пролетариат сможет только в том случае если он будет всеми силами защищать собственные интересы, сблизившие с интересами русского рабочего класса. Кто из отстаивает собственных интересов, тот ничего не может гарантировать другому. Настал решительный час, от которого зависит судьба международного пролетариата. Впервые с начала войны открывается близкая возможность переворота. Если в этот час рабочий класс не поймет своих интересов и не будет защищать их всеми силами, то он заплатит за это всем своим будущим.

ВСЕГЕРМАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ГРУППЫ "СПАРТАКУ".

(Резолюция).

(Э.Дран и С.Леонзард. Подпольная литература революционной Германии за время мировой войны, стр.128-132).

Как стало теперь известно, 7 октября (1918 г.) имела место конференция группы Спартака (*Spartakusgruppe*), группы "Интернационал" (*Internationale*). Здесь были представлены спартаковские организации всех значительных округов и местностей Германии, далее многие местные группы так называемого лево-радикального течения (*Linkerradikale Bewegung*), которые, как известно, не принадлежат к независимой социал-демократической партии. В докладах делегаты делились опытом совместной работы с независимыми. Елагоритмических результатов не оказалось нигде.

Только там, где организации независимцев находились в руках спартаковцев, товарищи довольны заключенным в Готе (в апреле 1917 г.) об"единением. Повсюду группа предпринимала самостоятельные, легальные и нелегальные, выступления. Позиция независимцев по отношению к программе мира Вильсона встречает сурожайшую критику со стороны спартаковской группы, которая видит в вильсоновском союзе народов средство для ухудшения зрещей мировой революции. Так же вредно влияет агитация независимцев в парламентском вопросе, что приводит к уклонению от намеченной цели пролетарского движения, а именно подготовки революций.

Собранию была предложена резолюция о мировомложении. Она гласит

I.

"Крушение германского империализма означает банкротство германской политики на мировой арене с 1890 года. Эта политика была выражением внутренней экономической и политической структуры Германии, как она сложилась после крушения германской революции 1848 года и после создания прусским штатом Германской империи в виде союзного государства германских князей. Основой германской реакции был союз князей и юнкерства с финансовым капиталом, находящим в покровительственных пошлинах и боевой силе германского милитаризма элемент связующего общего интереса.

Разгром германского империализма глубоко потряс германское государственное устройство и германскую хозяйственную организацию и создал тем революционную ситуацию, вновь поднимающую все проблемы, разрешить которые германская буржуазия оказалась не в состоянии революцией 1848 г.

II.

Победа Антанты означает победу англо-американского мирового капитализма. Ставя в центр своей программы мира идею союза народов, Вильсон, в сущности, требует включения германского национального капитала в мировую капиталистическую систему Антанты. "Союз народов" является организацией господства мировой буржуазии с целью "справедливого" распределения мировой прибыли.

III.

При такой политической ситуации от германского пролетариата зависит, будет ли пролетарская революция, получившая свое начало в России, задушена силами мировой буржуазии. Его позиция не может поэто-му вызывать сомнений: германский пролетариат об"являет, присоединяясь к революционной программе коммунистической партии 1848 года, Германскую социалистическую республику солидарной с Русской Советской республикой, чтобы поднять борьбу пролетариата всего мира против буржуазии всего мира, пролетарской диктатуры против капиталистического "союза народов".

Далее, было принято воззвание к населению, которое гласит:

"Мы вступили в последний период войны. После пятидесяти месяцев войны результат ее оказывается таким, каким он с нашей точки зрения не мог не быть: на одной стороне массы тех, кто за все это долгое время дичал в окопах, жертвовал душой и телом кровью и здоровьем ради "защиты отечества", пока война уничтожала даже то немногое, что отечество им давало, их семьи, их хозяйство; на другой стороне толпах, кто сидел в уюте дома и пользовался военной конъюнтурой, чтобы воровать у пролетария на фронте и его товарищей на родине их грехи путем военных посток и спекуляции продовольствием.

Такой результат войны не только усилил во всех странах об"ективные предпосылки революции, но и

приблизил момент непосредственного начала революции.

Для Германии к этому присоединяется еще одно обстоятельство.

Эта война, начавшаяся самой дерзкой ложью, какую знала история, позорным нападением из-за угла, после четырехлетнего нагромождения лжи на ложь ставит, наконец, германский пролетариат перед голым фактом, что империализм Германии потерпел уничтожающее политическое и военное поражение.

Страдания свыше меры и постыдное злоупотребление доверчивостью пролетариев привали, однако, Германию уже к началу революционной борьбы.

Эта борьба началась уже в армии, где массовое дезертирство, толпы отпускных, возвращающихся с большим опозданием или вовсе не возвращающихся на фронт, сдача в плен целыми батальонами или дивизиями — показывают, что солдаты начали освобождаться от своего ига, что армия, это важнейшее орудие реакции, разлагается.

Однако это первое проявление революции — находит уже контрреволюцию на своем посту. Так как меры насилия оказываются недостаточными, она пытается предоставлением минимум прав сдержать движение. Ответственное министерство и реформа прусского избирательного права имеют целью склонить пролетариат терпеть дальше и, таким образом, коли уж грабительский поход в чужие страны не удался, обеспечить буржуазии плоды воровства у собственного народа и поддержать качающиеся троны Вильгельма II и прочих суверенов.

В этом своем стремлении контр-революционеры нашли дружескую поддержку тех социалистов, занятые которых с 4-го августа 1914 года заключалось в том, чтобы отдать в распоряжение банды помещиков и капиталистов доверие народных масс, приобретенное ими еще в мирные времена, и тем помочь им обманывать и обкрадывать народ. Они, залывшие 4-го августа 1914 года, что не оставят без помощи "отечество", т.-е. отчество капиталистов и помещиков, которому угрожает внешний враг, не лишают его также своей помощи против напора пролетарских масс.

Они отправили в правительство своих агентов, в лице Шайдемана и Бауэра, чтобы спасти под предводительством принца Макса Баденского троны князей и несгораемые шкалы капиталистов.

Сообща со своими классовыми сородичами во "вражеских" странах, которым угрожает одинаковая

опасность, германские капиталисты и помещики пытаются запутать пролетариат в сети новой лжи.

Все эти Вильгельмы, Пуанкаре, Ллойд-Джордже, Вильсоны и второстепенные боги, четыре года подряд гавящие на бойню свои народы, внезапно превращаются в верховных жрецов "союза народов". Смысл этого лицемерия ясен: выходя из войны ослабленными как в смысле капитала, так и количества пушечного мяса, они на целый ряд лет неспособны вести войны и должны бояться только одного, что пролетарий обнаружит волю заткнуть собственными силами источник будущих войн. Чтобы усыпить эту волю и энергию, и изобрести "союз народов", который, в действительности обединит только преступников войны и будет не чем иным, как "священным союзом" прошлого века, также обединившим в свое время монархов, чтобы обеспечить мир, и имевшим только тот результат, что XIX век напоен кровью, как никакой другой до него.

В виду такого положения вещей вообще, и в Германии в частности, перед германским пролетариатом встают следующие задачи:

После того, как солдаты на фронте при таких тяжелых обстоятельствах, под давлением годов войны, начали революционную борьбу, долг масс, оставшихся дома, не только не подрывать их дела в тылу, но и всеми силами поддержать и повести дальше борьбу своих братьев на фронте. Массы должны сделать это тем более, что им нечего ожидать от своих парламентских представителей при их отношении к стачке матросов в прошлом году и при их теперешнем юведении, когда они мечтают о парламентаризме, союзе народов и прусском избирательном праве и становятся тем самым, пусть даже несознательно, пособниками реакции.

Не заботясь о законах и распоряжениях командующих генералов, пролетариат должен добиваться всеми средствами:

1. Немедленного освобождения всех тех, кто изнывает за дело пролетариата в тюрьмах и катогедо суду или в порядке охранных арестов; освобождения всех солдат, осужденных за воинские и политические преступления; освобождения от военной службы всех солдат, призванных в войска или задерживаемых в армии по политическим основаниям; отмены всех ограничений, введенных по политическим соображениям для солдат.

2. Немедленного снятия осадного положения.

3. Немедленной отмены закона о принудительной службе (*Kriegsdienstpflicht*).

Кроме того, пролетариат должен требовать
1. Анулирования всех военных займов и без всякого вознаграждения.

2. Национализации всего капитала в банках, горных промыслах и заводах, существенного сокращения рабочего дня, установления максимальной заработной платы.

3. Национализации всех крупных и средних по местам, передачи руководства ими депутатам батраков и беднейших крестьян.

4. Радикального преобразования военной службы, а именно:

а) предоставления солдатам права союзов и собраний как относительно служебных, так и внеслужебных дел;

б) отмены права начальников на дисциплинарные наказания; дисциплина будет поддерживаться солдатскими депутатами;

в) отмены военных судов;

г) удаления начальников по постановлению большинства подчиненных.

5. Отмены смертной казни и арестантских отделений за политические и воинские преступления.

6. Передачи дела снабжения доверенным рабочим.

7. Уничтожения отдельных германских государств и династий.

Пролетарии, добиться этих целей еще не значит добиться вашей главной цели: это только пробные камни, чтобы узнать, истинна ли та демократизация, которую одурачивают вам головы господствующие классы и их агенты. Борьба за подлинную демократизацию заключается не в борьбе за парламент, избирательное право, ответственное министерство и прочую ерунду, она заключается в борьбе за реальную основу господства врагов народа: за собственность на капитал и землю, за власть над вооруженной силой и юстицией.

Старое здание капиталистического строя прогнило насекоязь.

Пролетарии! После 50 месяцев страданий пришел ваш час. Окажитесь достойным его! Смотрите на ваших братьев в России! Смотрите на ваших братьев на фронте!

Мир и хлеб, которых не дают вам власть имущие, вы сами должны добыть себе, для вас, для ваших детей, для ваших братьев во всем мире!

Да здравствует социальная революция!

Да здравствует мир народов!
Долой правительство!
Смерть капитализму.

Группа Интернационала.

(die Gruppe Internationale).

Группа Спартака.

(Spartakus-Gruppe).

Лево-радикалы Германии.

(Die Linksradikale Deutschlands).

Наконец, было постановлено немедленно начать совместное образование рабочих и солдатских советов, поскольку такие советы еще не начали функционировать.

Вопрос о военной агитации стоял особым пунктом порядка дня. Были приняты соответствующие постановления для развития этой агитации.

Р.ЛЮКСЕМБУРГ.-РЕВОЛЮЦИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ СПАСЕНА!

(Р.Люксембург.-Речь, изд. 1929 г., стр. 100-104).

Речь на общем собрании берлинской организации независимой социал-демократической партии 15 декабря 1918 года.

Тов. Гаазе только что держал обвинительную речь против политики, которую он сам проводил, и защитительную речь в пользу политики Эберта и Шейдемана. Он сказал, что Либкнехт был готов войти в правительство, но он при этом забыл упомянуть об условии, поставленном тов. Либкнехтом. Это условие заключалось в том, что правительство должновести принципиально-социалистическую политику. При этом условии мы и сейчас готовы вступить в правительство...

Пять недель прошло после 9 ноября. С тех пор картина совершенно изменилась. Реакция теперь гораздо сильнее, чем в первый день переворота. А Гаазе говорит нам: смотрите, как широко мы развернули эту речь Роза Люксембург произнесла в ответ на доклад Гуга Гаазе. Сущность этого доклада сводилась к попытке защитить эбертовское правительство и затушевать измену революции.

ли революцию! Его обязанность состоит в том, чтобы показать нам прогресс контр-революции, встречающей благоприятное отношение со стороны правительства в котором заседает Гаазе. Это правительство, вместо того, чтобы предотвратить контр-революцию, усилило буржуазию и реакцию. Буржуазия поистине не может пожелать для себя лучшего правительства, ибо оно служит флагом листком для её контр-революционных целей.

Правительство не принял даже самых элементарных мер. Аннулировало ли оно военный заем? Вооружило ли оно народ для защиты революции? Оно запретило организацию красной гвардии, но зато признало белую гвардию Вельса. Во время путча 6 декабря все контр-революционные нити сходились в руках Эберта и Вельса. Все офицеры и генералы, Леквис и Гинденбург, стояли за существующее правительство, а Гаазе говорит нам, что это — социалистическое правительство. Именно подобные методы управления и сбивают с толку пролетариат. После 6 декабря независимые должны были выйти из состава правительства. Они должны были снять с себя ответственность за случившееся, дабы встражнуть массы и сказать им: революция в опасности! Но этого не произошло, и массы заснули; продолжением этой политики усыпления и была сегодняшняя речь Гаазе.

Гаазе перечислял великие подвиги нового правительства¹). Это чисто буржуазные реформы, показывающие нам, насколько отсталой была Германия. Это просроченные долги буржуазии, а вовсе не революционные завоевания пролетариата, о которых следовало бы думать.

Гаазе далее сказал, что мы не должны рабски подражать тактике русских, ибо Германия более прогрессива в экономическом отношении. Но мы должны у них учиться. Большевикам пришлось сначала накоплять опыт, а мы можем теперь воспользоваться зрелыми плодами их опыта.

Социализм не есть вопрос парламентских выборов, а просто силы. Пролетарий должны вести классовую борьбу с буржуазией, сойдясь с ней грудь с грудью. Для этого пролетариат надо вооружить. Дело идет уже не о дискуссиях, не о резолюциях большинства. Гаазе выступил за отсрочку созыва национального собрания, но тем не менее он смотрит на национальное собрание,

¹⁾ Пособия безработным, восьмичасовой рабочий день, отмена положения о городских общинах, отмена ночной работы в предприятиях, амнистия.

как на арену политической борьбы. Партийный комитет независимых установил апрель, как срок созыва национального собрания. Но представители независимых, заседающие в правительстве, изменили это решение и согласились на отсрочку созыва национального собрания до 16 февраля.

Гаазе восхвалял принцип демократии. Но если признавать принцип демократии, то прежде всего его нужно признать в нашей партии. В таком случае следует сейчас же созвать партийный съезд, чтобы массы могли высказаться, жалуют ли они продолжения существования этого правительства.

Если независимая социал-демократическая партия на берлинских выборах в советы рабочих и солдатских депутатов потерпела поражение, то истинной причиной этого является политика, которую Гаазе проводил в правительстве. Как недепо обвинять Союз Спартака! Ведь именно мы будили социалистическую совесть масс. Четыре года Гаазе и его друзья боролись с социал-патриотами и кончили тем, что заключили мир с виновными. И потому истинными виновниками являются они.

Гаазе упрекнул нас в том, что мы подчиняемся настроениям масс, ибо мы соглашаемся войти в правительство только с согласия масс. Мы не подчиняемся и мы не ждем. Мы хотим только разоблачить вашу половинчатость, вашу слабость. Когда Гаазе и его друзья выйдут из состава правительства, они этим встряхнут массы и просветят их сознание. Но если они будут по-прежнему прикрывать правительство, то массы поднимутся против них и выбросят их вон. В настоящее время, в момент революции, просветительная работа совершиается не с помощью книг и брошюр. Массу нужно теперь просвещать действиями.

Положение внутри независимой социал-демократической партии действительно невыносимо, ибо в ней обединяются неподходящие друг для друга элементы. Либо нужно решить действовать совместно с социал-патриотами, либо нужно итти вместе с Союзом Спартака. Это должен решить партийный съезд. Но когда мы требуем созыва партийного съезда, Гаазе так же крепко затыкает уши, как затыкал их Шейдеман, когда мы выступали с таким же требованием во время войны.

Я предлагаю собранию следующую резолюцию:

"Чрезвычайное собрание берлинской организации независимой социал-демократической партии, состоявшееся 15 декабря, требует:

I. Немедленного выхода представителей независимой социал-демократической партии из правительства Эберта-Шейдемана.

2. Собрание отклоняет созыв национального собрания, которое может привести лишь к усилению контрреволюции и к тому, что у революции обманутым путем будут отняты ее социалистические цели.

Собрание требует:

3. Немедленного взятия всей политической власти рабочими и солдатскими советами, разоружения контрреволюции, вооружения рабочего населения, образования красной гвардии для охраны революции, распуска образованного Эбертом совета народных представителей, облечения исполнительного совета рабочих и солдатских депутатов высшей государственной властью.

4. Общее собрание требует немедленного созыва съезда независимой социал-демократической партии.

Мы стоим теперь перед моментом всемирно-исторического значения, перед созывом центрального совета. Революция уже почти приведена на край гибели. Пролетариат должен удержать ее железной рукой. Правительство сделало все, чтобы заранее отнять власть у центрального совета рабочих и солдатских депутатов. Оно разоружило гражданское население и пролетариат. Оно приняло меры, направленные против революций и вводящие в заблуждение массы. Против всего этого нужно вести беспощадную борьбу.

Р.ЛЮКСЕМБУРГ.- СНИЗУ ВВЕРХ!

Программная речь на учредительном съезде коммунистической партии Германии 31/XII-1918г.

(Р.Люксембург.-Речи, стр.104-124).

...Бросим испытующий взгляд на только что закончившуюся первую фазу революции'

Исходным пунктом революции было 9 ноября. Ноябрьская революция была революцией компромиссов и слабости. В этом нет ничего удивительного. Революция разразилась после 4 лет войны; за это время германский пролетариат, благодаря воспитательной работе социал-демократии и свободных профсоюзов, обнаружил такой постыдный отказ от своих социалистических задач, подобного которому мы не встретим ни в какой другой стране. Если стоять на почве исторического развития, как это делаем мы, марксисты и социалисты, то нельзя было ожидать, чтобы в Германии, представлявшей 4 августа и в течение следовавших за ним 4 лет войны столь ужасную картину, 9 ноября 1918 г. вдруг разразилась великолепная революция, сознавшая свои классовые цели. То, то мы пережили 9 ноября, являет-

ся на три четверти крушением существующего империализма, а не победой нового принципа.

Наступил момент, когда империализм, подобно колесу на глиняных ногах, внутренне уже сгнившему, должен был рухнуть; то, что произошло после этого крушения, было более или менее хаотическим, беспланным, весьма мало сознательным движением, в котором обединяющей нитью, неизменным спасительным принципом являлся только лозунг образования советов рабочих и солдатских депутатов. Таков был лозунг этой революции, немедленно придавший ей своеобразную печать пролетарско-социалистической революции, несмотря на все компромиссы и слабости, обнаружившиеся в первый момент. Когда нам преподносят клеветы на русских большевиков, мы должны в ответ неизменно отвечать: где же вы научились азбуке вашей теперешней революции? Вы получили ее от русских в виде рабочих и солдатских советов. И те людишки, которые ныне, стоя во главе германского так называемого социалистического правительства, считают своим долгом заодно с английскими империалистами чернить русских большевиков, в то же время ополчаются и против рабочих и солдатских советов. Они должны признаться в том, что первые лозунги мировой революции дала русская революция. Мы можем с уверенностью сказать — и это подтверждается с очевидностью всей ситуацией, — что в какой бы стране после Германии не разразилась пролетарская революция, ее первым жестом будет образование советов рабочих и солдатских депутатов.

Именно это и составляет обединяющую международную связь наших выступлений. Этот лозунг резко отличает нашу революцию от остальных прежних буржуазных революций, для тех диалектических противоречий, в которых движется эта революция, как, впрочем, и все революции, весьма характерно, что уже 9 ноября, когда революция испустила свой первый крик новорожденного, она нашла слово, подводящее нас к социализму: советы рабочих и солдатских депутатов. Вокруг этого слова группировалось все. Революция нашла его instinctивно, хотя 9 ноября она еще настолько мало продвинулась вперед, настолько страдала половинчатостью, слабостью, недостатком инициативы и неясным пониманием своих задач, что уже на второй день после переворота она выпустила из рук половину тех средств воздействия, которые она завоевала 9 ноября. Это показывает, с одной стороны, что настоящая революция подчиняется всесильному закону исторической необходимости, гарантирующему нам, что мы шаг за шагом придем к своей цели, несмотря на все трудности,

осложнения и собственные ошибки. Но, с другой стороны, сравнивая ясное содержание этого лозунга с недостаточностью его практического осуществления, нужно сказать: это были только первые детские шаги революции, которой придется еще многое совершить и далеко продвинуться, чтобы добрасти до полного осуществления своих первых лозунгов.

Товарищи, эта первая фаза, начиная от 9 ноября и до последних дней, характеризуется всевозможными иллюзиями. Первая иллюзия пролетариата и солдат, совершивших революцию, была иллюзией об "единении под знаменем так называемого социализма". Что может быть характернее для внутренней слабости ноябрьской революции, как не ее первый результат, как не то, что во главе движения стали элементы, которые еще за два часа до начала революции считали своим долгом восстановлять против нее народ, делать ее невозможной: Эберт - Шейдеман и Гаазе! Об "единение различных социалистических течений в общем торжествующем порыве единства" - таков был девиз революции 9 ноября. За эту иллюзию, грезы и ошибки которой мы измели до конца лишь за последние дни, пришлось впоследствии поплатиться кровью. Эберт - Шейдеман и буржуазия также предавались самообману. Иллюзия со всех сторон - и все эти иллюзии равеялись прахом! Обнаружилось, что об "единение Гаазе с Эбертом-Шейдеманом под общим щитом "социализма" в действительности было лишь фиговым листком, прикрывавшим чисто контр-революционную политику. От этого самообмана мы исцелились, как излечиваются от него во всех революциях. Существует определенный революционный метод излечивать народ от его иллюзий, но, к сожалению, этот способ лечения покупается кровью народа. Как было во всех прошлых революциях, так было и теперь. Кровь жертв, павших на улице Мюссе 6 декабря, кровь матросов, убитых 24 декабря, вот что запечатлело для широких масс такой вывод и такую истину: то, что вы склеили под видом "социалистического правительства", - не что иное, как правительство буржуазной контр-революции и кто будет дальше терпеть такое положение вещей, тот будет работать против пролетариата и против социализма.

Это только отрицательный вывод, ложмотья погибших иллюзий. Но для пролетариата чрезвычайно выгодно, что после первой фазы революций остаются только такие разорванные лоскуты: ибо для революции нет ничего более вредного, чем иллюзии, и ничего более полезного, чем ясная, открыто выраженная исти-

на. Я могу в этом отношении сослаться на мнение одного из классиков германского духа, который не был пролетарским революционером, но был духовным революционером буржуазии. Я намекаю на Лессинга, который в одном из своих последних сочинений, составленных им в бытность библиотекарем в Вольфенбюттелье, написал следующие, чрезвычайно интересные и симпатичные для меня строки: "Я не знаю, можно ли считать долгом жертвовать счастьем и жизнью ради истины... Но я знаю, что если хотят научиться истине, то долг заключается в том, чтобы научиться ей целиком, или совсем не учиться, научиться ей ясно и точно, без загадок, без оговорок, без недоверия к ее силе... Ибо чем грубее заблуждение, тем короче и прямее путь к истине; наоборот, уточченное заблуждение может навеки удалить нас от истины, и тем труднее нам понять, что это - заблуждение... Кто думает только о том, чтобы преподнести человеку истину под всевозможными личинами и румянами, того, конечно, можно назвать ее сводником, но ее любовником он не был никогда". Товарищи, господа Гаазе, Литман и т.п. хотели преподнести людям социалистический товар революции под всевозможными личинами и румянами и оказались сводниками контр-революции; теперь мы свободны от всех этих двусмысленностей, и перед глазами германских народных масс товар предстал в зверском, неуклюжем образе господ Эберта и Шайдемана. Сейчас даже самый тупоумный человек не может не признать, что это - контр-революция в ее подлинном живом облике.

Что же раскрывается нам как дальнейшая перспектива развития, после того как мы оставили за собой первую фазу революции? Само собой разумеется, дело идет не о пророчествах, а лишь о том, чтобы сделать логические выводы из всего пережитого и вывести заключение о вероятных путях предстоящего нам развития, дабы сообразовать с ними нашу тактику, свойственный нам метод борьбы. Товариши, куда дальше ведет этот путь? Некоторый намек на это мы уже получали в последних заявлениях нового правительства Эберта - Шайдемана, - намек в чистом, неприкрашенном виде. В какую сторону может направиться путь так называемого социалистического правительства после того, как исчезли все иллюзии? Это правительство с каждым днем все больше и больше теряет опору среди широких масс и пролетариата, кроме мелкой буржуазии, его поддерживают только остатки, малкие остатки пролетариев, да и то еще неизвестно, сколько времени они останутся еще верными Эберту и Шайдеману. Они все больше и больше будут терять опору в солдатских

массах, ибо солдаты пустились на путь критики и начали одумываться, а этот процесс, хотя и идет сначала медленно, но не может остановиться, пока не приведет к полному социалистическому познанию. Они потеряли кредит у буржуазии, так как не выказали себя достаточно сильными. Куда же ведет их дальнейший путь? С комедией социалистической политики они разделяются очень быстро: если вы прочтете новую программу этих господ, то вы увидите, что они уже плывут на всех парусах ко второй фазе, к фазе неприкрытой контрреволюции можно даже сказать - к фазе реставрации прежних, дореволюционных отношений. Какова программа нового правительства? Во-первых, выборы президента, который занимает промежуточное положение между английским королем и американским президентом и почти что может быть назван королем Эбертом; во-вторых, восстановление союзного совета. Вы уже, вероятно, сегодня прочли требования, самостоятельно выставленные южно-германскими правительствами, которые подчеркивают характер германской республики как союзного государства. Восстановление доброго старого союзного совета и, конечно, его приданка - германского рейхстага - вопрос всего каких-нибудь нескольких недель. Товарищи, это значит, что Эберт-Шейдеман встают на путь простой реставрации отношений существовавших до 9 ноября. Но благодаря этому сами они становятся на наклонную плоскость и закончат тем, что сломают себе шею и очутятся на дне пропасти. Ибо восстановление отношений существовавших до 9 ноября, стало немыслимо уже 9 ноября, а в настоящее время эта возможность отдалась в Германии на целые мили. Чтобы укрепить поддержку, оказываемую ему единственным классом, действительные классовые интересы которого оно представляет, - буржуазией - а надо сказать, что в связи с последними событиями эта поддержка заметно ослабла, - правительство будет вынуждено вести все более и более насилиственную контрреволюционную политику. В требованиях южно-германских государств, опубликованных сегодня берлинскими газетами ясно выражается пожелание укрепить безопасность германского государства. На простом немецком языке это значит ввести осадное положение против "анархистских", "путчистских", "большевистских", следовательно, социалистических элементов. Общая обстановка заставит Эберта-Шейдемана ухватиться за диктатуру с осадным положением или без онего. А это значит, что ход современного развития, логика событий и тяготеющие над Эбертом-Шейдеманом силы приведут к гораздо более острым столкновениям, к гораздо более

ожесточенной классовой борьбе, чем это было до сих пор столкновения обостряется не только потому, что перечисленные мною политические моменты заставляют революцию бросить все иллюзии и схватиться с контрреволюцией грудь с грудью, но и потому, что из глубин вздымаются новый огонь, новое пламя, охватывающее все социальное целое. Я имею в виду экономические бои.

Товарищи, для обрисованного мною первого периода революции, можно даже сказать для периода до 24 декабря, очень характерно, что она - в этом мы должны отдать себе полный отчет - была еще исключительно политической революцией; в том и заключается то начальное, недостаточное, половинчатое и бессознательное, что отличает эту революцию. Эта была первая стадия переворота, главные задачи которого лежат в экономической области и сводятся к изменению хозяйственных отношений. Революция была наивна и бессознательна, как дитя, бредущее неведомо куда; как мы уже сказали, она имела чисто политический характер. Только за последние недели начали стихийно вспыхивать стачки. Этого пункта мы теперь и коснемся.

Вся сущность этой революции характеризуется тем, что стачки должны все более и более разрастаться и становиться центральным пунктом, главным делом революции. Это - экономическая революция, благодаря которой германская революция превращается в социалистическую революцию. Но борьба за социализм может вестись только массами, которые непосредственно, грудь с грудью, схватываются с капитализмом: в каждом предприятии каждый пролетарий выступает против своего хозяина. Только в таком случае наступит социалистическая революция.

Конечно, люди, ни о чем не думающие, представляли себе ход событий иначе. Полагали, что нужно только ниспровергнуть старое правительство, поставить во главе государства социалистическое правительство а затем издать декреты, вводящие социализм. Это было опять-таки не чем иным, как иллюзией. Социализм не делается и не может делаться путем декретов, как бы ни правосходно было социалистическое правительство. Социализм осуществляется массами и каждым пролетарием в отдельности. Цепь капитала нужно разбить именно в том пункте, где пролетарий к ней прикованы. Только это и есть социализм, только так и можно его осуществить.

А какова внешняя форма борьбы за социализм? Эта форма - стачка. Именно поэтому теперь, во второй

период революции, экономическая фаза развития выступает на первый план. Я хотела бы здесь подчеркнуть то, что мы можем заявить с гордостью и чего никто не станет оспаривать: мы, члены Союза Спартака, коммунистическая партия Германии, являемся единственными людьми во всей Германии, которые стоят на стороне бастующих и борющихся рабочих. Вы читали и видели, как независимая партия во всех случаях относится к стачкам. В этом отношении не было совершенно никакой разницы между позицией "Форвертса" и позицией "Фрейхайта". И там и здесь говорили: вы должны быть прилежными, ибо социализм - это значит много работать. И это говорят тогда, когда власть находится еще в руках капитала! Такой тактикой не достигается социализм; он достигается только путем самой энергичной борьбы с капитализмом, требований которого защищаются всеми партиями, начиная с крайних правых и кончая независимыми и газетой "Фрайхайт", - всеми, за исключением только нашей коммунистической партии. Из всего сказанного следует, что в настоящий момент против стачек ведут неустанную и ожесточенную борьбу все те, кто не стоит на нашей революционно-коммунистической позиции.

Из этого можно сделать вывод: в грядущую fazу революции стачки не только будут все более и более расширяться, но и будут стоять в центре революции, станут решающим ее пунктом, отстравляя на задний план чисто политические вопросы. Вы видите, что в области экономических конфликтов положение должно в огромной степени обостриться. Ибо, идя по этому пути, революция вступает в область, где буржуазия не допускает никаких шуток. Буржуазия может заниматься мистификациями в политической области, где еще возможен маскарад и где могут выступать под социалистическими этикетками люди вроде Эберта и Шейдемана, но она не может делать этого там, где ставится вопрос о прибыли. Здесь она поставит правительство Эберта-Шейдемана перед альтернативой: либо они должны покончить со стачками, грозящими удушить буржуазию, либо господы Эберт-Шейдеман должны выйти из игры. Я полагаю, что уже одни их политические мероприятия заставят их очень скоро выйти из игры. Для Эбера-Шейдемана особенно горестно то, что они встретили не очень много доверия со стороны буржуазии. Буржуазия начинает сомневаться, стоит ли облечь горностаевой мантией неуклюжую фигуру высокочки Эбера. Когда дело дойдет до этого, то в конце концов сделают вывод, что для горностаевой мантии требуется не только кровь на пальцах, но и благородная голу-

бая кровь в жилах. А это будет значить: раз мы уже захотели короля, нам не нужен высокочка, который даже не умеет вести себя по-королевски...

Итак, товарищи, господа Эберт-Шейдеман способствуют расширению контр-революционного движения. Они не справляются со взрывающим пламенем экономической классовой борьбы и не удовлетворят буржуазию своими мероприятиями. Они пойдут ко дну и должны будут уступить место либо контр-революции, сгруппировавшейся для отчаянной схватки вокруг господина Грене-ра или вокруг военной диктатуры Гинденбурга, либо каким-нибудь другим контр-революционным силам.

Точно предвидеть события нельзя, ибо то, что должно наступить, не поддается ясным формулировкам. Но ведь нам важны не внешние формы, не тот момент, когда совершится то или другое. Нам достаточно напечатать общие направляющие линии дальнейшего развития, которые можно определить следующим образом: после первой фазы революции с преобладанием политической борьбы наступает фаза усиленной, обостренной экономической борьбы, в результате которой рано или поздно правительство Эберта-Шейдемана должно кануть в Лету.

Равным образом трудно предсказать, что станет с национальным собранием в эту вторую фазу развития. Возможно, что оно соберется и станет новой школой воспитания для рабочего класса, но не исключена и возможность, что вообще никакого национального собрания не будет. Ничего определенного в этом смысле заранее сказать нельзя. Чтобы вы поняли, с какой именно точки зрения мы защищали вчера нашу позицию, я хочу только заметить в скобках: мы протестовали лишь против того, чтобы при определении нашей тактики исходить из одной только альтернативы. Я не хочу опять начинать дискуссии и говорю это лишь для того, чтобы кто-либо из вас, недостаточно вслушавшись в наши речи, не пришел к выводу: ага, теперь они заговорили другим языком! Сегодня мы стоим совершенно на той же позиции, как и вчера. Нашу тактику по отношению к национальному собранию мы не хотим ставить в зависимость от той возможности, которая может наступить, но которая не обязательно должна наступить, а именно — от той возможности, что национальное собрание испарится в пространство; устанавливая нашу тактику, мы хотим учесть все возможности, в том числе и революционное использование национального собрания, буде оно соберется. Соберется оно или не соберется — это не имеет значения, ибо во всех случаях революция может только выиграть.

Что же в таком случае останется делать обанкротившемуся правительству Эберта - Шейдемана или какому-либо другому так называемому социал-демократическому правительству, которое будет тогда стоять у руля? Я уже сказала, что масса пролетариата выскользнула из их рук, а солдатами тоже нельзя уже более пользоваться как пушечным мясом для контр-революционных выступлений. Что же останется делать этим бедным людышкам чтобы спасти свое положение? У них есть еще один шанс, и если вы, товарищи, читали сегодняшние газетные известия, то вы знаете, где находятся те последние резервы, которые двинет против нас германская контр-революция, когда дело дойдет до последней схватки. Все вы читали, что в Риге германские отряды совместно с англичанами, уже выступили против русских большевиков. Товарищи, у меня есть в руках документы, освещающие нам то, что происходит сейчас в Риге. Вся эта затея исходит от высшего командования 8-й армии, которое действует рука об руку с господином Августом Виннигом, германским социал-демократом и профсоюзным вождем. Эпизод этот все время представлялся в таком свете, что бедные Эберт-Шейдеман являются-де жертвами Антанты. Но уже в течение многих недель, с самого начала революции, тактика "Форвертса" сводилась к тому, чтобы, упорно доказывая, что Антанта искренне желает удушения русской революции, привить эту мысль самой Антанте. На основании документов мы установили здесь, таким образом проводилась эта кампания за счет русского пролетариата и германской революции. В телеграмме от 26 декабря полковник Бюркнер, начальник генерального штаба 8-й армии, сообщает о тех переговорах, которые велись в Риге и привели к упомянутому соглашению. Телеграмма эта гласит: "23 декабря состоялось собеседование между германским уполномоченным Виннигом и представителем английского правительства, бывшим рижским генеральным консулом Монзакетом на борту английского военного судна "Принцесса Маргарита", участвовать в этом собеседовании был приглашен также и верховный начальник германского командования или его заместитель. Было решено отправить имена. Цель собеседования выполнение условий перемирия. Ход собеседования: англичане - находящиеся здесь военные корабли - должны наблюдать за выполнением условий. На основании условий перемирия выставляются следующие требования.

I В Рижском округе немцы должны держать достаточную военную силу, чтобы держать большевиков в ру-

ках и не позволить им проникнуть дальше занимаемых ими ныне позиций".

Далее

"...3. Содержание диспозиций для германских и латвийских отрядов, сражающихся против большевиков должно быть послано офицеру английского военного штаба для сообщения старшему начальнику флота. Все будущие диспозиции относительно отрядов, предназначенных для борьбы против большевиков, должны сообщаться через посредство того же офицера.

4. Достаточная военная сила, способная воспрепятствовать взятию поименованных ниже пунктов большевиками или продвижению большевиков на линию сообщения между этими пунктами, должна содержаться в следующим местах: Валке, Вольмаре, Вендене, Фридрихштадте, Пинске, Митаве.

5. Дорога от Риги до Либавы должна быть обеспечена от большевистских нападений, и все английские обозы и почта, передвигающиеся по этому пути, должны пользоваться преимущественным вниманием".

Затем следует ряд дальнейших требований. Теперь приведем ответ уполномоченного германского рейхстага Виннига:

"Хотя и представляется необычайным заставлять правительство оккупировать чужое государство, но в данном случае это вполне совпадает с нашими собственными желаниями - заметите, это говорит г. Винниг, германский профсоюзный вождь, - ибо необходимо охранять немецкую кровь (другими словами - балтийских баронов) да и, кроме того, мы считаем себя нравственно обязанными помогать стране, которую мы освободили от ее прежней государственной принадлежности. Но наши стремления затрудняются, во-первых, состоянием отрядов, которые под влиянием перемирия не желают более сражаться, а хотят отправиться на родину, и которые, кроме того, состоят из людей старого возраста, ставших на войне инвалидами, во-вторых, позицией местных правительства - здесь имеются в виду латвийские правительства, - которые изображают немцев как своих поработителей. Мы были бы готовы создать добровольные, подготовленные к борьбе союзы, что отчасти уже и удалось".

Здесь совершается контр-революция. Некоторое время тому назад вы читали об образовании железной дивизии, которая была создана специально для борьбы с большевиками в прибалтийских областях. До сих пор было неясно как относилось к этому правительство Эберта-Штейдемана. Теперь вы знаете, что это правительство само сделало предложение в этом смысле.

Товариши, я хочу сделать еще одно небольшое замечание насчет Виннига. Мы можем спокойно сказать что германские профсоюзные вожди - ведь не случайно, что подобного рода политические услуги оказывает именно профсоюзный вождь - что германские профсоюзные вожди и германские социал-демократы - самые бессовестные, продувные нагодии, каких только видел мир. Знаете ли вы, куда нужно было бы отправить всех этих людей - Виннига, Эберта, Шеффмана? Согласно германскому уголовному кодексу, который они сами признают действующим и на основании которого они заставляют творить правосудие, этих людей надо было бы отправить в каторжную тюрьму. Ибо, согласно германскому уголовному кодексу, человек, осмеливающийся вербовать германских солдат на заграничную военную службу, подлежит заключению в каторжную тюрьму. Теперь мы можем спокойно сказать, что во главе "социалистического правительства" стоят не только Иуды социалистического движения и пролетарской революции, но и каторжники, которым вообще не место в приличном обществе...

Несомненно, все эти махинации - образование железных дивизий и в особенности упомянутое выше соглашение с английским империализмом - обозначают, что пущены в ход последние резервы для удушения германского социалистического движения. С этим теснейшим образом связан и главный вопрос, вопрос о мире. Эти соглашения являются не чем иным, как новым раздуванием войны. В то самое время, когда эти него-для разыгрывают в Германии комедию и уверяют, что они выбиваются из сил, чтобы заключить мир, а мы мешаем делу мира возбуждаем недовольство Антанты и оттягиваем заключение мира - в это самое время они собственными руками подготавливают на Востоке возобновление войны, вслед за которой должна последовать война в самой Германии. Таким образом, и в этой области создается ситуация, приводящая нас к периоду обостренных столкновений. Одновременно с защитой социализма и интересов революции нам придется защищать и интересы всего мира. Это опять-таки подтверждает тактику которую мы, спартаковцы, отстаивали при каждом удобном случае на протяжении всей четырехлетней войны, как единственную возможную. Мир обозначает мировую революцию пролетариата! Для установления и обеспечения мира не существует никакого иного пути, кроме победы социалистического пролетариата.

Какую же, товарищи, общую тактическую линию подсказывает ситуация, складывающаяся для нас в бли-

жайшее время? Первое, что она вам подскажет - это, конечно, надежду, что правительство Эберта-Штедемана падет и уступит свое место настоящему социалистическому, пролетарскому, революционному правительству. Но я хотела бы направить ваше внимание не на кульминационный пункт, не вверх, а вниз. Мы не должны сохранять и повторять иллюзию первой фазы ноябрьской революции, - иллюзию, будто для совершения социалистической революции достаточно ниспровергнуть капиталистическое правительство и заменить его другим. Пролетарскую революцию можно привести к победе лишь в том случае, если мы начнем подрывать правительство Эберта-Штедемана посредством неустанный социально-революционной массовой борьбы пролетариата. В связи с этим я хотела бы напомнить вам о некоторых недостатках германской революции, которые остались неустранимыми по окончании первой ее фазы и которые ясно показывают, что мы, к сожалению, не настолько далеко подвинулись вперед, чтобы обеспечить социализму победу путем ниспровержения существующего правительства. Я старалась выснить вам, что революция 9 ноября была прежде всего политической революцией, между тем как по своей сущности она должна стать, главным образом, экономической революцией. Кроме того, она была только городской революцией и до сего дня почти не коснулась деревни. Было быпустой мечтой стремиться к проведению социализма, не касаясь сельского хозяйства. С точки зрения социалистического хозяйства промышленность вообще нельзя преобразовать, не поставив ее в непосредственную связь с социалистическим преобразованием сельского хозяйства. Важнейшая идея социалистического хозяйственного строя - это устранение противоречий разрыва между городом и деревней. Этот разрыв, это противоречие, эта противоположность - явление чисто капиталистического порядка, которое должно быть немедленно устранено, как только мы станем на почву социализма. Если мы говорим сверху о социалистическом преобразовании, то мы должны направить наше внимание не только на промышленные центры, но и на деревню, а здесь мы, к сожалению, даже и не начали работать. К этому вопросу нужно отнести теперь чрезвычайно серьезно не только потому, что без сельского хозяйства мы не можем провести социализацию, но и потому, что, перечисляя сейчас последние резервы контр-революции, направленные против нас и наших стремлений, мы не учли еще один важный ее резерв - крестьянство. Именно потому, что оно осталось до сих пор незатронутым революцией - оно все

может служить резервом для контр-революционной буржуазии. Когда пламя социалистической стачки начнет мечь их пятки первое, к чему прибегнут буржуа - это мобилизация крестьянства, самого фанатического приверженца частной собственности. Против этой грозы -шей нам контр-революционной силы не существует других средств, кроме перенесения классовой борьбы в деревню, мобилизации безземельного пролетариата и мелкого крестьянства против крупного крестьянства.

Из всего этого выясняется, что мы должны делать для создания предпосылок, обеспечивающих успех революции. Наши ближайшие задачи я могла бы резюмировать таким образом: в будущем мы должны прежде всего во всех направлениях насаждать систему рабочих и солдатских советов, главным образом, систему рабочих советов. То, что мы захватили в свои руки 9 ноября, это - только слабое начало. В первую фазу революции мы даже утеряли многие средства вовремя. Вы знаете, что контр-революция неустанно стремилась подорвать систему рабочих и солдатских советов. В Гессене контр-революционное правительство совсем распустило рабочие и солдатские советы, в других местах у них вырвана из рук власть. Поэтому мы не только должны развивать систему рабочих и солдатских советов, но и вводить ее среди сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян. Мы должны захватить власть, и вопрос о ее захвате свести к вопросу: что делает может и должен делать каждый рабочий и солдатский совет по всей Германии? Именно в них и должна сосредоточиваться власть. Мы должны подрывать буржуазное государство снизу, не разделять, а повсюду обединять государственную власть, законодательство и администрацию и передавать все эти функции рабочим и солдатским советам.

Товарищи, это - огромное поле, и нам предстоит его распахать. Мы должны вести подготовительную работу, продвигаясь снизу вверх и обеспечивая рабочим и солдатским советам такую власть, чтобы падение правительства Эберта - Шайдемана или какого - либо иного, ему подобного, явилось только заключительным актом. Завоевание власти должно поэтому совершиться не сразу, а совершаться непрерывно: мы будем вламываться в буржуазное государство, пока мы не закрепим за собою все позиции, которые мы и будем защищать зубами и ногтями. По моему мнению и мнению моих ближайших партийных друзей, даже и экономическая борьба должна вестись рабочими советами. Руководить экономической борьбой и выводить ее на все более и более широкую дорогу также должны рабо-

чие советы. Рабочим советам должна принадлежать вся власть в государстве. В этом направлении мы должны работать в ближайшее время. Раз мы ставим себе такую задачу, ясно, что в ближайшее время нам придется считаться с колоссальным обострением борьбы. Ибо нам придется бороться шаг за шагом, схватываться грудь с грудью в каждом государстве, в каждом городе, в каждой деревне, в каждой общине, дабы передать рабочим и солдатским советам все средства государственного воздействия, которые необходимо вырывать у буржуазии одно за другим. Но к этому мы сначала должны подготовить наших партийных товарищей и пролетариев. Даже там, где существуют рабочие и солдатские советы, они еще не вполне сознают, к чему они призваны.

Мы должны сначала научить массы, что рабочий и солдатский совет должен стать рычагом государственного механизма и действовать по всем направлениям, что он должен взять все функции власти в свои руки и направить их все по фарватеру социалистического переворота. Даже те рабочие массы, которые уже организованы в рабочие и солдатские советы, чрезвычайно еще далеки от такого понимания, за исключением, конечно, незначительного меньшинства пролетариев, явно сознавшего свои задачи. Но это не недостаток, это вполне нормальное явление. Масса должна научиться властвовать в процессе осуществления своей власти. Это умение ей нельзя дать никаким другим способом. К счастью, миновало уже то время, когда нашей задачей было только социалистическое воспитание пролетариата. Для марксистов каутинской школы времена эти, пожалуй, продолжаются и по сей день. Социалистически воспитывать пролетарские массы — это значит читать им доклады, распространять листовки и брошюры. Но социалистическая пролетарская школа не нуждается во всем этом. Пролетарии воспитываются, поскольку они переходят к действиям.

Здесь следует вспомнить слова "В начале было действие". А действие должно заключаться в том, что рабочие и солдатские советы стремятся и научаются стать единственной властью во всей республике. Только таким образом мы и можем до такой степени подкопать почву, чтобы она созрела для переворота, завершающего нашу работу... В силу исторических условий наша задача не так легка, как в буржуазных революциях, когда достаточно было ниспровернуть центральную официальную власть и заменить ее парой или парой дюжины новых людей. Мы должны вести работу снизу вверх; это вполне соответствует массовому ха-

рактеру нашей революции, которая преследует цели, затрагивающие все основы современного общественно-го порядка. Вполне соответствуют также характеру современной пролетарской революции и то, что мы должны захватывать политическую власть не сверху, а снизу. 9 ноября была совершена попытка поколебать государственную власть, классовое господство - слабая, половинчатая, неосознанная, хаотическая попытка. Теперь необходимо с полным сознанием направить все силы пролетариата против главных цитаделей капиталистического общества. Внизу, где отдельный предприниматель противостоит своим наемным рабам и где все исполнительные органы политического классового господства противостоят об'ектам этого господства, массам, - вот где должны мы шаг за шагом вырывать у господствующих классов их средства насилия и захватывать их в свои руки. Когда я изображаю дело таким образом, то процесс революции представляется, быть может, несколько более скучным, чем мы склонны были думать в первые моменты. Но я полагаю, что для нас полезно с полной ясностью нарисовать себе все трудности и осложнения этой революции. Ибо я надеюсь, что изображение великих трудностей и нагромождающихся перед нами задач ни у меня, ни у вас не приведет к ослаблению усердия и энергии. Наоборот, чем более велика стоящая перед нами задача, тем настойчивее будем мы собирать все наши силы. Не забудем, что революция умеет творить свое дело с необыкновенной быстротой. Я не берусь предрекать, сколько времени потребуется для этого процесса. Кто же будет думать о себе и огорчаться его длительностью, раз только нашей жизни хватит на то, чтобы довести его до конца? Нам нужно только ясно и точно знать, что следует делать. А что следует делать, - это, как я надеюсь, я в основных чертах изложила вам в мере моих сла- бых сил.

ОТЧЕТ ДЕЛЕГАТА

ЦК РСДРП с предварительном совещании, состоявшемся 11 июля 1915 г., по вопросу о созыве международной конференции.

"/Денинскій сборник" XIV, стр.161-163/.

(No 14 июля 1915 г.)

(14 июля 1918 г.)
Уважаемые товарищи!

Многоуважаемые товарищи:
Наша организация /Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии/ считает необходимым сообщить Вам ниже следующее:

В воскресенье 11 июля в Берне состоялось предварительное совещание, которое должно было подготовить международную конференцию левых. Мы были приглашены Робертом Гриффом. Присутствовали Роберт Грифф /представитель газеты "Berne Tagblatt"/, А. Балабанова /?/, х/ Моргари /Итальянская партия/: Павел Аксельрод /представитель так называемого Организационного Комитета/, Варский /представитель так называемого Правления Польской Партии/, Балецкий /представитель Польской Социалистической партии /ПСС/- "Левицци"/, Зиновьев /представитель на шей организации/. Каждый из нас имел право давать заявления на заседании, но никто из нас не выступил, кроме Зиновьева.

Состав этого собрания показался мне /Зиновьеву/.
само собой понятно, довольно таки странным. Где же
тут собственно левые Интернационала? Я задал воп-
рос, приглашены ли, например, голландские марки-
сты, польская социал-демократическая оппозиция /
социал-демократия Латышского края, 2/ группа "Richt-
strahlen" /Германия/ 3/ и т.д. Мне ответили: нет.
приглашены лишь те организации, которые имеют офи-
циальных представителей в Международном Социалисти-
ческом Бюро. Я спросил, почему же так? Это, ведь,
не официальная конференция, а конференция левых! От-
вет на это я получил позднее, в течение всего хода
собрания.

Моргари доложил с своей поездки в Англию и Францию. 4/. Доклад звучал довольно пессимистически. Члены Независимой Рабочей Партии обещали приехать. Но они предпочитали бы немного обождать, пока яснее станет положение на фронте. Кроме того, им не хотелось бы иметь острое столкновение с Рабочей Партией. Положение во Франции нисколько не лучше. На конференцию быть может приедут представители парижской и лyonской оппозиционных групп. Но в том случае, если положение на фронте изменится не в

~~х/~~ Вопросительный знак стоит в оригинале. Ред.

пользу Франции, едва-ли они приедут. Во всяком случае следует обсуждать решения Главного Совета Французской социалистической партии /14. УП/. Очень важно было сообщение Гrimma в его последних переговорах о положении вещей с Кларой Цеткин. Она сказала Гrimmu: германская оппозиция примет участие в конференции. Но, во-первых, по ее мнению, следует обсуждать только вопрос о мире; во-вторых, сейчас нужно установить связи с Гаазе и Каутским. Наша /т.е. Клары Цеткин/ теоретическая позиция конечно, не та, что у Гаазе и Каутского но нужно попытаться итти вместе, чтобы толкнуть группу Каутского-Гаазе влево. Далее Роберт Гrimm сообщил что он исключительно за своей личной ответственностью попытался связаться с Гаазе, но до сих пор еще не получил ответа. Затем было решено созвать вторую предварительную конференцию 5/ присутствующие - 1 германец + 1 француз + 1 англичанин/, которая должна окончательно решить вопрос о самой конференции Из всего положения вещей ясно, что эта вторая предварительная конференция будет играть решающую роль. Она определит состав, порядок дня, проекты резолюций и пр. созываемой конференции. Поэтому наш представитель, товарищ Зиновьев, внес следующие три предложения:

Предложение I. Собравшиеся заявляют, что в основном они согласны с постановлением Правления итальянской партии. Собравшиеся постановляют: приглашаются те партии или части партий /также синдикаты и другие рабочие организации/, которые готовы: 1/ бороться самым решительным образом против гражданского мира, т.е. против милитериализма, голосования кредитов и т.д./; 2/ вести борьбу против шовинизма; 3/ стремиться к возобновлению и продолжению классовой борьбы и ее развертыванию в революционные массовые выступления.

Предложение II. На второе совещание пригласить еще по одному представителю: 1/ Голландии /марксисты/; 2/ Болгарии /Благоева/; 3/ Скандинавии /Хегдуна и из норвежцев/; 4/ Германии - группу "Lichtstrahlen" кроме группы Цеткин и т.д./; 5/ Польской с.-д. партии /оппозиции/; 6/ социал-демократии Латышского Края.

Предложение III. 1/ Вопрос о приглашении группы Гаазе передать на усмотрение германских левых /группы "Интернационал" 6/ и группы "Lichtstrahlen"/. Предварительный порядок дня, предлагаемый Зиновьевым: г. Отчеты.

2. Пацифизм или революционная борьба пролетариата за окончание войны.
3. Империалистские войны и революционные массовые выступления пролетариата.

4. Возможен ли общий Интернационал с социал-шовинистами /принципиальная основа III Интернационала/.

После многочасовой дискуссии собравшиеся принял ли лишь первый абзац предложения I, предложение II отклонили, а остальное "отложили". Особенно достоинством кажется нам отклонение предложения П. Действительно левые элементы различных партий вовсе не приглашаются на решающее предварительное совещание. В противоположность этому, собравшиеся очень отчетливо высказали что таких людей, как Трудьстра Брантинг, Гаазе они думают безусловно пригласить на конференцию. Аксельрод сказал: что если не желают пригласить Гаазе то для него, Аксельрода, возникает вопрос, должен ли он принимать участие в такой конференции. За Гаазе энергично заступился также Валецкий.

С группой "Lichtstrahlen" они не желают установить связи, а Варскому было позволено повторить известную болтовню господ из Правления партии о Борхардте и Радеке-Парабелльме. По всей вероятности, сказал Варский, Цеткин не захочет сидеть в одной комнате с Борхардтом. Баннекук не имеет никакого влияния на германских левых. О Радеке указанный оратор даже не жалает слова зря тратить. После всего этого ясно, что так называемая конференция левых в действительности будет конференцией "примиренцев", "центра" с социал-шовинистами. Ясно, что никто серьезно и не желает подобную конференцию созывать.

- 1/Польская с.-д. оппозиция образовалась после раскола Польской с.-д. партии в 1912 г. в лице Варшавского краевого комитета, возглавляемого К. Радеком, Я. Ганецким, А. Малецким и др. См. статью Ленина: "Раскол в польской социал-демократии" /Соч. т. XVI/ с. 246 и прим. 29 в ХУП т. с. 702/
- 2/Социал-демократия Латышского края являлась составной частью РСДРП. В избранном на IV съезде СДЛК /8 февраля/ 26 января 1914 г. ЦК руководящая роль принадлежала большевикам.
- 3/"Lichtstrahlen"/ "Лучи света"/ - ежемесячный журнал германской левой с.-д. группы "S.D." /"Интернациональные Социалисты Германии"/, редактировался Ю. Борхардтом. В журнале принимали участие также К. Радек /Парабелльм/ и А.

Паннокук /см. Соч. Ленина т. XIX, прим. II 8, с. 473/. Речь идет о поездке Моргари в Париж и Лондон которую он предпринял в 1915 г. по поручению ЦК Итальянской социалистической партии для переговоров с французскими и английскими социалистами и членами МСБ о возможности созыва МСБ в международной конференции.

5/Второе предварительное совещание /*Уоркконференц*/ не состоялось.

5/В группу "Интернационал" входили: К.Лисбнхт, Р.Люксембург, Ф.Меринг, Ю.Мархлевский, А.Тальгеймер, Кл. Цеткин /см. Соч. Ленина т. XIX, прим. 87 с. 464/.

В.И.ЛЕНИН - К. РАДКУ.

/Ленинский сборник XIU, стр. 164-165/

(Июль или август 1915 г. Заренберг).

Учредительный конгресс

Посыплю письмо о "*Уоркконференц*".

Снимите копию для *Лисбнхта* - или поручите *Цеткину* /если Вы уверены в его аккуратности/ переслать им.

Сие все *ищите в себе* к/. Дайте обещание не говорить ни Гrimmu ни Балабановой ни Троцкому и вообще никому!

Письмо мое *Цеткину* прочтите и отошлите. Надеюсь, отослали предыдущее: Черкните об этом.

Либо немецкие левые сплотятся теперь /хотя бы для идеального выступления от имени анонимной группы "Свобода" или как хотите: рабочие потом будут примыкать к этой группе/, то тогда либо надо плюнуть на них,

/я понимаю, что *Лисбнхт* нельзя выступать прямо. Но почему группе "Свобода" из X + ? + Z не выступать с рэзолюциями или манифестом? А потом приватно и тайком распространить сие?/

Не понимаю, как Вы зовезали *Уоркконференц* в Берне? А еще меня у说服евали!?

Ваш Ленин.

5. Не трудно-ли Вам читать по русски? Все-ли понимаете?

5. Бернские резолюции /перевод/ либо прямо подите *Цеткину* /если у Вас есть копия/ или пришлите сюда мы снимем копию.

Крайне бы важно над с Вами посовещаться приватно с частью немецких левых. Не устронте-ли это? Кстати, не приедете-ли сюда?

В.И.ЛЕННИН - К.РАДЕКУ.

/"Ленинский сборник" XIУ, стр. 172-174/.

(До 20 августа 1915 г. Зернберг).

Дорогой тов. Радек!

Получил Ваше письмо к Шульцеру и отсыпал его с первой почтой. Примите извинение, что надо тотчас браться за работу, если хотите приготовить декларацию, не говоря уже о новом "Коммунистическом Манифесте".

Мы дали I/манифест, 2/резолюцию, 3/проект декларации. Давайте же скорее поправки или контр-проекты. Спешите! Опоздаем!

Я лично против участия Нашего Слова, но не стал бы делать из этого ультиматум. Почему против? I/Это разврат, изб само Наше Слово не об"явил себя само-разврат, третьей /кроме Ц.К. и О.К./, партией столтельной, есть окисты в неизвестном публике числе. II/Наше Слово есть представительство! /О.К.+ Наше Слово/. III/Наше Слово за фракцию Чхандзе /за нее и О.К. и Плеханов + Алексинский/. Это не разврат???

Принимать Lichtspiel за группу и считать ее поважнее Цеткинской не комично.

В этой группе есть Борхардт + Редк + сотрудники Lichtspiel. Этого довольно.

В этой группе есть журнальчик. /А у Цеткин и К° нет/

Борхардт первый заявил публично: Die sozialdemokratische abgesandt х/ Это не пропагандизм, а важнейший политический акт. Это - дело, а не посул. Нам /т.е. все левые/ важнее всего ясное, полное, точное Революционное хх/ Без этого все так-называемые "программы действия" одна фраза, один обман. Что вышло из цеткинской "резолюции действия" в Берне? Ничего в смысле действия! Ничего в смысле принципов!

Группа Борхардта, если она выступит вместе с нами или отдельно/ как анонимная группа Стерн или Фей "ХХ" или как хотите/ с точной Революционной + призыв к революционным действиям сыграет всемирно-историческую роль.

х/ Социал-демократия ушла в отставку. Ред.
хх/ - декларация принципов. Ред.
хх/ - "Звезда" или "Стрела". Ред.

Зак. № 40 Тар. 350 экз.

А Цеткина и Ко, имел в руках все /газеты, журнали, связи с Всемирной Газетой, возможность ездить в Швейцарию и пр./, не сделала за 10 месяцев ничего для объединения международных левых. Это позор.

Всего лучшего! Ваш Ленин.

P.S. А в солдаты не советую итти. Нельзя помогать врагам. Окажете услугу Шнейдерам. Лучше эмигрируйте. Ей-ай, лучше. Работники левые теперь до зарезу нужны.

"Оппозиция в Германии продукт брожения в массах, а большевики - ориентировка малой группы революционеров".

Что не по марксистски.

Это каутскианство - либо увертка

Чем был 1847 Коммунистический Манифест и его группа?? Продукт брожения в массах? или ориентировка малой группы революционеров?? Или и то и другое?

А мы, Ц.К.? Или Р.С.Д.Р. Фракцией не доказано, что есть связи с массой? А петроградский Пролетарский Голос? Или нет в России "брожения в массах"?

Левые в Германии сделают историческую ошибку, если под предлогом, что "они продукт брожения в массах" /они = Цеткина, Лајенберг, Вейхарт,

Грайбенштейн, Фанлер!!! Ха-ха! - откажутся выступать анонимно, от группы "Стран" и т.п. Потом рабочие будут присоединяться и кумать над ней/ с Риккером.

Для развития "брожения в массах" нужна левая декларация и программа. В виду такого брожения она нужна. Для превращения "брожения" в "движение" она нужна. Для развития "брожения" в гигиене Интернационале она нужна.

И немедленно!!!

Вы 1000 раз неправы.

P.S. Вы неясно написали в письме Вейнкопу: назначено на 20 августа или предложено? Чертите пару слов об этом мне и Григорию /если смешино/.

Раковский /см.его брошюру/ за защиту отечества. По моему, с такими людьми нам не по доброго

ЛЕНИН - "МНИМОЕ ИЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ
БОЛОТО?"

/Ленинский сборник ХУГ, стр. I43-I45/.

Быть с Либкнехтом, это значит 1/ нападать на главного врага в своей стране; 2/ разоблачать социал-патриотов своей собственной страны /а не только иностранных, с позволения сказать, тов Гrimm!/, бороться с ними, не объединяться с ними- с позволения сказать, тов. Гrimm - против левых радикалов; 3/ открыто критиковать и обличать слабости не только социал-патриотов, но и социал-нацистов и "центристов" в своей стране; 4/ использовать парламентскую трибуну для того, чтобы призывать пролетариат к революционной борьбе, к тому, чтобы повернуть оружие; 5/ распространять нелегальную литературу и организовать нелегальные собрания; 6/ устраивать аролетарские демонстрации, как, например, демонстрация на Потсдамской площади в Берлине на которой был арестован Либкнехт; 7/ призывать к забастовкам рабочих военной промышленности, как это делала в своих нелегальных прокламациях группа "Интернационал"; 8/ открыто доказывать необходимость полного "обновления" теперешних партий, ограничивающихся реформистской деятельностью, и действовать так же, как действовал Либкнехт; 9/ безоговорочно отвергать защиту отечества в империалистской войне; 10/ бороться по всему фронту против реформизма и оппортунизма внутри социал-демократии; 11/ столь же непримиримо выступать против профессиональных вождей, которые во всех странах, в особенности в Германии, Англии и Швейцарии, образуют авангард социал-патриотизма и оппортунизма и т.д.

Ясно, что с этой точки зрения многое в проекте большинства подлежит критике. Но об этом можно говорить только в особой статье. Здесь же необходимо подчеркнуть, что большинство во всяком случае предлагает некоторые шаги в этом направлении, а Гrimm нападает на это большинство не слева, а справа, не с точки зрения Либкнехта, а с точки зрения центра.

ЛЕНИН - "ЧЕРНОВОЙ ПРОЕКТ ТЕЗИСОВ ОБРАЩЕНИЯ

К И.С.К.

/Ленинский сборник ХУП. стр.184- 185 /

е/ Социалисты должны серьезно принять к исполнению лозунг Карла Либкнехта. Сочувствие масс этому имени одна из гарантий возможности и надежности революционной работы. Отношение Шейдемана и К°, Каутского и К° к этому имени есть образец лицемерия, на словах кланяющегося "Либкнехтам всех стран", на деле борющегося с тактикой Либкнехта.

Либкнехт порвал не только с Шейдеманами /Реноделями, Плехановыми, Биссолати/, но и с течением Каутского /Лонга, Аксельрода, Турати/.

Либкнехт провозгласил еще в своем письме в *Parteivorstand* от 2 декабря 1914 г.

"Ich habe erklärt, dass die deutsche Partei, nach meiner innersten Überzeugung, von der Kaut bis zum Marx renoviert werden muss, wenn sie das nicht vorwerfen will, noch sozialdemokratisch zu sein, wenn sie sich die jetzt gründlich verschärzte Achtung der Welt wiedererwerben will". (Marxkampf gegen den Krieg. Material zum Fall Liebknecht. Seite 22.) (Генеалогия "зарождения" Германии: "Как Либкнехт засиял").

Все партии должны принять этот лозунг Либкнехта, в сущности, конечно, было бы думать о возможности выполнить этот лозунг без исключения из партии Шейдеманов, Легинов, Реноделей, Самба, Плехановых, Вандервельде и К°, или без разрыва с политикой уступок направления Каутского, Турати, Лонга-Мерргейма.

ЗА ВОЛШЕВИСТСКОЮ ИСТОРИЮ

Н. ПОПОВ - ИДЕАЛИЗАЦИЯ ДОНСКИХ ВУГИАНСТВА - ЗНАМЯ НА- ШИХ ВРАГОВ.

(“Правда”, 1931 г., № 337 от 8/XII-1931 г.).

I

Одним из крупнейших недочетов нашей литературы по истории партии, вскрытых последним письмом т. Сталина в редакцию “Пролетарской революции” (“Большевик”, № 19-20), является совершенно недостаточное, невероятно слабое освещение таких основных вопросов большевизма, как его международное значение, как роль большевиков в создании Коминтерна. Голько этим можно обяснить тот факт, что антипартийная, полутора-кистская статья Слуцкого в продолжение почти целого года оставалась без всякого ответа. Поместив эту статью, редакция “Пролетарской революции” проявила гнилой либерализм по одному из коренных вопросов большевизма. С вопросом о международном значении ленинизма связано усвоение опыта нашей победоносной пролетарской революции коммунистическими партиями капиталистических и колониальных стран.

На этот счет существуют абсолютно ясные и точные формулировки тов. Сталина:

“Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее, ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности.”

“Ленинизм есть явление интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии, а не только русское” (“Вопросы ленинизма”, стр. 6).

“Из марксистов Ленин был первый, который подверг действительно марксистскому анализу империализм, как новую, последнюю фазу капитализма, по-новому поставил вопрос о возможности победы социализма в отдельных капиталистических странах и разрешил его в положительном смысле” (Сталин - “Об оппозиции”, стр. 340).

Международное значение ленинизма, его роль на арене всемирной классовой борьбы были абсолютно недостаточно показаны и разяснены в нашей учебной

журнальной литературе по истории партии

И это способствовало хождению полутроцкистских теорий Слуцкого, питавшихся из меньшевистского идеяного источника, ибо, согласно меньшевикам, ленинизм есть национальное явление, детище русской отсталости, стоящее на более низком теоретическом и политическом уровне, чем "западно-европейский марксизм" меньшевиков и, в частности, троцкисты на всем протяжении истории большевистской партии выставляли лозунг "европеизации" русского рабочего движения. И Слуцкий в 1930 году подбрасывал нам троцкистскую контрабанду, когда писал, что Ленин в предвоенную эпоху отставал от Розы Люксембург и вообще от немецких левых социал-демократов, гораздо позже них начал борьбу против каутскианства.

Могла ли клевета Слуцкого так долго оставаться без решительного отпора, если бы наша литература по истории партии достаточно широко популяризовала такой элементарный факт, что Ленин первый в "Что делать" дал широкое принципиальное обоснование (с точки зрения всего опыта международного рабочего движения, а не только российского) необходимости раскола с оппортунистами еще тогда, когда Ленин характеризовал ревизионизм, как "поворот к буржуазной критике всех основных идей марксизма", и считал чрезвычайно утешительным явлением, что "распри различных направлений внутри социализма превратились впервые из национальную в интернациональную". Еще тогда Ленин требовал создания идеально монолитной, тесно сплоченной и дисциплинированной партии. Организационные принципы, развитые в "Что делать" еще до раскола с меньшевиками, находились в иррациональном противоречии со всей практикой западно-европейской социал-демократии. Ленин еще в старой "искре" проводил политику раскола и с тогдашними оппортунистами (экономисты) и с тогдашними "центристами", примиренчески относившимися к экономистам (рабочедельцы). Самые левые из ортодоксальных марксистов того времени, Плеханов и Роза Люксембург, высказывались за исключение Бернштейна из партии. Плеханов несколько раз писал о Горе и Жиронде в лагере международной социал-демократии, но это были слова, одни слова. Хорошие слова, не претворявшиеся в практику! И только у Ленина и боль-

1) В связи с этим должна считаться, что в нашей литературе по истории партии чрезвычайно слабо разрешены теоретические обиды Плеханова, не вскрыта достаточно их связь с его оппортунизмом в вопросах тактики (ошибки в литературе группы "Совоборе-ния труда", примиренчество Струве, ошибки в критике ревизионистов, философские ошибки и т.д.).

шевиков слово не расходилось с делом. Обосновавши в "Что делать" необходимость радикального меневианства с оппортунистами в международном масштабе Ленин последовательно применял эту точку зрения и к экономистам, и к меньшевикам, и к западноевропейским оппортунистам.

А разве не такой же элементарный, казалось бы, стоящий вне всякой дискуссии, факт, что сформирование левого крыла во Втором интернационале произошло под прямым влиянием первой русской революции и тактики русских большевиков. Ишим примером является эволюция Розы Люксембург от меньшевизма, к которому она вначале примыкала вместе с парвусом и другими тогдашними европейскими левыми, в сторону большевизма. В 1904 году Роза Люксембург на страницах "искры" защищала меньшевистскую позицию по органическим вопросам. В 1905 г она поддерживала самую дружескую переписку с вождями русских меньшевиков, и только в начале 1906 г, после октябрьской стачки и декабряского восстания, Роза Люксембург приходит к блоку с большевиками против меньшевиков, не становясь, однако, на большевистские позиции.

Но даже, если взять тактику руководимой Розой Люксембург и наиболее близкой к большевикам из партий II интернационала польской с.-д в революции 1905-7 г.г., легко видеть, насколько даже эта партия, в общем блокируясь в течение ряда лет с большевиками против меньшевиков (начиная с IУ съезда) далеко отставала от большевизма. Достаточно вспомнить глубоко неправильную и оппортунистическую позицию польской с.-д. в национальном и крестьянском вопросах (чрезвычайно затруднившую сплочение вокруг ее основных масс польского пролетариата и революционизирование польской деревни), отрицательное отношение к советам рабочих депутатов, в которых большевики уже в 1905 г. видели зачаточные органы революционной власти, сектантское понимание партийного руководства продвижением меньшевистские тенденции по отношению к вооруженному восстанию и в организационном вопросе.

Недооценка крестьянства, недооценка способности рабочего класса руководить крестьянством смыкала взгляды польской социал-демократии с теорией перманентной революции парвуса и гроцкого, которую вожди этой партии неоднократно защищали (напр. выступая на I съезде соц-дем польши и литвы). Достаточно хорошо известно, что возглавлявшееся

Тышко и Розой Люксембург Главное правление польской социал-демократии в годы реакции не поддержало Ленина в его борьбе с ликвидаторством, а заняло в этом вопросе гиблию, примиренческую позицию, доведшую его накануне мировой войны до прямого блока с ликвидаторами против большевиков на так называемом брестсельском совещании, созданном "Международным социалистическим бюро" (Интернационала) "для ликвидации раскола в РСДРП". Между этим примиренческим отношением Розы люксембург и русским оппортунистам (ликвидаторам) и нежеланием итти до конца в борьбе с оппортунизмом на международной арене была прямая связь.

Без полной и окончательной ликвидации наследства люксембургианства (в национальном, крестьянском и в других вопросах, где оно расходилось с ленинским, компартией Польши невозможна победа пролетарской революции в Польше I).

II

Левая в Германской социал-демократии оформилась после первой русской революции на почве пропаганды "русских", точнее большевистских, методов борьбы (всеобщих стачек, уличных демонстраций, работы в водоках и среди призывающей молодежи против милитаризма и т.п.) и все предложения левых, направленные к активизации тактики германской социал-демократии, к приведению ее в соответствие с радикализацией масс в обстановке обострения империалистических противоречий, приближения войны, растущей дороговизны и т.п., встречали полную поддержку большевиков.

Но левые при всех их крупных заслугах одновременно делали ряд ошибок. Ошибочной была теория насыщения Розы люксембург, которая фактически обосновывала автоматический крах капитализма (пережитки этой теории еще сейчас дают себя знать в некоторых звеньях западных компартий, препятствуя развертыванию революционной активности рабочего класса). Проповедуя массовую стачку в Германии как решающее орудие политической борьбы, левые не осмысливались дожидаться до вооруженного восстания. Левые не сумели организационно оформиться, не вели никакой серьезной борьбы за завоевание партийного аппарата и партийных масс, спокойно удовлетворялись ролью беспартийной литературной оппозиции, которую им не нужно было засыпать, что только в 1923 г. на своем II съезде компартии Польши официально отказалась от люксембургианских взглядов по национальному и крестьянскому вопросам.

представляло центристское партийное руководство. уже после окончательного раскола в рядах РСДРП, произведенного большевиками в 1918 году, левые в Германии не только не последовали примеру большевиков, но остались на путь осуждения большевистского "раскольничества".

Слабости и ошибки германских левых во время империалистической войны достаточно вскрыты ленинским в статье о брошюре Йниуса ("Розы люксембург").

"Русскому читателю", - писал Ленин, - который знаком с социал-демократической литературой, напечатанной по-русски за границей в 1914-1916 гг., брошюра Йниуса не дает принципиально ничего нового. Когда читаешь эту брошюру, состоящую с аргументами немецкого революционного марксиста то, что было изложено, например, в манифесте Центрального комитета нашей партии (сентябрь-ноябрь 1914 года), в берлинских резолюциях (март 1915 г.) и в многочисленных комментариях к ним, приходится убедиться только в большой неподобности аргументов Йниуса и в двух ошибках его...".

"Йниус не освободился" - пишет Ленин дальше, - "вполне от "среды" немецких, даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договариваться до конца революционные лозунги. В брошюре Йниуса чувствуется одиночка, у которого нет товарищей по нелегальной организации, привыкшей додумывать до конца революционные лозунги в их духе. Но такой недостаток... не есть личный недостаток Йниуса, а результат слабости всех немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутсианского лицемерия, педантства, дружелюбия к оппортунистам".

Люди вели эти слабости и ошибки, показывает брошюра газы люксембург "Русская революция", написанная в первые в сентябре 1918 г., стало быть, почти через год после Октябрьской революции, выпущенная ренегатом леви в конце 1921 г. и вызвавшая дикий восторг радости в социал-демократическом лагере. В этой брошюре, представившей огромный шаг назад по сравнению с брошюрой Йниуса, подверглась решительному осуждению не только аграрная и национальная политика советской власти, но и распуск Учредительного собрания, лишение избирательных прав имущих классов, отмена "свободы печати" для буржуазии и ее "социалистических" прислужников, не говоря уже о "красном терроре".

"Социалистический вестник" в статье "Голос из могилы" (январь 1922 г.) полностью подписался по целым рядом формулировок о демократии и диктатуре пролетариата в этой брошюре.

Именно по поводу ее ленин вспоминал впоследствии слова крыловской басни: "орлам случается и ниже нур спускаться". Совершенно очевидна вся неправильность утверждения, что "гоза никогда не колебалась в политических вопросах в сторону центризма" (в том I) "истории ВКП", под ред т Ираславского, стр. 149). Это явная уступка люксембургианству.

Брошюра "Русская революция", к счастью, не была последним словом гозы Люксембург. Вышедши из тюрьмы, она встала под знамя пролетарской революции и была зверски убита по приказу единомышленников "Соц. вестника". Гоза люксембург признала ошибочным большинство политических положений своей брошюры, но они все же остаются характерными для непоследовательности и колебаний люксембургианства, для его оппортунистических, меньшевистских тенденций, перешитки которых должны быть беспощадно вытравлены в теории и практике международного коммунистического движения.

не случайно состоявшее из учеников гозы люксембург руководство германской компартии, с Брандлером и Тальгеймером во главе, обанкротилось в 1923 г.

Не случайно, что почти все вожди германских левых (и близкой к ним группы голландских "трибунистов") оказались впоследствии за пределами лагеря пролетарской революции. Достаточно вспомнить Леви, Брандлера, Тальгеймера, Фрелиха, Паннекуна, Гортера, Ролланда-Гольста, не говоря уже о Парвусе и денче.

Теперь исключенные из Коминтерна правые ренегаты, в лице тех же Тальгеймеров и Брандлера, которые, кстати сказать, в 1923 году или за Троцким, проповедуют об отсталости и специфически русском характере ленинизма, противопоставляют люксембургианству как европейскую высшую форму коммунизма ленинизму.

Отсюда эти агенты социал-фашизма делают практические выводы о неспособности ВКП играть идеино-руководящую роль в Коминтерне, о неправильности лозунга большевизации европейских компартий, о необходимости единого фронта с социал-фашистскими вождями.

I) Мы не касаемся здесь других принципиальных и исторических ошибок пятитомника, в частности по вопросу о перерастании буджузино-демократической революции в социалистическую, также затронутому в письме т. Сталина "Об ошибках этого порядка и о грядущем либерализме по отношению к нам мы дадим на днях особую статью".

Ш.

заслуживает особого внимания борьба, которую в течение многих лет ленинизм вел с люксембургianством по национальному вопросу. По этому вопросу большевики имели против себя сплоченный фронт не только открытых оппортунистов и центристов во II интернационале, но и левых люксембургianской позиции польской с.-д., отрицание права наций на самоопределение вплоть до отделения, как неоднократно указывал Ленин, прямо играла на руку черносотенному великорусскому шовинизму и польскому буржуазному национализму крецкие, украинские, грузинские меньшевики также подхватили люксембургianскую критику права наций на самоопределение, чтобы подменить этот пункт партийной программы буржуазно-националистическим требованием культурно-национальной автономии. В этом их целиком и полностью поддержал ликвидаторский августовский блок во главе с Троцким

ценин недаром писал:

"Розу люксембург нельзя, конечно, приравнивать к либманам, Биревичам, Семковским, но тот факт, что именно подобные люди уцепились за ее ошибку, показывает с особенной наглядностью, в какой оппортунизм она впала".

Во время войны и революции взгляды Ленина по национальному вопросу спорились не только мартовским, Троцким, польскими социал-демократами, но и частью большевиков во главе с Бухариным, которые защищали взгляды Розы люксембург (апрельская конференция, Уш-с'езд и т.д.).

На апрельской конференции 1917 г. русские и польские сторонники люксембургianских взглядов выступали вместе против тов. Сталина, делавшего доклад по национальному вопросу от имени ЦК.

Партия решительно преодолела антиленинские люксембургianские взгляды Бухарина и других тов. Сталин отмечал, какое важное значение для нашей партии имела правильная ленинская политика по национальному вопросу в революционные годы.

"Революция в России не победила бы, и кол-
чак с Деникиным не были бы разбиты, если бы
русский пролетариат не имел сочувствия и под-
держки со стороны угнетенных народов бывшей
Российской империи но для того, чтобы завое-
вать сочувствие и поддержку этих народов, он
должен был прежде всего разбить цепи русского
имperialизма и освободить эти народы от нацио-
нального гнета. Без этого невозможно было бы

упрочить советскую власть, наладить действительный интернационализм и создать ту замечательную организацию сотрудничества народов, которая называется Союзом советских социалистических республик и которая является живым преобразом будущего об "единения народов в едином мировом хозяйстве" (Сталин, "Вопросы ленинизма", стр 65).

немецкую национальную политику осуществления самоопределения наций и создания на основе этого самоопределения национальных советских республик критиковали и пытались срывать наши люксембургяне, причинивши этим большой вред советской власти и революции (в частности на Украине).

А в коммунистическом интернационале люксембургской критикой ленинских взглядов по национальному вопросу занимались Леви, Серрати и т.п. Esta "критика" прямо смыкалась с социал-демократической Гильфердинг в 1920 г., на съезде германской независимой партии в Галле, на котором произошли раскол этой партии и присоединение большинства ее к коммунистам, обвиняя большевиков в "азиатском социализме", в том, что они, видите ли, ставят ставку на отсталые, полудикие народы.

И до настоящего времени во многих партиях коминтерна неизменно до конца социал-демократических традиций выражается прежде всего в игнорировании и недооценке национального вопроса, в забвении той громадной роли, которую он играет в ленинской стратегии борьбы с империализмом, в забвении того, что угнетенные колониальные народы являются одним из важнейших, решающих резервов победоносной пролетарской революции.

Что даже и в нашей партии кое-где дают себя знать пережитки люксембургийских взглядов, конечно, в значительно измененной форме. Г. Люксембург вместе с Бухарином утверждала, что в эпоху империализма ломаются все границы, национальный вопрос теряет свое значение, и требование права наций на самоопределение становится реакционным. Наши доморощенные эпигоны люксембургистов считают, что национальный вопрос теряет свое значение теперь, в условиях развернутого социалистического строительства. Отсюда - теории упразднения или свертывания национальных республик по этим "левакским" теориям, прикрывшим великодержавный провинциальный уклон, со всей силой ударил тов. Сталин на XI съезде.

но они еще дают себя знать и в практике работы

наших центральных советских учреждений, и в практике местных партийных организаций, и на идеологическом фронте, где под замалчиванием, игнорированием национального вопроса в нашей советской действительности прячется часто самый махровый велиздарственный уклон, мешающий дальнейшему укреплению братского сотрудничества народов Советского союза, питаящий местный национальный шовинизм (который, разумеется, имеет и свои самостоятельные источники).

Знамя реставрации, идеализации ошибочных теорий и тактических взглядов люксембургизма сейчас есть знамя наших врагов, врагов партии и коминтерна. Это знамя поднимают троцкисты и правые ренегаты коммунизма. Одно из последних, еще оставшихся в их руках орудий, особенно охотно используемое троцкистами и троцкистской агентурой, — фальсификация истории большевизма.

Фальстфиков надо беспощадно разоблачать. Либерализм по отношению к ним есть "головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу" (Сталин).

К. РАДЕН. — ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ "ПРАВДЫ".

(Правда", 1931, № 341 от 12/III-1931 г.).

Как бывший ученик Розы Люксембург, пришедший к большевизму от люксембургизма и долгое время окончательно не порывавший с его ошибками, я заявляю по поводу статьи тов. Сталина "О некоторых вопросах истории большевизма" следующее:

I. Несмотря на то, что та группа в германской социал-демократии, к руководству которой я принадлежал, не солидаризировалась с теорией империализма Люксембург, что с начала войны я выступал за раскол не только с реформистами, но и с центристами в германской социал-демократии, что, работая с пятинаадцатого года под руководством Ленина, я не мог разделить оценок вопросов русской революции, данных союзом "Спартак" и Розой Люксембург в восемнадцатом году, что, убедившись в неправильности люксембургской точки зрения в национальном вопросе, я выступал на втором съезде польской коммунистической партии докладчиком против традиционной точки зрения люксембургистов в этом вопросе и, к сожалению, долго еще не продумал до конца ошибок люксембургизма и не порвал с ними решительно в ряде основных вопросов.

Оценка движущих сил русской революции, на которой мы, польские с.-д., вооружились, омыкалась с теорией перманентной революции Троцкого. Оценка основ строительства партии, которая в 1904 г. привела Розу Люксембург к поддержке меньшевиков, совпадала в основном с известной брошюрой Троцкого "Наши политические задачи". И именно неизвестие до конца этих ошибок люксембургианства было основной идеологической причиной, приведшей меня к поддержке троцкистской оппозиции.

Поэтому, хотя я с пятнадцатого года в ряде статей боролся с Розой Люксембург по разным вопросам, только глубокий идеальный кризис, вызванный моим участием в троцкистской оппозиции и разрывом с ней, заставил меня пересмотреть одновременно с троцкизмом люксембургианские ошибки в их основе. Только после возвращения в ряды партии, во вступлении в "Истории Второго Интернационала" Ленца (издание "Огонька", Москва, 1931 г.) я пытался исправить ошибочные суждения, высказанные мною на протяжении многих лет, о люксембургианстве и его отношении к ленинизму. Только в этом вступлении, написанном зимой 1931 г., я дал правильную оценку роли Ленина и большевиков в создании Третьего Интернационала, заявляя:

"Третий Интернационал возник из недр Второго Интернационала. Он представляет собой об единение новых пролетарских течений, существовавших во Втором Интернационале, об единение на почве теории Маркса-Энгельса, обогащенной опытом революционной борьбы эпохи империализма и социалистической революции, наивысшее выражение в ленинизме. Ни одно течение, за исключением русского большевизма, никогда за время своего существования в недрах Второго Интернационала не сумело подняться к тому уровню, на котором возник Третий Интернационал..."

"Достаточно промотреться к большевизму в боях 1905 года, чтобы увидеть, как малки были все попытки Троцкого представить дело так, что якобы большевизму пришлось с 1917 г. "перевооружиться" раньше, чем он смог подняться от ступени теории к практике пролетариата в демократической революции к ступени теории и практики международной социалистической революции.

"Причина гегемонии большевизма в революционном движении наших дней, в социалистической революции, начавшейся во всем мире, состоит именно в том, что большевизму не пришлось "перевооружаться", не приш-

лось в отличие от всех других течений, влившихся позже в Коминтерн, отбросить хотя бы одну из своих основных идей. Ленинская теория социалистической революции выросла непосредственно из всего его учения о характере, о пределах, тенденциях буржуазной революции, из его борьбы с ревизионизмом, из его анализа монополистического капитализма. Стратегия и тактика большевизма в борьбе за низвержение буржуазии выросли непосредственно из всех предыдущих боев большевизма. В этих боях сложились руководящие идеи большевиков. Монолитность, преемственность большевизма, его органический рост, величайшее единство его теории и практики - вот что позволило ему и только ему собрать, возглавить, слить в одно целое левые течения во Втором Интернационале, очистив их от оппортунистической примеси, от национальной ограниченности, от многих предрассужков" (стр. 43-45).

Только в этом вступлении я пытался дать связную оценку немецкого левого радикализма, заявляя, что "немецкие левые радикалы и голландские трибунисты, явившиеся течениями наиболее близкими большевизму, хорошо понимали, что период империализма должен перейти в период социалистической революции, правильно нащупывали практические выводы из этих теоретических взглядов, добиваясь перенесения центра борьбы из парламента в рабочие массы, выдвигая идею политических забастовок и новой тактики профсоюзов. Но они не понимали конкретно, что диктатура пролетариата есть государственная власть, возникающая на развалинах капитализма, в переходный период от капитализма к социализму.

"Социалистическая революция была для них борьбой пролетариата с буржуазией, как двух изолированных классов. Вопрос о союзниках пролетариата в этой борьбе ими не ставился и поэтому их отношение к национальному вопросу представляло собою сектантское отношение к действительности".

"Возникшие в недрах большой централизованной оппортунистической партии "левые радикалы" не понимали значения централизованной революционной партии и представляли себе поэтому, что "революционный инстинкт" позволит им преодолеть с легкостью сопротивление оппортунистического партийного аппарата.

"Наконец, борясь с реформизмом, как предательством интересов пролетарской революции, меньшинство Второго Интернационала не делало практических выводов из этого положения, которые могли состоять только в подготовке раскола с оппортунистами (стр. 46)"

Но и в этом выступлении недостает общей объединяющей формулы ошибок люксембургианства, которую дает в своей статье тов. Сталин, говоря что "они, т. е. левые радикалы, не освободились еще от меньшевистского груза и нуждались, в виду этого, в серьезнейшей критике со стороны большевиков".

П. Очевидно, что из такой оценки ленинизма и люксембургианства вытекает, что нельзя быть коммунистом, отрицая, что только ленинизм может явиться основой революционной политики рабочего класса, не понимая, что ленинизм, начиная с брошюры Ленина "Прозрачный народ" до последних писаний Ленина, - представляет собой одну цельную теорию революционной борьбы, не требующей и не допускающей никаких дополнений.

Все течения левого крыла международной социал-демократии, влившиеся в Коминтерн, которые не изжили своих исторических особенностей, не освободились от полуцентристских и полуменьшевистских элементов, не растворились в ленинизме, могут являться только основой для возникновения фракций, берущихся против правильной ленинской линии в Коминтерне и поэтому отравляющих мелкобуржуазное влияние на пролетариат.

Опыт истории Коминтерна полностью доказал это. Неизжитые люксембургианские теории привели брандерианцев сначала к созданию спортунистической фракции в германской коммунистической партии, а в дальнейшем, после исключения брандеровцев из Коминтерна, к их скатыванию к положению группы, пытающейся на словах создать центристскую организацию, стоящую между Коминтерном и социал-демократией, а на деле служащей социал-демократии.

Опыт троцкизма, который пытался защищать против монолитной теории ленинизма теорию "перевооружения" большевистской партии в 1917 году для того, чтобы обосновать свое право на существование в качестве особой фракции, показал, что эта фракция могла быть только отражением оппозиции мелкобуржуазных слоев и что изгнанная из рядов ВКП/б/ она должна была стать, - как правильно говорит тов. Сталин, - передовым отрядом буржуазной контр-революции.

III. Если люксембургианство выражало в период с 1910 г. по 1918 г. теорию части германского пролетариата, поднимавшегося для революционной борьбы против империализма, но не порвавшего еще радикально из-за отсутствия революционного опыта с центристскими и полуменьшевистскими взглядами, если люксембургианство перед основанием германской компартии могло благодаря тому, что его сближало с большевизмом, сыграть для десятков тысяч рабочих роль исторического пути к большевизму то всякий шаг действительной большевизации партии требовал беспощадной борьбы с ошибками люксембургианства.

Теперь, после двенадцатилетней истории борьбы германской компартии, за ошибки люксембургианства цепляются брандлерианцы и левые социал-демократы заведомо для того чтобы сделать из люксембургианства средство, удерживающее рабочих, отходящих от социал-демократии от решительного разрыва с ней.

Роза Люксембруг погибла за дело диктатуры пролетариата, погибла, начав исправлять свои ошибки в ряде основных вопросов пролетарского движения. Кто хочет служить делу за которое погибла Роза Люксембург, тот должен отбросить всякий бесприциппий либерализм по отношению к ее историческим ошибкам, которые задержали дело победы германского пролетариата.

IV. Статья тов Сталина обязывает всякого члена партии к решительной борьбе против попыток замазывания ошибок люксембургианства и уменьшения роли ленинизма как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции. Эта борьба имеет практическое значение не только для ВКПб/б/ где оппортунистические элементы не будучи уже в состоянии выступить под знаменем исторически вполне дискредитированного троцкизма, будут еще прятаться за теорию люксембургианства но и в других братских секциях Коминтерна, против которых при наезвании элементов новой революционной ситуации оппортунисты выдвигают ошибки люксембургианства как антибольшевистское знамя. В борьбе против этих попыток прямая обязанность тех из членов партии, которые пришли к большевизму от люксембургианства, принять решительное участие, в первую очередь критикуя те ошибочные

взгляды, которые они исповедывали в период, когда они еще не порвали окончательно с люксембургианством

С коммунистическим приветом
Карл РАДЕК

9 декабря 1931 г.

КАРЛ РАДЕК - ОТ ВЕЛИКИХ МОГИХ РОЗЫ ЛЮКСЕМ-
БУРГ И КАРЛА ЛИБКНЕХТА К БОЯМ ПОД ЗНАМЕ-
НЕМ ЛЕНИНИЗМА.

/ "Правда" от 22 января 1932 года № 22/.

I Под знаменем ленинизма

Международный пролетариат идет к новым великим боям Мировой кризис капитализма обострил все противоречия. Во всем мире буржуазия наступает на рабочий класс, чтобы отнять у него остатки скучных завоеваний буржуазной демократии и социальных реформ. Пролетариат защищается и готовит контр-наступление. Растут противоречия между империалистическими державами, в колониях начались новые схватки империализма с народными массами. Мировой капитал готовит наступление на республику Советов.

Готовясь к новым боям пролетариат широко развертывает знамя ленинизма. Это знамя, покрытое от пороха, пропитанное кровью лучших бойцов пролетариата прошло через все испытания не только на громадном пространстве шестой части мира, но и во всем мире. "Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее, ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности" /Сталин/. Эта теория опирается на изучение истории всего человечества и в первую очередь на историю капитализма. Она опирается на весь опыт международного ра-

бочего класса, на историю его побед и поражений. Путь этой борьбы выложен телами героических погибших вождей пролетариата от Гракха Бабефа, пытавшегося во время первой великой буржуазной революции начать борьбу за освобождение пролетариата, до Сян Чу-фа, геройского секретаря китайской компартии погибшего в мучениях в застенке чанкайшистской контр-революции. Все великие поборники пролетарского дела внесли в эту историю и кровь свою, и мысль свою, и заслуги свои, даже на их ошибках учится революционный пролетариат, преодолевая их.

Ленинизм взвесил все их работу, вывел из нее все необходимые выводы и указал пролетариату путь к победе. Ленинизм является сознанием пролетариата и его волей к низвержению капитализма.

Когда русский пролетариат в октябре 1917 года скончал власть помещиков и буржуазии, сорвал со своей шеи мертвящую петлю империалистической войны и, вступая в новую эпоху борьбы, окинул глазами пройденный путь, он в своем декрете о мире сказал устами Ленина:

"Обращаясь с этим предложением мира к правительствуам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательности рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец в германской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения".

человечества от ужасов войны и ее последствий, ибо эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно-энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации" /Ленин, соч., 3-е изд. т.ХУ/.

Обращаясь мыслью к годовщинам великих битв пролетариата, к погибшим его борцам, мы смотрим не только назад, но и вперед.

По мере того, как буржуазия становилась из революционной силы контр-революционной, она стала превращать годовщины своего прошлого в пустые обряды. Ей незачем было изучать революционный опыт своих битв и совершенные в этих битвах ошибки, ибо она давно отказалась уже от всяких революционных задач.

Мировой пролетариат только идет к своим решающим боям, и поэтому он не может подходить к своим годовщинам, к этим вехам на пути своего развития иначе, чем с беспощадной критикой и тщательным изучением всех сделанных на этом пути ошибок.

Любовь к героям, погибшим за рабочее дело, не только не является помехой к такому подходу к их жизни, но делает именно такой подход обязательным. И поэтому только мелкие филисты могут искренно видеть противоречие между шествиями рабочих масс к великим могилам Розы Люксембург и Карла Либкнехта и критической оценкой их исторической роли, образец которой дал недавно в своем письме в редакцию "Пролетарской революции" т. Сталин.

Великий революционный боец Роза Люксембург очень часто с особенной любовью цитировала следующее место из "18 брюмера" Маркса:

"Буржуазные революции, как например революции XVIII века, быстрее стремятся от успеха к успеху их драматические эффекты импозантные, люди и события как бы озарены бенгальским огнем, экстаз является господствующим настроением каждого дня: но они быстротечно скоро достигают своего высшего пункта,

и продолжительное настроение похмелья охватывает общество прежде, чем оно успевает трезво усвоить себе результат первого бури и натиска.

Напротив, пролетарские революции, каковы революции XIX века, непрерывно критируют самих себя, то и дело прерывают свой ход, возвращаются назад и заново начинают то, что повидимому уже совершено, с беспощадной суровостью осмеивают половинчатость, слабость недостатки своих первых попыток, низвергают противника, как будто бы только для того, чтобы он набрался новых сил и встал перед ними еще более могучим, все снова и снова отступают назад, пугаясь неопределенной колоссальности своих собственных задач, пока, наконец, не будут созданы условия, исключающие возможность всякого отступления, пока сама жизнь не заявит властно: "Нис Рходиц, нис Зальт!" [1]. /К.Маркс и Ф.Энгельс, "Исторические работы", Гиз, стр. 138-139/.

И опуская знамена перед могилами погибших воаждей германского революционного пролетариата, мы совместно с ним с презрением отклоним всякие попытки ренегатов коммунизма, брандлерианцев и троцкистов сделать из ошибок Розы Люксембург не только неприосновенную для критики вещь но знамя борьбы против Коминтерна. И брандлерианцы, и троцкисты прикрываются верностью памяти о Розе Люксембург и Карле Либкнехте для того, чтобы не только отказаться от доведения до конца их дела, которое невозможно бес самой жесткой критики их ошибок, но чтобы, наоборот, сделать из этих ошибок помеху в подготовке пролетариата для борьбы за победу. Брандлерианцы и троцкисты выполняют только своими средствами ту задачу, которую выполняла социал-фашистская "Лейпцигер Фольксцайтунг" когда преподносила германским рабочим, как завещание Розы Люксембург, ее ошибочные суждения об отношении демократии к пролетарской диктатуре суждения, которые льют воду на мельницу социал-фашизма.

Германские и польские пролетарии, у которых партии которых стояла Роза Люксембург, почерпнут в критике ее ошибок силы для своей борьбы за завершение задач за которые погибли великие бойцы.

Ш. Истоки люксембургианства

Течение, складывающееся вокруг Розы Люксембург, было наиболее революционной теорией западно-европейских рабочих партий предвоенного времени. И, несмотря на это, абсолютно прав Т.Сталин, когда он в своей статье говорит, что Роза Люксембург и Карл Либкнехт и их ученики "не освободились еще от меньшевистского груза и нуждались в серьезной критике со стороны большевизма". В этом суждении вождь нашей партии остался верным оценке, данной Розе Люксембург Ленинским, который писал:

"... орлам случается ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться. Роза Люксембург ошибалась в вопросе о независимости Польши; ошибалась в 1903 г в оценке меньшевизма, ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в. июле 1914 г. рядом с Плехановым, Вандер-Вельде, Каутским и др. объединение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 г., при чем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и начале 1919 годов исправила большую часть своих ошибок.

Но несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом, и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и полное собрание ее сочинений... будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира.

"Немецкая социал-демократия после 4 августа 1914 г. - смердящий труп" - вот с каким изречением Розы Люксембург войдет ее имя в историю всемирного рабочего движения.

А на заднем дворе рабочего движения среди навозных куч, куры вроде Павла Леви Штедмана, Каутского и всей этой братии, разумеется, будут особенно восторгаться ошибками великой коммунистки. Каждому - свое" /Ленин, т. XX, ч. 2-я, стр. 490-491/.

Наша задача сегодня не состоит в теоретическом разборе ошибок Р.Люксембург, а в выяснен-

нии, откуда они взялись, ибо это выяснение явится одновременно характеристикой этих ошибок и доказательством того что люксембургианство являлось неумением применить марксизм к новой эпохе империализма и социалистической революции и поэтому являлось отступлением от марксизма. Перед коммунистом, изучающим развитие взглядов Розы Люксембург, встает вопрос: отражением чего были ее ошибки? Отражением недостатков польского рабочего движения, из которого она вышла и с которым никогда не порывала связи, или же немецкого рабочего движения, в боях которого она погибла? Мы думаем, что правильнее считать, что в основном взгляды Розы Люксембург развивались под влиянием обстановки германского рабочего движения, оно выражением его недостатков, против которых Роза Люксембург бунтовала, но которые она не умела теоретически преодолеть, хотя ее ошибки в национальном вопросе ее недооценка роли партий в вооруженном восстании носят преимущественно польский штемпель.

Германское рабочее движение развивалось в условиях, созданных тем фактом, что в Германии не победила до конца буржуазная революция, что капитализм Германии развивался на "пруссском пути", т. е. на основании компромисса между нейливидированным до конца феодализмом и победившим капитализмом.

На "пруссском пути" немецкий капитализм развивался и сделал к концу XIX столетия из Германии одну из руководящих стран развивающегося капитализма. Рост промышленности, рос пролетариат, росли его организованность и социалистическое сознание. Своей борьбой он сумел прорвать рогатки, поставленные ему бисмарковскими исключительными законами.

Но союз буржуазии с помещиками, наличие самого сильного милитаризма в Германии - все это создало у значительной части пролетариата чувство беспилотия перед лицом громадной государственной машины. Партийная опрокидия, боявшаяся введения вновь исключительных законов, пыталась убедить рабочих, что брешь в этой стене можно пробить только медленно, что стену эту нельзя брать штурмом, что если про-

ледариат создаст великолепные организации и будет вести "разумную" политику по отношению к прогрессивной буржуазии, то в окончательном счете удастся добиться демократических и социальных реформ, ведущих к социализму.

Рост влияния германского капитализма на мировой рынок позволил германской буржуазии создать и в Германии наподобие Англии свою рабочую аристократию, в которой оппортунистические тенденции партийной бюрократии и попутчиков нашли новую оценку, как это указывал Ленин в своей статье по поводу штутгартского съезда II Интернационала еще в 1907 г.

Оппортунизм нашел свое выражение в реформистской теории, которая представляла рабочим перспективу социалистической революции, как полную утропу, заменяя ее перспективой реформ путем коалиций с либеральной частью буржуазии, коалиции, направленной против реакции, которую реформисты представляли, как исключительный результат влияния феодальных элементов.

Роза Люксембург отклоняла путь коалиции с буржуазией, но не умела ясно и недвусмысленно развернуть перед рабочим классом ту перспективу, что ликвидация остатков феодализма может быть достигнута только в революционных боях и что эти бои на уровне, достигнутом капиталистическим развитием Германии неминуемо приведут к социалистической революции. Свои попытки поднять рабочий класс на революционную борьбу она правильно связывала не только с борьбой против опасности войны, с борьбой против империализма, но и с борьбой за всеобщее право голосования в Пруссии, т. е. борьбой за демократию. Она правильно выдвинула лозунг республики, спрятанный оппортунистами. Но не умей решительно преодолеть оппортунистические перспективы правого крыла социал-демократии и бесперспективность центра, она не сумела поставить перед германским рабочим классом перспективы предстоящих боев за социализм и поэтому не смогла выдвинуть перед ним с полной отчетливостью вопрос о пролетарской диктатуре. Она говорит об этом лозунге в 1898 г., но нигде до самой смерти она не дает развернутой теории диктатуры пролетариата. Она не уме-

ет, как это сделал Ленин уже в 1905-1906 гг., восстановить учение Маркса о диктатуре, учение, замурованное оппортунистами и спрятанное от рабочего класса, не говоря уже о ее неумении углубить это учение на основе исторического опыта.

Под гипнозом могущества германского милитаризма левое крыло германской социал-демократии поверило оппортунистическому толкованию вступления Энгельса к Марковой работе о классовых боях во Франции. Парвус в 1896 году доказывал, что восстания никогда не играли решающей роли в современных революциях, что они имели только моральное влияние, ускоряя переход войск на сторону восставших. Этому взгляду Роза Люксембург оставалась верна всю жизнь в отличие от Ленина, восстановившего учение Маркса о "восстании как искусстве". В этом неверном убеждении, являющемся прямым отступлением от марксизма, она утвердилась под влиянием авантюристической политики ПСС, организующей "восстания" в полном отрыве от движения народных масс. Борясь с этим авантюризмом, Люксембург в 1905-1906 г.г. доказывала, что путь к победам состоит в том, что солдаты принуждаемые буржуазией проливать кровь восставшего народа, неминуемо, под влиянием революции разложатся и перейдут в конечном счете на сторону пролетариата и народных масс, с которыми они связаны своим происхождением. Задачи подготовки восстания и руководства им для нее не существовало.

Исходя из этого, Роза Люксембург никогда не умела противопоставлять учению германской социал-демократии об организации партии как избирательного аппарата марксово учение об организации партии как авангарда пролетариата, стремящегося стать вождем народных масс и во главе их низвергнуть врага вооруженным восстанием. Она, отклоняя оппортунистическое учение о партии как о выборной парламентской машине, выдвигала учение о ней как об организации агитаторов, просвещающих народные массы и призывающих их к бою.

Не выдвигая требований, чтобы социал-демократическая организация была организацией, го-

товащей пролетариат к великим революционным боям, а смотря на нее как бы на какую-то предварительную школу пролетарского сознания. Роза Люксембург не понимала никогда необходимости разрыва с оппортунизмом. Она фетишизировала формальную демократию массовых рабочих партий, не видя, что эта демократия является за- слоном, за которым скрываются оппортунистиче- ская политика, проводимая на деле реформиста- ми за спиной рабочих масс. И даже тогда, когда Розе Люксембург стало ясно, что руководство социал-демократии не только не ведет пролетариат к борьбе, а, наоборот, пытается его удержать от борьбы, она не сумела понять, что партийной централизации, служащей только оппортунизму, надо противопоставить фракционную централизацию рабочих сил, из которой при обострении классовой борьбы вышла бы централизованная революционная партия пролетариата. Роза Люксембург никогда не могла преодолеть своей ошибочной организационной теории, с которой выступала против Ленина в 1903 г. при расколе русской социал-демократии на большевиков и меньшевиков. И поэтому она очутилась во время войны перед лицом предательства социал-демократической пар- тии во главе разрозненной группы левых, не имеющих ни выработанной общими силами революционной теории, ни окрепшей в боях фракционной организацией, подготовлившей создание собственной партии. И вместо того, чтобы создавать собственную партию, она, несмотря на протесты бремен- ских левых, находившихся уже тогда под непосредственным влиянием большевизма, вводит группу "Спартак" в ряды возникшей тогда центристской независимой социал-демократии и затягивает таким образом процесс идейного и организованного оформления революционных элементов. Она же стократно расплачивается за эту ошибку. Союз "Спар- так", завоевав себе своей героической борьбой значительное влияние на народные массы, оказывается в начале ноябрьской революции ничтожной величиной как организованная сила. Он оформляется в компартию буквально за две недели до трагической гибели Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

Отношение Розы Люксембург и левых радикалов к крестьянскому вопросу было простым выражением того факта, что они в этом вопросе шли полностью на поводу у социал-демократии. Более высокая ступень дифференциации крестьянства на Западе, прямая принадлежность довольно численной зажиточной части крестьянства к буржуазии не упразднили факта существования большого слоя мелкого крестьянства, которое могло стать и на Западе союзником пролетариата в борьбе против капитализма.

Роза Люксембург видела только, что западноевропейская социал-демократия пытается купить голоса крестьянства уступками его собственническим интересам и отклонила эту оппортунистическую политику. Но она не сумела противопоставить этой политике борьбу за беднейшие слои крестьянства, как за одну из предпосылок победы пролетарской революции.

Точно таким же было отношение Розы Люксембург и левых радикалов к национальному вопросу, которое ничего общего не имело с точкой зрения Маркса и Энгельса, восстановленной и развитой Лениным.

На Западе не было уже национальных революционных движений /кроме Ирландии/ и национализм существовал только как орудие мелкой буржуазии и капиталистической реакции. Роза Люксембург и левые радикалы, борясь с национализмом реакционной буржуазии, и стали антинационалистами. Этот ограниченный западноевропейский антинационализм мешал им понять, что на востоке и юго-востоке Европы, а тем более в Азии Африке неминуемы национальные движения, которые будут составной частью мировой революции, от которой погибнет капитализм. Они не поняли, что поддержка этих движений, завоевание их доверия к пролетариату являются одним из условий победы мировой пролетарской революции.

Достаточно сравнить писания Розы Люксембург, брошуру голландца Антона Панекука, австрийца Иосифа Штрассера, статьи пишущего эти слова во время войны с предвоенными статьями Ленина и Сталина, чтобы увидеть, что левые радикалы умели только уклониться от этого вопроса, имеющего громадное значение, а не решить его по-революционному.

Наконец в своей теории накопления, не ставящей в центре анализа империализма капиталистической монополии, Роза Люксембург, взявшись за "исправление" Маркса, на деле не сумела его применить к изучению высшей стадии капитализма. Ее неверная теория империализма породила ряд крупных политических ошибок. Отсутствие понимания monopolистического капитализма, его паразитических черт привело к недооценке сил реформизма, ибо не видя, что реформизм есть теория рабочей аристократии и рабочей бюрократии, довольно широкого слоя, связанного с monopolистической буржуазией, ее подкармливаемого, видя в реформизме влияние, вносимое в пролетариат мелкобуржуазными попутчиками, Роза Люксембург не понимала, что реформизм нельзя будет преодолеть в рамках единой партии, что для борьбы с ним нужен раскол, что эта борьба примет в период социалистической революции характер вооруженной борьбы.

Все эти ошибки показывают в итоге, что Роза Люксембург не умела помарксистски проанализировать то переходное время от рождения империализма до начала социалистической революции, в которое она действовала. Она не сумела применить марксизм к новой рождающейся эпохе, что так блестяще сделал Ленин, ставший поэтому непосредственным продолжателем работ Маркса и Энгельса. И не умев применить марксизм к новым условиям, Роза Люксембург не могла занять правильной позиции по отношению к стратегии и тактике, развитым Лениным. То что ее наиболее отделяет от ленинской теории русской революции, — это абсолютное отсутствие у нее идей перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, этого наиболее высокого выражения диалектики Ленина. Сначала Роза Люксембург просто отклоняет возможность ее перерастания в социалистическую. Она — враг идеи коалиции с буржуазией, ибо, воспитанная на Западе, она видела всю гниль либерализма, но она точно так же, как меньшевики, убеждена, что результатом победы пролетариата в революции может быть только господство буржуазии, пока дальнейшее экономическое развитие капитализма в Рос-

сии не создаст условий для победы социализма. В дальнейшем она полностью переходит на точку зрения Троцкого и высказывает убеждение, что без скорой победы западно-европейского пролетариата советский пролетариат не сможет построить социализма. И это-то ее убеждение опирается на отклонение от учения Маркса и Энгельса о крестьянстве о необходимости объединения пролетарской революции с крестьянской войной и возможности социалистической переделки среднего крестьянства победоносным пролетариатом. Она не видит тех рычагов, при помощи которых пролетариат может привлечь крестьянство, и поэтому не верит в возможность построения социализма в одной, к тому же отсталой, стране. Тут самий глубокий стык Люксембург с Троцким x/

III Историческая роль Розы Люксембург

В своих лекциях об "основах ленинизма" Стalin разбирает вопрос, "почему именно Россия послужила очагом ленинизма, родиной теории и тактики пролетарской революции". Ответ на этот вопрос является одновременно ответом, почему не стала этим очагом марксизма эпохи империализма и социалистической революции Германия, почему Люксембург не отбросила оппортунистической плеяды, которой покрыла Марксову учение германская социал-демократия, почему она не сумела его поднять на ту высоту, на которую поднял его Ленин.

Тов. Стalin говорит, что Россия стала родиной теории и тактики пролетарской революции "из-

x/ Мы пытались здесь показать источник ошибок Розы Люксембург как наиболее выдающегося теоретического руководителя левых радикалов

Мы не касались ошибок Карла Либкнехта, ибо поскольку они отличны от ошибок Розы Люксембург они имели чисто индивидуальный характер и не имели влияния на лево-радикальное движение к которому Либкнехт на деле примкнул только после войны. В предвоенный период Либкнехт не принимал участия в том, что называлось лево-радикальным движением, посыпая свое внимание в первую очередь борьбе с милитаризмом. - К Р

тому, что Россия была узловым пунктом всех противоречий империализма. Потому что Россия была беременна революцией более, чем какая-либо страна, и только она была в состоянии в виду этого разрешить эти противоречия революционным путем... С Россией и Лениным "случилось" тут приблизительно то же самое, что и с Германией и Марксом-Энгельсом в сороковых годах прошлого столетия. Германия была чревата тогда так же, как и Россия в начале двадцатого столетия, буржуазной революцией. Маркс писал тогда в "Коммунистическом манифесте", что:

"На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится на кануне буржуазной революции, потому что она совершил этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетий. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции".

Иначе говоря, центр революционного движения перемещался в Германию.

Едва ли можно сомневаться в том, что именно это обстоятельство, отмеченное Марксом в приведенной цитате, послужило вероятной причиной того, что именно Германия явилась родиной научного социализма, а вожди германского пролетариата - Маркс и Энгельс - его творцами.

То же самое нужно сказать, но еще в большей степени, про Россию начала XX столетия. Россия в этот период находилась на кануне буржуазной революции, она должна была совершить революцию при более прогрессивных условиях, чем в Европе, и с более развитым пролетариатом, чем Германия /не говоря уже об Англии и Франции/, причем все данные говорили о том, что революция эта должна послужить бродилом и прологом пролетарской революции...

Мудрено ли после этого, что страна, проделавшая такую революцию и имеющая такой пролетариат, послужила родиной теории и тактики пролетарской революции?

Мудрено ли, что вождь этого пролетариата, Ленин, стал вместе с тем творцом этой теории и так-

тики и вождем международного пролетариата?"
 /Сталин, "Вопросы ленинизма", Гиз, 1931 г., с
 9 по 12 стр./

Германия, экономически стоящая выше России, Германия, в которой экономические условия со- зрели уже перед войной для социалистической революции, не восстановила теории Маркса в ее чистоте, не сумела применить ее к новой обста- новке, ибо, как говорил Ленин в "Детской болезни", революционная теория "складывается оконча- тельно лишь в тесной связи с практикой дей- ствительно массового и действительно революци- онного движения".

Когда складывались взгляды Розы Люксембург и левых радикалов этого действительно массового и действительно революционного движения в Гер- мании не было. Поэтому они не сумели подняться до высот ленинизма, не сумели освободиться от груза многих возарений, которыми социал-демо- кратия вульгаризировала марксизм.

Не благодаря своей теории, а вопреки ей Роза Люксембург и тем более Карл Либкнехт стали во- юдями революционных рабочих в Германии, своей борьбой против войны и против предательства социал-демократии спасли честь германского со- циализма и погибли за дело пролетарской дикта- туры, исправив часть своих ошибок. Глубоко пре- данные делу рабочего класса, ненавидящие капи- талистическую эксплоатацию, глубоко убежденные социалисты, они ополчились против развращения реформистами рабочего класса и дали им незабы- ваемые сражения. Живая связь с революционными рабочими толкнула Люксембург и Либкнехта на по- пытку уже перед войной вывести рабочие массы на улицу, перейти от исключительно парламент- ских средств борьбы к массовой забастовке и перенести таким образом борьбу из области парла- ментских прений в область великих непосред- ственных классовых боев. Их пламенный интерна- ционализм, чувство пролетарской международной солидарности заставили их взять на себя все страдания подпольных борцов против озверевшей военщины самой сильной империалистической дер- жавы на континенте и против подлого предатель- ства когда-то рабочей, а теперь предательской германской с.-д. партии.

Несмотря на их фальшивую оценку большевизма, — если Роза Люксембург колебалась между меньшевизмом и большевизмом, то Либкнехт перед войной прямо симпатизировал русским меньшевикам, — революционное чутье борца заставило Розу Люксембург преодолеть свое недоверчивое отношение к большевизму.

Еще на циммервальдской и кантальской конференциях делегаты группы "Спартак" сторонились большевиков.

Роза Люксембург в тюрьме критикует со своей неверной, антиленинской точки зрения политику большевиков, но должна признать, что большевики — единственная революционная партия в России. Революционное чутье, революционный инстинкт заставляет Розу Люксембург после выхода из тюрьмы искать сближения с большевиками. На этот путь толкают ее те рабочие массы, которые Роза Люксембург собрала под своим знаменем. Несмотря на то, что Роза Люксембург становится средостением между этими массами и большевиками, несмотря на то, что спартаковцы не переиздают русской большевистской литературы, Октябрьская революция, как горящий факел, указывает путь революционным рабочим Германии и говорит им, чего хотят большевики.

После выхода из тюрьмы Роза Люксембург стоит перед фактом идейного сближения германской рабочей массы с большевизмом, что ускоряет эволюцию самой Люксембург, начатую под влиянием первых революционных боев в Германии и под ударами большевистской критики.

Статья Розы Люксембург в "Роде фане", программа "Спартака", содержащая не только лозунг пролетарской диктатуры в форме советской власти, но и защиту красного террора, против которого долго боролась Роза, показывают, как исторический опыт, подтверждение всех предсказаний Ленина, поворот революционных германских рабочих к большевизму заставили ее понять, что нет другого пути для пролетарской борьбы, кроме пути русского большевизма.

Роза Люксембург не смогла теоретически завершить это свое приближение к большевизму. Статьи последних месяцев ее жизни — только начало исправления ее ошибок, и она погибла на пороге ис-

вой эпохи своей жизни, погибла за то же самое дело, за которое боремся мы.

Социал-демократические панчи, убившие ее в Либкнехта, не дали ей возможности теоретически преодолеть до конца свои ошибки и таким образом избавить пролетариат Германии и Польши от больших поражений в значительной мере вызванных ее отступлением от марксизма.

Историческая роль Розы Люксембург и левых радикалов состоит в том, что они пытались мобилизовать перед войной германский пролетариат на борьбу с империализмом, на борьбу с перерождением германской социал-демократии. Это — их историческая заслуга. Но, не будучи большевиками, даже считая свои теоретические взгляды выше большевистской стратегии, которую они обвиняли в том, что она отражает особенности отсталой крестьянской страны, левые радикалы, двигая рабочее движение Германии вперед на путь революции, одновременно задерживали это движение, ибо последовательно можно было вести его к революционным боям, приготовления для этих боев, только опираясь на ленинизм, уже развитый во всех своих основных пунктах, как система мыслей, перед войной в боях большевизма с меньшевизмом и центризмом всех стран.

Ошибки Розы Люксембург были налицо уже перед войной и перед революцией 1917 года и мешали ей выполнить ту революционную роль, которую она пыталась сыграть, но, понятно, они вынесли на первый план в период непосредственного испытания в великих классовых боях.

IV. Большевизация братских компартий и преодоление ошибок люксембургианства

Благодаря ошибкам люксембургианства польская социал-демократия, предтеча польской коммунистической партии, не сумела в момент раз渲а германского и русского империализма, борющегося за Польшу, найти путь к крестьянским массам. Благодаря своему непониманию национального вопроса она не сумела отличить революционные элементы ненависти к царскому национальному гнету от национализма, как орудия господства буржуа-

зии и помещиков. Благодаря этому польская компартия, имевшая за собой в 1918 году 25-летнюю историю собственного массового рабочего движения, не сумела не только взять власть, но даже поставить перед собой вопрос о взятии власти. В 1920 году, во время советско-польской войны ошибки польских коммунистов в крестьянском вопросе были одной из причин, почему им не удалось поднять революционного восстания в Польше.

Германская компартия, в результате ошибок Розы Люксембург в организационных вопросах, в вопросах оценки реформизма и центризма, в вопросах восстания и диктатуры пролетариата выступила недостаточно политически и организационно вооруженной и была разбита наголову.

Не подлежит никакому сомнению, что влияние немецких левых радикалов на ту часть венгерской социал-демократии, из которой после вышли основатели венгерской компартии, имело сугубо вредное влияние в аграрном вопросе и было одной из причин того факта, что венгерские коммунисты не сумели связаться с крестьянским.

Только преодоление этих ошибок, только вытеснение люксембургианства из голов среднеевропейских коммунистов ленинизмом может очистить путь к победе пролетариата.

Когда Ленин говорил, что полное собрание сочинений Розы Люксембург "будет полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира", то этим он призывал рабочих учиться на ошибках Розы Люксембург, критически преодолевая их, подниматься к революционной теории, давшей победу русскому пролетариату.

Ученики Розы Люксембург не давали себе ясного отчета в необходимости полного преодоления люксембургианства отчасти потому, что сами полностью не освободились из его плена, отчасти потому, что любовь к великим мученикам мешала им понять эту необходимость.

Статья тов. Сталина, как ивой, который она называла в органах ренегатов коммунизма и социал-демократии, убедит, наверное, всех, кому дорого дело, за которое погибли Роза Люксембург и Карл Либкнехт, в абсолютной необходимости преодоления прошлых ошибок, в абсолютной необходимости

ности пересмотра своего идейного багажа и очищения его от того, что было антибольшевистским у Розы Люксембург. Пусть кричат ренегаты, что мы оскверняем память о любимых пролетариатом борцах, - наученный суровой школой жизни, революционный рабочий чтит память о Розе Люксем - бург не за ее ошибки, а за то, что она, хотя и не сумела его достаточно вооружить для революционных боев, все же пыталась разбудить его для них, вывести из рамок мирного парламент - ского периода в период бури и натиска. Но опыт показал ему, что недостаточно хотеть победить, что надо уметь победить, а уметь победить можно, только встав всецело на почву ленинизма.

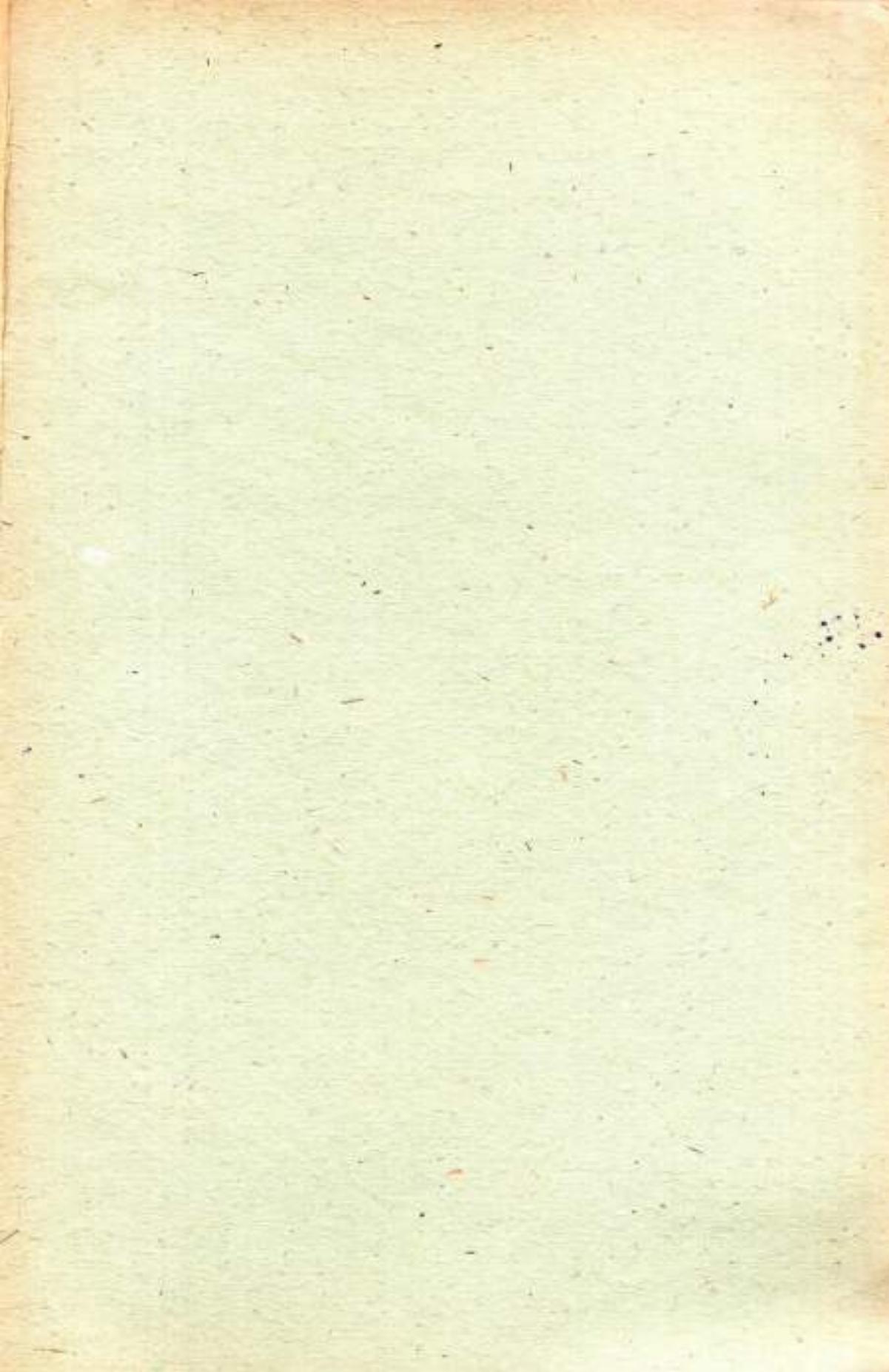
Нельзя объединять теорию ленинизма-марксизма с отступлением от марксизма, с неумением применять его к нашей эпохе. Рабочий, идущий на бой, хочет вооружиться оружием, при помощи которого можно наносить врагу смертельные удары. Поэтому всякий революционный рабочий поймет необходимость критики люксембургианства и его преодоления, а вопли ренегатов коммунизма будут для рабочих доказательством не их любви к памяти о Rose Люксембург, а того, что эти ушедшие от коммунизма ученики Розы Люксембург не хотят бороться против буржуазии, т. -е. что они предали дело Розы Люксембург.

-----000-----

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Как социал-демонисты и ренегаты используют имя Розы Люксембург.	
Сирист Брезе.-Роза Люксембург и ленинцы... 3	
II. Люксембургианство.	
Роза Люксембург и ревизионизм.	
Симул полемики с Бернштейном.....	I2
Милитаризм.....	I3
Общий характер ревизионизма.....	I5
Завоевание политической власти.....	I7
Опортунизм в теории и на практике.....	24
Речи по вопросам тактики на съезде 1898 г. в Штутгарте.....	28
О внебардиганской борьбе в всеобщ. стачке.	
Массовая стачка - стихия.....	32
Массовая стачка и революция.....	33
Массовая стачка и партия.....	35
Характер и уроки русской революции.	38
Партия в профсоюзах.....	43
Империалистическая война, революции 1917 и 1918 г. г. и Роза Люксембург.	
Роза Люксембург.-Восстановление Интер- национала.....	59
Роза Люксембург.-Тезисы о задачах ме- ждународной социал-демократии.....	63
К. Радек.-Задачи иево-радикального крыла	67
Речь Кете Дункер на Всегерманской кон- ференции соц.-дем. партий.....	72
Империалистический социализм или проле- тарская классовая борьба?.....	77
Роза Люксембург.-Русская трагедия.....	81
К. Радек.-Гарантии.....	83
Резолюция Всегерманской конференции группы "Спартака".....	86
Р. Люксембург.-Революция должна быть массой	91
Р. Люксембург.-Снизу вверх!.....	94
Отчет делегата ЦК РСДРП.	109
В. И. Ленин - К. Радеку.....	112
В. И. Ленин - К. Радеку.....	113
Ленин.-Из ст. "Мифы или действительное болото?"	115
III. За большевистскую историю.	
Н. Попов.-Извилизация люксембургианства- знамя наших врагов.....	117
К. Радек.-Письмо в редакцию "Правды".....	125
К. Радек.-От великих могил Розы Люксембург и К. Либкнехта к боям под знаменем ленинизма .	130
-----000-----	

БЕСПЛАТНО

